ПИОНЕР

НОЯБРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1958 год 11

Цена 2 р. 50

ОКТЯБРЬ

В праздник.

Рисунок В. Константинова.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 35-й

НОЯБРЬ

№ 11 · 1958

В этом номере:

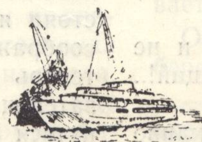

На вклейках:

На обложке:
картина Я. Серова
«Как пройти в Смольный».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На льдине

Сафа САБИРОВ

Рисунки Е. Расторгуева.

Перевел с татарского Н. Богданов.

Подойдя к Волге, я отшатнулся, пораженный ее необычным видом. Еще вчера река сверкала, играя отражениями лесов, полей, облаков.

А теперь вся поверхность воды заполнена серым ледяным крошевом.

— Густо шуга пошла...

Я оглянулся. На берегу, опираясь на весло, стоял коренастый дед с загорелым лицом и курчавой седой бородой. Судя по форменному бушлату, видневшемуся из-под полушубка, не то отставной рулевой, не то боцман. Рядом с ним, опираясь на костыли, стоял солдат в старой шинели.

— Прощай, Волга-реченька, может, и не увидимся больше,— сказал он,— прощай!.. Далеко до весны!

Его грусть передалась и мне. Тоскливо смотреть на осенний ледоход: это не то, что весенний. Весной все звенит, поет и сверкает: и солнце, и вода, и льдины, несущиеся вперегонки. Река сбрасывает с себя зимний покров, взламывая метровой толщины лед играючи. Ей помогают солнце, дождь и ветер. А сейчас с тонкой ледяной пленкой и то никак не справится. Хмурое небо сыплет белую крупу из серых облаков. Северный ветер сгоняет шугу в кучи. Река еще пытается бороться, дышит тяжело, взламывая первый лед и унося его вниз, на юг, туда, где потеплее. Но вода течет медленно, а мороз работает быстро, покрывая поверхность воды шугой. Шуга — это не весенний лед, который крошится, весело звеня, рассыпаясь стеклянными иглами. Шуга облепляет, сковывает. Даже пароходу со всей его силищей иной раз не вырваться.

На пристани никого. У парома ни души. Я огляделся и понял: ни пароходов, ни переправы больше не будет... Как же я теперь попаду в город? Как доберусь до ремесленного училища? Предупреждал меня директор: смотри, Закир, не задерживайся... А как не задержаться, если каждый день шла борьба за жизнь моего деда, горячо любимого мной старика?

Только вчера он стал узнавать меня, погладил по голове и сказал:

— Ну, спасибо, спасибо, родной! Беги, учись... Теперь ничего, одолели мы ее, а не она нас...

Да, могучее средство доставил я из города. Воспаление легких как рукой сняло.

Так, счастливый и несчастный одновременно, стоял я в растерянности, соображая: что же мне теперь делать? Мне обязательно надо было вернуться в училище. Но как?

И вдруг я догадался: старик-то ведь, наверно, с того берега! Вон на лодке номер бакена. Похоже, что это бакенщик. Пере-

возил, наверное, этого инвалида. Ну да, конечно, вот они прощаются, и солдат благодарит старика:

— Уж вот как выручил, Кузьмич!.. Теперь порядок, дойду. Побывал у докторов: старая рана вскрылась; очистили ее... До весны заживет... А как же ты теперь? Ишь, следом за нами сплошняком пошло... Может, переждешь у меня, пока река встанет?

По молчанию старика я понял, что он колеблется, пускаться ему в путь или пережидать.

— М-да... — расправил он на обе стороны бороду, запутавшуюся в пуговицах форменного бушлата. — Оно бы и ничего, кабы гребец был... Вдвоем бы...

Тут я не выдержал и вмешался:

— Гребец есть, дедушка! Мне тоже на ту сторону нужно.

Старик вздрогнул и не сразу ответил. Ему явно не хотелось пускаться в обратный путь.

Сурово оглядев меня, спросил:

— А вам по какой надобности?

— На занятия опаздываю! В ремесленном учусь...

Старик сдался не сразу.

— А зачем было в такую пору на этот берег лазить?

— Не по своей прихоти, конечно: больного деда навещал, лекарства привез...

Это убедило старика.

— Ну, если такое дело, значит, нам плыть да быть. Прощевай, мы поехали!

Кузьмич попрощался с инвалидом и, кивнув мне, взялся за нос лодки. Мы столкнули небольшую расшивку в воду. Я сел на весла, дед — на корму. Перед отплытием он еще вернулся на берег, набил лодку старыми фашинами — плотно увязанными пучками хвороста, — и мы тронулись.

Вначале мы плыли ходко. Я разогрелся на веслах, по телу разлилась приятная теплота, и все показалось мне таким простым и обычным. Эка штука — переплыть Волгу! Саженками — и то перемахнуть можно, была бы вода потеплей.

Я радовался попутному ветру: он подгонял лодку и отжимал от берега шугу. Разогревшись, не замечал, что ветер этот нагоняет холодный туман, что под его дуновением поверхность воды покрывается тоненькой льдистой пленкой.

— При таком ветре, глядишь, скоро на бакен выйдем, — сказал я легкомысленно.

— Эй, не радуйся, беды не накликай! — нахмурился Кузьмич. — Дует ветер-студенит, кидать сети не велит...

Слова старика показались мне пустым суеверием. Но потом я вспомнил, что при первых порывах ветра-студенита наши рыбаки кончали лов, боясь заморозить невод, и стал чаще бить веслами, стараясь поскорее миновать стрежень, забитый шугой. Но все медленней шла лодка. Пробивать дорогу становилось трудней. Кузьмич, оставив кормовое весло, перешел на нос и, достав багор, стал отталкивать сбившуюся в комья шугу.

Но вот уже багор не помогает. Ледяная каша смерзается в сплошное поле. Кузьмич, бросив багор, работает веслом, как топором, пробивая узкий канал, который сразу же смыкается позади лодки.

Пот холодит мое лицо и спину, и я догадываюсь, что мороз крепчает. Шуга уже не чавкает под веслом старика, а позванивает...

Оборачиваюсь, чтобы взглянуть, далеко ли берег.

— Давай, давай, — слышу сердитый окрик, — а то пристынем!

Теперь я понимаю, какая опасность нам грозит.

В прошлом году мимо нашего села пронесло самоходную баржу, вмерзшую в огромную льдину. Она была беспомощна, как кит, выброшенный на мель.

У меня горят ладони. Перехватываю весла поудобней.

— А ну-ка, дай я погреюсь! — Весело подмигнув мне, Кузьмич скидывает полушубок и садится на весла.

Я накрываюсь его полушубком, чтобы он не стыл, а старый бакенщик гребет по-морскому, аврально.

— Кто на море не бывал, тот работы не видал! — задорно приговаривает он.

Все его старания напрасны. Мы вмерзаем в ледяное поле и движемся вместе с ним, удаляясь от заветного полосатого столба на том берегу, где виднеется избушка бакенщика.

Кузьмич не сдается. Он снова сажает меня на весла, а сам начинает пробивать ход к чистой воде. Нам бы только вырваться из ледяного поля. Там, ближе к берегу, видно, как над быстриной курится туман: подымается парок над чистой водой.

Нам обоим становится жарко. Каждый метр дается в поте лица. Но все же мы продвигаемся. Так проходит много времени.

В сумерках мы вырываемся из ледяного плена. В изнеможении бросаем весла. Лодку подхватывает быстрина. Нас сносит вниз, но все равно мы радуемся. Мы на свободе! Вот только вздохнем немного, а потом понатужимся и будем на том берегу.

Старик закуривает, свернув козью ножку. Руки его дрожат. Махорка сыплется на связки фашин. Он взглядывает на огонек, появившийся где-то выше, на том берегу.

Затянувшись разок — другой, Кузьмич берется за кормовое весло. Я пытаюсь грести, обернув ладони разорванным надвое носовым платком, но жгучая боль от содранных мозолей заставляет меня бросить весла. От стыда я готов заплакать. Ведь я сам вызвался быть гребцом!

— Ладно, грести тут нечего,— кричит мне Кузьмич, как глухому,— река сама к берегу прибьет!

И верно. Вскоре я различаю выше уровня реки кусты тальника.

— Земля! — кричу я, вскакивая.

— Остров! — гасит мою радость старик.— А за островом протока... Вот ежели она чиста, считай, что мы дома!

Но тихая протока оказалась покрытой льдом. Течение понесло нас вдоль его кромки. Пробить ее не было возможности, а идти по льду опасно.

Мы пытались найти какую-нибудь трещину, чтобы пробиться к берегу, но тщетно. Здесь и застала нас ночь.

— Что пригорюнился, малый? — Кузьмич подсел рядом и накрыл меня своим полушубком. На двоих он был маловат. Мы тесно прижались друг к другу и, пригревшись, молчали, слушая, как шуршит шуга. Грести было бесполезно. Только иногда, когда вокруг лодки образовывался припай, старик молча обкалывал его веслом.

— Ты чего-то ослаб,— сказал мне Кузьмич,— тебе бы надо подкрепиться!— Он пошарил в карманах полушубка.— Была сухая корка, и ту вроде Шарику отдал...

— А у меня есть! — Я достал из заплечного мешка пирог с пшенной кашей, который мне сунула бабушка, и хотел угостить Кузьмича.

— А с чем пирог-то? — спросил он и, узнав, что с кашей, отказался:— Благодарствую, но с пшенной не ем. Нет, не могу, душа не принимает! Не люблю пшенную кашу с детства. Ты ешь, ешь, а я перекурю!

Он в темноте, на ощупь, свернул козью ножку, стараясь не просыпать и крошки табаку, и шумно затянулся.

— Все-то не ешь, на утро порцию оставь, чтобы силенки поддержать; глядишь, опять пробиваться будем,— сказал он, услышав, как жадно я жую.

Признаться, и я не люблю пшенную кашу; пирог я взял только из уважения к бабушке. Но теперь он показался мне необыкновенно вкусным. Я с трудом удержался, чтобы оставить полкуска.

— Спрячь, спрячь, да подальше,— шутливо сказал Кузьмич,— не давай рту волю, а то он все съест!

Я невольно улыбнулся, засовывая остаток пирога поглубже в мешок.

— Родителей имеешь? В городе живут? — спросил старик, пыхнув на меня теплым дымком табака. Узнав, что я сирота, вздохнул, но тут же сказал: — Ничего, малый, теперь не старое время, учишься вон, да и одет, обут... Дедушка с бабушкой есть, а это вторые отец и мать.

— Вас, дедушка Кузьмич, наверно, хозяйка ждет? — спросил я.

— Ну, чего ей ждать?.. Она у меня ко всему привычная, спит, поди, старая. Ладно, мол, загулял у кума старик. Нешто он полоумный — через такую Волгу плыть?

И, спохватившись, что я могу это понять как упрек — ведь это я подбил его рискнуть на переправу,— Кузьмич тут же добавил со смешком:

— А если и поплыл, значит, выплывет. Она меня знает, верит.

Незаметно для себя я уснул и проспал до рассвета. Проснулся оттого, что сильно озябли ноги. «Где я? Что со мной? Почему сплю сидя? И почему такой холод?»

Увидев Кузьмича, его заиндевевшую бороду, брови и ресницы, покрытые инеем, я все вспомнил.

— Вставай, вставай, малый! Беды бы не было: чего-то наша лодка трещит,— встревоженно сказал мне Кузьмич.

Ночь кончилась, но тьма не рассеялась: такой густой и плотный был туман.

— Кабы не туман, заметили бы нас люди... Чую, мимо какой-то деревни плывем... Дымком веет, бабы печки затопили... Пироги, пышки пекут.

При этих словах старика я вспомнил про оставленный вчера кусок пирога, и рука сама достала его.

— Подкрепись, а кусочек оставь,— предупредил меня Кузьмич.— Кто знает, сколько мы еще проплаваем!

Я снова попытался поделиться с ним, но он отмахнулся еще решительней:

— Что ты, что ты, малый! С кашей я ни за что... даже крошки проглотить не смогу: подавлюсь. Ешь на здоровье! Ты еще молодой, тебе расти надо.

Он отвернулся от меня и, взяв весло, стал обстукивать вокруг лодки лед.

— Похоже, в льдину вмерзли, чего-то ледок очень толст... Жмет нас, как пароход «Челюскин»!

Кузьмич оказался прав. Очевидно, за ночь нашу лодку зажало между двумя льдинами. Лодка потрескивала, потрескивала и вдруг раскололась пополам, вдоль днища. В лодку хлынула вода, и мы очутились на всплывшем фашиннике.

— Давай, малый, на льдину! — крикнул Кузьмич и выпрыгнул, опершись на багор.

Я выпрыгнул вслед за ним. Льдина оказалась крепкой, мы сумели вытащить на нее нашу погибающую лодку.

Сквозь туман пробился свет далекого солнца, но ничего, кроме неровного, колышущегося льда, мы не увидели. Волга еще боролась. Еще не встала. И пока не встанет, ни зверю, ни человеку через нее ходу нет.

— Н-да, малый, попали, как челюскинцы!— почесал затылок Кузьмич, сдвинув шапку на брови.— Только нам лучше, чем им: наш корабль не потонул, вот он, с нами.

И старый бакенщик стал осматривать днище.

— Был бы у нас молоток да гвозди, глядишь, и починили бы. И пакли нет,— приговаривал он, соображая, как бы заделать трещину.

— А шут с ней! — сказал наконец Кузьмич, убедившись, что починить лодку не удастся.— В случае чего нас фашинник будет держать, подмокнем, а не потонем.

Видно, он опасался, как бы льдина не раскололась.

Усевшись в лодку поверх фашинника, я сжался в комок.

Мороз все крепчал, пробирая до костей. Полушубок Кузьмича отсырел и плохо согревал нас.

— Эх, костерок, что ли, разжечь да чайку согреть!— поглядел на фашинник Кузьмич и погремел спичками в кармане.— Чего-то пить, малый, хочется, а лед глотать — плохое дело, в таких обстоятельствах не полагается... Мы не гуси...

Потоптавшись вокруг лодки, он выбрал на льдине место и разжег скупой огонек, экономя каждый прут фашинника. Я сидел неподвижно, в какой-то полудреме. Все казалось мне не действительностью, а сном... Ведь это только во сне можно так вот разжечь на льду костер, заварить в кипятке кончики прутьев, согреть чай в жестяном ковшике, которым вычерпывают воду из лодки. И пить такой сказочный чай по очереди, обжигаясь.

После чаепития я, однако, оживился. Попытался сам поискать дорогу к берегу. И прошел довольно далеко. Но почти у самого берега мне преградила путь полоса чистой воды.

Я стоял на краю льдины. Я видел берег. Правда, неясно, в тумане, но видел.

И вдруг я услышал крик. Кричали на берегу. Какие-то маленькие фигуры шли берегом вслед за нами. Нас заметили! Это кричат нам. И кричат дети. Наверное, школьники, они размахивают портфелями.

— Эге-ге-гей!— крикнул в ответ дед.

И я подивился силе его голоса. Настоящий речник: гудит, как в рупор!

Я забегал по льдине, не зная, что предпринять. Кузьмич ярче разжег костер.

Но с высокого берега пала на лед волна тумана, и фигурки детей и берег скрылись. Некоторое время слышались еще тревожные голоса, потом они стали тише, тише. И пропали. Заглохли в тумане, как в вате.

— Все!— сказал я и, едва сдерживая слезы, лег на лед у костра.

— Ты что это вздумал? Простудишься!— Кузьмич поднял меня и, усадив на фашинник, принялся ругать: — И не стыдно тебе?

Нешто можно так падать духом? Ты людей увидел? Люди тоже нас увидели. Радоваться надо. Теперь мы обнадежены. Разве нас теперь бросят? Детвора нас заметила, народ дотошный. Да они теперь, эти ребятишки, до самого министра дойдут, буксир нам достанут, ледокол!.. Это все пионеры, радисты, юннаты... Ну, словом, народ грамотный. А ты вздумал унывать!

Старик еще долго меня отчитывал, разжигая большой огонь. Дым валил столбом. Кузьмич не жалел фашинника.

Никакого ледокола, конечно, не появилось. Неоткуда ему было взяться на этом пустынном плесе. Все пароходы, буксиры ушли в затон, километров на сто отсюда, на зимовку. Да, трудную задачу задали мы ребятишкам, увидевшим нас на льду.

Кузьмич сократил огонек до крошечного, экономя фашинник, и снова стал искать себе дела. Он пошарил по карманам бушлата и вдруг достал рыболовный крючок.

— А что, малый, не поймать ли нам рыбки?.. А то отощаем... На помощь надейся, а сам не плошай, так ведь? Нет ли у тебя какой нитки?

— Есть! — обрадовался я, что хоть чемнибудь могу помочь. Я вспомнил, что бабушка положила мне несколько пар носков собственной вязки и клубок тонких льняных ниток.

— Ну, вот мы и жители! Теперь бы нам еще блесну, и судак попадется, как миленький. Мелкая рыбешка вся от холода на дно пала, а он, судак, еще рыщет... Ему еще неймется...

Мой дедушка подарил мне как-то свою именную серебряную ложку, с которой он плавал вокруг света. Каюсь, я плохо поступил с этой реликвией. Я разрешил неугомонному Кузьмичу разломать дедовскую ложку. Он сделал из нее две блесны: одну широкую — «ложечку» и вторую узкую — «уклейку».

Все это старый бакенщик смастерил перочинным ножом, в котором было шильце и штопор.

Вскоре, пробив багром лунки, старик блеснил с таким старанием, как будто мы приехали сюда на рыбалку и будто у него одна задача — научить меня зимнему лову. Он показывал мне все приемы, стараясь заинтересовать, пробудить азарт.

— Есть! Клюнуло! Эх, схватил, пудовый!

Увы, это был зацеп, и драгоценная «ложечка» из чистого серебра пропала навеки в волжских пучинах, украсив какую-то коряжину.

Неудача только раззадорила старика. Из черенка он сделал блесну «гвоздик» и, уступив мне «уклейку», продолжал блеснить.

В конце концов увлекся и я. Даже забыл о нашем положении. И когда что-то тяжелое повисло на моей блесне и руки сами выхватили из лунки великолепного красноперого окуня, я прямо заплясал от радости.

Но победа все же была за Кузьмичом. В каком-то омуте на его «гвоздик» сел здоровенный судак, килограмма на два. Вытащив рыбу, Кузьмич обнял ее обеими руками.

— Шабаш! Обед есть. Ох ты, милый, ах ты, сознательный, знал, кому попадаться, знал, кого выручать!

Варить уху нам было не в чем: ковш-черпак был маловат. Кузьмич сумел испечь из нашей добычи нечто вроде рыбного шашлыка, нанизывая кусочки рыбы на прутья и поджаривая их в собственном соку.

Если бы у нас была хоть крупица соли, было бы очень вкусно.

Пока мы поели, стемнело.

— Теперь надо поспать, — сказал Кузьмич и, подстелив свою форменную одежонку, накрылся просушенным у костра полушубком. Обнявшись, мы быстро заснули. Когда проснулись, изрядно продрогшие, где-то на берегу, скрытом туманом, пели петухи. Один из них выделялся громким голосом и каким-то особым старанием.

— А ты не разбираешь, что он кричит? Послушай-ка: «Где ты, Кузьмич-ич? Где ты, родно-ой?»

Я прислушался. Очень было похоже.

— Это не петух, это моя старуха идет по берегу и кричит... Вот, ей-правда, не вру! Мне только что приснилось. Беспокоится, бедная...

Кузьмич вздохнул и принялся разжигать костер.

Мы позавтракали остатками рыбы, запив ее кипятком, заваренным ивовыми прутьями.

— Ничего, малый, ничего! Видишь, и на льдине жить можно. Обходимся. А вот родным нашим теперь каково? Тоскуют о нашей погибели... А мы вот живы! Чай пьем!

Я представил себе дедушку и бабушку. Как горюют они теперь, если узнали, что меня унесла осенняя Волга! А что творится теперь в ремесленном училище! Там такие ребята, они экспедицию организуют!..

Мы оба задумались. Вдруг над Волгой раздался могучий, басистый гудок.

— Буксир! Нас ищет! — крикнул я. — Давай скорей костер, дедушка!

Старик не двинулся с места.

Гудок прогудел второй раз, третий и умолк.

— Антоновский рудник проплываем. Это на руднике такой знаменитый пароходный гудок. Память «Вани-коммуниста». Пароход такой был, геройский. В бою с белыми погиб... не сдался. Каким-то способом кочегарам удалось спасти замечательный гудок... Сохранили голос «Ванин»... Теперь он рабочих рудника поутру к труду зовет... Басовит! Ваня-коммунист, одним словом...

— Дедушка, а вы его знали?

— Как же... знавал...

Увидев на глазах Кузьмича слезы, я не стал его больше расспрашивать.

Когда мы поравнялись с рудником, туман несколько рассеялся, и какие-то рабочие на берегу увидели нас. Они столкнули с берега лодку и, вооружившись баграми, ломами, топорами, стали пробиваться к нам.

— Давай, давай! — кричал я, махая фуражкой.

— Напрасно стараются ребята, — осадил мой азарт Кузьмич. — Пока они пробьются, нас вон куда унесет! Затрет и их... Погибнут зря... Ишь, все в легкой одежке...

Он встал на лодку, сложил руки рупором и проревел басовито, как гудок «Вани-коммуниста»:

— Вертайся! Эгей, ребята, вертайся! Вертайся, не то затрет!

На лодке не послушались, продолжали пробиваться сквозь битый лед.

Старик рассердился:

— Эй! Черти! Я кому говорю: вертайся? Слушай мою команду: стоп, задний ход!

Некоторые гребцы остановились, стирая пот. Другие продолжали борьбу, разбивая лед и отталкивая мелкие льдины.

Тогда старик стал ругаться.

Кузьмичева ругань озадачила наших спасателей. Они бросили работу, а дед рассмеялся:

— Пробрало!

Он утер рукавом пот на лбу и сказал довольно:

— Ну вот, спасли чудаков!.. Ишь, куда лезли в азарте!.. Прямо с работы, в легкой одеже... На погибель!

Он еще долго оглядывался и успокоился только тогда, когда увидел, что лодка с рабочими выбралась из ледяного крошева и пошла к берегу.

— А как же мы теперь, дедушка Кузьмич? — Я сел на остатки фашинника, опустив руки.

Дед отвернулся и долго стоял, понурившись. Потом сказал одну лишь фразу, которая больно резанула меня по сердцу:

— А я думал, ты лучше... Ан ты обыкновенный эгоист... Прежде о себе, потом о людях!

После этого мы долго молчали. Дед разжег костерок и, сидя на корточках, экономно сжигал фашинник, прутик за прутиком. Я присел к нему, грея руки на скупом огоньке.

— Доешь пирог-то, — сказал вдруг дед, — а то каша заплесневеет.

— Ты же говорил: береги до крайности.

— Говорю, ешь, значит, ешь. Скоро Камское устье, а там нас в затоне и переймут... Там один буксир на эти случаи всегда под парами. Когда баржу затрет, или баркас, или вот так какую лодку...

Я съел последний кусочек пирога с пшенной кашей, настолько ненавистной Кузьмичу, что он даже отворачивался, когда я жевал его.

Мы еще пытались поймать рыбу, но на злющих зацепах потеряли две последние блесны и уселись, нахохлившись, как две бескрылые птицы...

Чем ближе к Камскому устью, тем быстрей двигалось наше ледяное поле. Мимо знаменитых каменных ярусов мы прошли ходко, как на пароходе. Наше ледяное поле трещало, колыхалось, попав на быстрое течение. Казалось, вот-вот река раздерет его на части, и тогда... Тогда нам погибель! Лодка-то у нас расколота!

Кузьмич, видно, тоже подумал об этом. Он снял с себя старый бушлат, разрезал его на куски, законопатил трещину. Нарезав из фашинника деревянных шпилек, закрепил ими куски бушлата, как гвоздями. Затем мы перевернули лодку вверх днищем и, поливая его водой, наморозили толстый слой льда.

— Ну вот, тяп-ляп — и корабль... До берега доплыть хватит... Можно, да осторожно... Главное, об льдины не толкать... Тихо, не дыша на ней надо плыть.

Приготовили мы лодку вовремя. Впереди вдруг раздался грозный шум воды и грохот льдин.

— Не трусь, малый! Не робей... На перекат несет... Вот оно, веселое дело, держись!.. Без паники!

Он вооружился багром. Меня усадил в лодку и велел поставить весла в уключины. Сам остался на льдине.

В этом месте могучая река встречала на пути своем каменистый остров, который разрезал ее надвое, как бык-ледолом. Подойдя к острову, мы увидели грозную картину. Ледяное поле с разбегу ударялось о камни острова и, налезая на него, громоздило высокие торосы. Льдины, откинутые на отмель, образовали громадный барьер, а попавшие в омут становились стоймя, кренились набок и с шумом уходили в черную пучину, покрытую пеной.

— Не робей, не трусь! — подбадривал меня дед, стоя наготове со своим багром, как воин на древней крепостной стене. Я понял, что он задумал: не надеясь на нашу лодку, оставляя ее как последнее прибежище, Кузь-

мич решил оттолкнуть нашу льдину от камней и сбросить ее в омут на более глубоком месте, где льдины не так мелко перемалывало... Если наш ледяной плот уцелеет, мы сможем и дальше плыть на нем. В случае неудачи он рассчитывал вскочить в лодку.

Но это ему не удалось.

Упершись багром в камни, он оттолкнул нашу льдину, но она была слишком тяжела и разломилась на части и разлучила нас. Кузьмич остался на большом куске, я — на малом. Моя льдина косо скользнула в омут. Я видел, как жадно слизнула вода угли и золу нашего костра... Черная пена ударилась в борт лодки. Брызги обдали мое лицо... Я зажмурился. И вдруг почувствовал, что плыву. Плыву! Открыв глаза, я увидел, что лодка моя легко и свободно мчится вниз по течению, а впереди, до самого берега, чистая вода. Не веря своему счастью, я схватился за весла.

Все, кончено! Я вырвался из ледяного плена! Еще несколько усилий, и вот она, земля!

Но тут душу мою охватила тревога: где Кузьмич? Оглянувшись, я не сразу разыскал его. На одной из льдин, обогнавших мою лодку, я увидел не то ворох какого-то тряпья, не то кучу хвороста. Что-то подсказало мне, что это Кузьмич лежит ничком на льду.

Я отвернулся от близкого берега, который так манил меня, и, стиснув зубы, развернул лодку обратно, к стремнине, забитой расколотыми льдинами.

Льдины толпились на пути. Я работал, как сумасшедший, отталкивая их веслами, ругаясь и плача. А роковая льдина, уносящая вдаль Кузьмича, казалось, не приближается, а удаляется.

Разбитые льдины смыкались позади, образуя новую перемычку, отделяя меня от берега. Стремясь к Кузьмичу, я снова обрекал себя на ледяной плен.

Гребя изо всех сил, с кровоточащими ладонями, мокрый от пота, я все же пробился к льдине, на которой лежал Кузьмич. Услышав плеск весел, он поднял голову и посмотрел на меня так, словно не узнал.

— Малый, ты? — спросил он хрипло. — Зачем это?

— Я, я, Закир, конечно! Скорей давай в лодку. Скорей!

Видя, что старик не может подняться, я выпрыгнул на льдину и втащил его в лодку, удивившись тому, какой он маленький и легкий.

— Ослаб маленько,— сказал он с извиняющейся улыбкой. И мне хотелось заплакать от острого чувства вины перед ним.

— Ничего,— сказал я,— вот сейчас пробьемся к берегу...

В ответ Кузьмич махнул рукой.

— Напрасно плыл ко мне, Закир... Ты молодой, тебе жить... Вырвался на чистую воду и плыви к берегу.

— Зачем так плохо подумал обо мне? — крикнул я.— Ты друг мне... Отец... Лучше погибнуть вместе, чем одному спастись...

И я заплакал от обиды.

Льдины, шурша, толпились вокруг, пристывая к лодке и образуя ледяное поле.

Кузьмич поднялся, обнял меня и стал что-то говорить, не помню, что...

Спас нас буксирный пароход, высланный на розыски. Пионеры и рабочие, видевшие нас, сообщили об этом в затон.

Мы так ослабли, что не слышали гудков парохода и треска разбиваемых льдин.

Вот и все.

Могу добавить еще одну подробность. Жена Кузьмича нашла его в больнице затона. Мы лежали рядом. Бакенщица долго шепталась о чем-то с Кузьмичом, а потом стала тайком угощать его домашней снедью. Это был пирог, начиненный пшенной кашей. Оказывается, Кузьмич с детства любил такие пироги.

Много времени прошло, но до сих пор я не могу простить себе свою недогадливость. Теперь бы я не съел весь пирог целиком, нет, теперь Кузьмич не обманул бы меня!

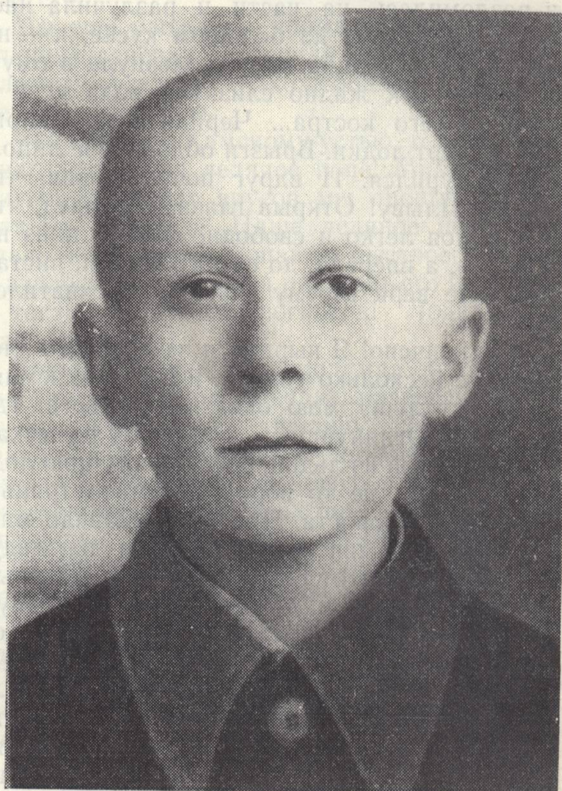
В разведку шел мальчишка...

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

В. МОРОЗОВ Рисунки П. Пинкисевича.

Белорусский пионер, разведчик партизанской бригады, Марат Казей проявил бесстрашие и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Из «Книги почета пионерской организации имени В. И. Ленина».

Пионер, о котором рассказывается в этой повести, жил в деревне Станьково, неподалеку от Минска. Звали его Маратом. Это боевое, грозное имя дал мальчику отец, бывший балтийский матрос Иван Георгиевич Казей, служивший на крейсере «Марат». Он умер, когда сыну не исполнилось еще и шести лет. А когда Марату было двенадцать лет, началась Великая Отечественная война. Белорусскую землю захватили фашисты. Они арестовали мать Марата, Анну Александровну, за то, что она помогала партизанам. Гитлеровцы повесили Анну Александровну в Минске, на площади Свободы.

Зимой сурового 1942 года Марат Казей вместе со своей сестрой Адой (она была на четыре года старше брата) ушел в партизанский отряд. Аде не суждено было долго пробыть в партизанском лесу. В одну из вражеских блокад девушка отморозила себе ноги. Аду переправили на самолете на «Большую землю», в госпиталь. Марата тоже хотели отправить на «Большую землю», но он отказался. Мальчик стал разведчиком штаба партизанского отряда имени 25-летия Октября. По заданию командования мальчишка часто проникал во вражеские гарнизоны, и не было случая, чтобы юный разведчик возвратился ни с чем. Неизменно Марат доставлял командованию ценные сведения о неприятеле.

Здравствуй, сестра Ада
Пишу письмо уже третье
Стоим теперь мы
в Станьковском лесу
Я теперь в разведке
в штабе бригады,
двадцать пятый отряд

Это письмо Марат отправил на «Большую землю» своей сестре Аде.

Но ему все время хотелось принять участие в настоящем бою. Мальчишка мечтал отомстить гитлеровцам за маму, за сестру Аду, за все беды и страдания, которые враги принесли его родной земле. И вот однажды произошел такой случай. Марат отправился в разведку вместе с партизаном Миколой Воробьем...

«Наломал ты, чертушка, дров!»

По обочине дороги плетется небольшая чалая лошаденка; она тащит за собой крестьянскую телегу, на которой сидят паренек-подросток и сельский священник. На парнишке черная рубаха-косоворотка и штаны, на которых заплат и латок ровно столько, сколько дыр в сите. В благообразном попике нелегко распознать Миколу Воробья: до того преобразила лихого партизанского разведчика поповская ряса, взятая напрокат у станьковского дьячка. На груди у «бати» — большой серебряный крест. К тому же Микола отрастил небольшую рыжую бородку и усы. Маскировка полная! Телегу и старую кобылу партизаны выменяли у одного крестьянина в деревне Русаковичи, отдав ему доброго коня. В придачу взяли ржавую борону, положили ее на сено, зубьями вверх, а под сено — два автомата.

Марат держит в руках веревочные вожжи. Но чалая сама выбирает дорогу, трусит под горку, отдыхает после каждого подъема.

Миновали Самохваловичи. Возле одной хаты, где была партизанская явка, увидали кринку на шесте. Условный знак: здесь немцы. Впереди Мелешево, в котором большой немецкий гарнизон.

«Батюшка» тихонько напевает. Правда, репертуар его не совсем, пожалуй, подходящ для служителя церкви:

Партизанские отряды
Бьют фашистов из засады.
Ни дороги, ни пути.
Не проехать, не пройти...

Почему сегодня тихо,
Эшелоны не идут?
Потому что партизаны
Ежедневно рельсы рвут.

Ты играй, моя гармошка,
Ты играй на всех басах...

— Тише! — Марат дернул певца за руку.— Глянь-ка!

По середине дороги навстречу партизанам катил на велосипеде немец. Издалека хорошо был виден большой жестяной орел на форменной фуражке фашиста. Метрах в двухстах от первого велосипедиста ехали друг за дружкой еще четверо фашистов.

«Батюшка» тут же обмяк, низко наклонил голову: «дремлет».

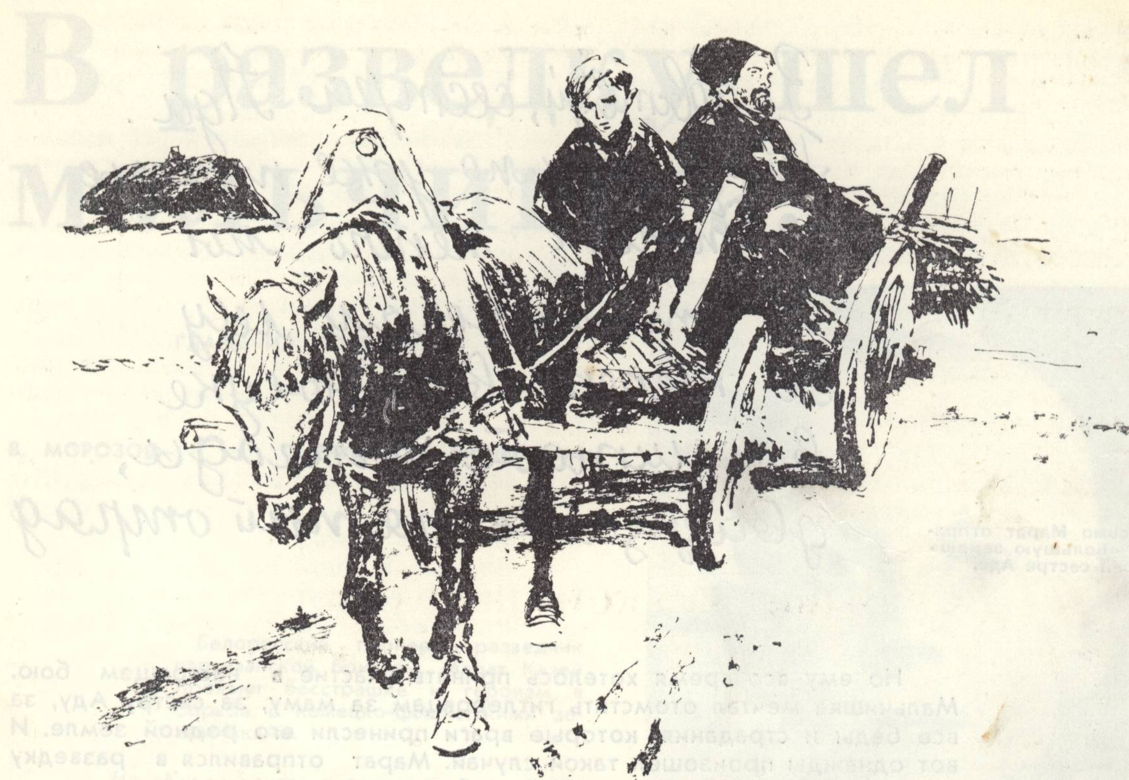
Однообразно скрипят колеса. Но вот послышалось шуршание велосипедных шин по гравию, и «дремавший» Микола увидел перед собой два колеса и ноги, обутые в грубые солдатские сапоги. Сапоги равномерно подымались и опускались на педалях: вверх — вниз, вверх...

Несколько автоматных выстрелов прогремело над самым ухом Миколы. Гитлеровец перестал работать ногами и вместе с велосипедом повалился на дорогу.

— Что такое, Марат?!

Увидав в руках у своего спутника автомат, из дула которого шел дымок, Микола закричал:

— Беги в кусты, собачий сын!

На телеге паренек-подросток и сельский священник...

А сам, нашарив под сеном оружие, выпустил по быстро приближающимся велосипедистам длинную очередь.

— Прикрывай меня! — Соскочив с телеги, Микола чуть не упал: так онемели ноги.— Прикрывай, дьявол!

Марат, успевший спрыгнуть в придорожную канаву, застрочил по велосипедистам. Один из них упал. Остальные трое залегли в противоположной обочине.

Весь свой огонь немцы обрушили на Миколу, который, путаясь в длинной рясе, вприпрыжку бежал к укрытию.

— Отходи! — крикнул он Марату.— Прикроешь меня!

Мальчик кинулся к кустам, а Микола снова застрочил из автомата.

Так, прикрывая огнем друг друга, партизаны добрались до кустарника. Микола сбросил с себя поповское одеяние:

— За мной!

Бежали, пока окончательно не выдохлись. За кустарником пошел перелесок, и фашисты, вероятно, не решились преследовать партизан дальше. Но, не доходя до Лукашева, разведчики узнали от пастушка о прибытии в деревню двух машин с эсэсовцами.

— Партизан шукают,— пояснил мальчонка,— сказывают, на шоссе на их велосипедистов засаду учинили...

Пришлось повернуть в Красное, и добрались друзья до села только глубокой ночью. Измученный, злой Микола ворчал на Марата:

— Все дело споганил, собачий сын! Разведчик, называется... Ну, что тебя, леший, что ли, дернул стрелять-то?!

— Не стерпел я, понимаешь? Все время мечтал уложить хоть одного. Ненавижу я их!

— Эк куда хватил! Он их ненавидит! А я? Да если хочешь знать, я их сильней тебя ненавижу! Соображать надо, когда по заданию послан! Нет, с тобой лихоманку наживешь!

— Не стерпел я, Микола. Ну, что хочешь со мной делай!

— А что мне с тобой делать-то,— еле шевелил губами Микола, засыпая на пахучем сеновале у партизанского связного.— Дать бы тебе ума с заднего двора! Как это нас только пули миновали? Серчай на меня не серчай, а командованию мы обязаны доложить все, как было...

* * *

В эту пору у партизан происходили большие события. Выросший за два года отряд имени 25-летия Октября перестраивался в бригаду. Взводы превращались в роты, отделения — во взводы. Командиром бригады стал Николай Степанович Бокалов, присланный Минским подпольным обкомом. Он приказал перевести в разведку штаба бригады лучших хлопцев отряда: Ларионова, Сашу Бойкевича, Миколу Воробья — словом, всех боевых товарищей Марата. О Марате Бокалов говорил неопределенно:

— Мал больно хлопец!.. Пусть подрастет... Навоюется еще!

— Мал золотник, да дорог, товарищ комбриг,— отвечал на это Ларионов.— А Марат, он... Да за него любой может поручиться! Как начальник разведки я вас прошу...

И Ларионов принимался объяснять Николаю Степановичу, что это за малец — Марат Казей.

Замолвили за мальчика словцо Микола Воробей и Егорский, начальник штаба бригады. Бокалов скло-

нен был уже уступить. Но тут как раз в штабе стало известно о причине провала операции с «попом». Комбриг возмутился.

— Вот видите! — говорил он.— А вы еще так ратовали за этого мальчишку! И вообще, я считаю, что нельзя посылать детей в разведку! Нельзя!

— Эх, Марат, Марат! — журили разведчики мальчишку.— Наломал ты, чертушка, дров! Теперь покажи новому начальнику, какой ты есть на самом деле. Поимей это в виду!

Того же мнения был и родной дед Марата, волновавшийся за внучонка, пожалуй, сильнее всех.

— Дисциплина, она, браток ты мой,— мать победы,— говорил дед Алесь.— Ты, внучек, запамятовал, стало быть, про это... Вот оно и вышло...

Марат только хмурился и молчал. Муторно было у хлопца на душе.

Однажды партизаны совершили налет на большой конезавод и увели у немцев около тридцати добрых верховых коней. Были прихвачены новые седла, сбруя и даже скребницы со щетками. Деду Алесю — а он до войны слыл лучшим колхозным конюхом — пришлось заняться своим «кровным делом»: все кони попали под его начало. На большой поляне в лесу за три дня была сооружена конюшня, и тут же партизаны устроили манеж. Кроме Егорского да еще двух — трех парней, никто не умел ездить верхом. Пришлось деду давать и уроки верховой езды. В помощники к нему прикомандировали внука, унаследовавшего от деда любовь к лошадям. Увидав, как лихо Марат сидит на лошади, Егорский во всеуслышание заявил:

— Выбирай себе, хлопец, любого коня!

Мальчик облюбовал себе одного, бурой масти. Шерсть у коня красно-коричневая с золотистым отливом, а навис (это значит хвост и грива) чуть потемнее. Марат и имя красавцу придумал: Орлик.

Целыми днями гарцевал теперь Марат на коне. Скакал с донесениями в отряды, передавал младшим командирам пакеты от штабного начальства.

Шла третья военная осень. Ночами уже было холодно. По-осеннему чистые звезды загорались над лесом. И трава пожухла совсем, выцвела, как солдатская гимнастерка.

Выше всякой награды

Почти всю зиму сорок третьего — сорок четвертого годов бригада размещалась в деревне Румок. Эту деревню люди называли «партизанской столицей».

Партизаны часто устраивали для жителей окрестных деревень концерты в самой просторной хате села. Первыми заводилами на этих представлениях неизменно были хлопцы из партизанской разведки.

Марат (он продолжал жить вместе с разведчиками) в этих концертах участия не принимал. Но слушать певцов или рассказчиков мальчишка готов был сколько угодно, хоть хлебом его не корми. Зная эту склонность Марата, Владимир Ларионов любил читать мальчику стихи. А помнил он их множество.

Однажды ночью, вернувшись из разведки, Ларионов поднял Марата с постели и, не дав хлопцу протереть глаза, посадил его, босого, полураздетого, на табуретку посреди хаты. А сам с лампой в руках отошел к двери.

— Уважаемые зрители! Владимир чинно поклонился.— Выступает заслуженный артист болот и лесов. Он прочитает вам новую поэму!

Здесь, по-видимому, должны были последовать аплодисменты, и Ларионов, сделав соответствующую паузу, отвесил еще один поклон. С верхних нар свесилась стриженая голова Миколы Воробья.

— Собачий сын! — незлобно выругался Микола.— Чего мальчишку будоражишь? Спать людям надо.

— На вопросы зрителей, занимающих галерку, я отвечу несколько позже,— тем же артистическим, невозмутимым тоном продолжал Ларионов.— А сейчас почтенная публика услышит объявленную поэму!

И уже совсем другим, серьезным, взволнованным голосом он начал:

Цвел на лесной полянке
Туманный бересклет.
В разведку шел мальчишка
Четырнадцати лет.
Отец на фронт уехал —
Москву оборонять,
И расстреляли немцы
За проволокой мать.
Из опустевшей хаты,
Где в щели ветер лез,

Ларионов с лампой в руках отошел к двери.

Ушел с сестренкой вместе
Он к партизанам в лес...

Разведчики приподнялись на локтях в своих постелях и застыли, вслушиваясь в каждое слово. Лампа, которую Ларионов держал в руке, отбрасывала на бревенчатые стены и потолок ломаную, причудливую тень.

...И вот один сегодня,
Когда вставал рассвет,
В разведку шел мальчишка
Четырнадцати лет.
А с палкой-попирашкой
Да с нищенской сумой
Через луга и пашни
Такому путь прямой.
Их разве мало бродит,
Дорожных трав желтей,
Без матери, без крова
Оставшихся детей?..

За окнами перестал скрипеть снег под сапогом партизанского часового. Ему тоже захотелось послушать про мальчишку, которому четырнадцать годов и который шел в разведку.

...Везде фашистских точно
Он сосчитал солдат,
Чтоб командир отряда
Не вышел наугад.
И на рассвете снова
Покинул он кровать,
Спеша пути-дороги
Шагами промерять.
Но говорит хозяйка:
«Пожить придется тут;
Каратели отсюда
На партизан идут.
На каждом перекрестке
Поставлен часовой.
Кто из деревни выйдет —
Ответит головой».
А он сказал: «Ну, что же,
Семь бед — один ответ».
В разведку шел мальчишка
Четырнадцати лет...

Когда был прочитан последний стих, разведчики стали тормошить Марата, приговаривая:

— Да-а! Теперь ты, Марат Иваныч, вроде бы легендарным героем стал, наподобие Чапая, раз про тебя люди такие поэмы сочиняют!

— Да ладно вам смеяться-то! — сердито отмахивался Марат, прячась под одеяло.— Товарищ начальник, прикажите, чтоб они отцепились!

Ларионов присел к Марату на койку.

— А я, знаешь, такого же мнения: про тебя поэма. Факт! Во-первых, в твоей родной деревне услышал. А главное, во всей нашей бригаде другого мальчишки в разведке не было. Знаю, знаю, имеются в произведении кое-какие неточности по части твоей биографии. Но это же, как бы тебе объяснить,— народное творчество. Фольклор! Понимаешь? Народ, он может биографию твою и не знать хорошо. А вот дела твои воспевает. Это, брат, выше всякой награды!

Марат слушал молча, не поднимая головы. Ларионов заглянул парнишке в глаза. В них не было радости. Да и как можно было радоваться Марату, если разбередили ему вдруг не зажившую еще рану? «В разведку шел мальчишка...» А теперь вот этому мальчишке доверия нет. Опасаются пускать его за межи партизанской зоны. «Верно, неизвестна народу еще моя биография,— думал Марат.— А не то этот самый фольклор высмеял бы меня, как последнего фрица...»

Под пулями на коне

Накануне 8 марта в «партизанской столице» шла подготовка к празднику. Возвращаясь с какой-либо операции, хлопцы поглядывали в сторону кухни, где колдовали стряпухи, и блаженно жмурились.

Давно уже у партизан не было такого праздничного настроения. В сводках Совинформбюро, регулярно печатавшихся в «Ленинской правде», пестрели названия знакомых мест, освобожденных Красной Армией. Партизаны знали: по соседству с ними действует еще одна бригада, а рядом с ней — другая. Вся белорусская земля превратилась в партизанский край, и оккупанты чувствуют себя прескверно. Все это вместе создавало радостное настроение. Радостное, но не беспечное. По-прежнему ходили на боевые посты партизанские дозоры. Как и прежде, люди не расставались с оружием. Несла свою службу партизанская разведка.

Утром 8 марта разведка донесла: со всех сторон по дорогам, а где и полем в Румок направляются толпы женщин. Многие несут детишек на руках. «Опять, гады, где-то деревню спалили! — решил командир, получив такое известие.— А может, женщины к нам на праздник идут?»

Когда первые гостьи уже виднелись у леса, к штабу на взмыленных конях подлетело трое связных.

— Товарищ командир! Это переодетые немцы!

Конники понеслись вдоль деревни, поднимая бойцов. Впереди галопом скакал Марат. В седле мальчик держался легко, как влитый. Полы его широкой, не по росту шинели развевались на ветру.

Не много времени понадобилось партизанам для подготовки к бою, и все же никто из командиров не решался первым крикнуть «Огонь!». А вдруг ошибка? Ведь хорошо видно: идут женщины, в платках и юбках. Командир роты Аскерко предупреждает своих ребят:

— Первый залп вверх. Слушай мою команду! Пли!

И тут «женщины» упали на снег так, как это могут делать лишь хорошо обученные солдаты. Они поспешно распеленали своих «младенцев», застрочили пулеметы и минометы. Аскерко не успел выкрикнуть вторую команду — упал, словно подкошенный.

Марат доскакал до штабной хаты, поставил Орлика за угол. Здесь беспокойно топтались еще две оседланные лошади. Их хозяева, связные, залегли рядом с командиром бригады Бокаловым, отстреливаются. Марат, скинув с плеча автомат, пополз к комбригу.

Немцы стали забрасывать деревню минами. Вспыхнула старая мельница, загорелись крайние хаты. Из-за грохота и свиста Марат не слышал голоса комбрига, который что то приказывал связному Прокопчуку. Прокопчук повернулся, пополз. Вскочив на своего коня, он с места пустил его в карьер. Перелетев через ограду, конь помчался по полю к со-

Черные султаны взрывов поднимались то впереди, то позади коня.

сновому бору. Вражеские пули секли поле во всех направлениях.

Прокопчук не успел преодолеть и половину пути. Он упал, и конь долго тащил его за собой. Потом рухнул на снег и конь.

Марат сразу понял, куда был послан Прокопчук. В семи километрах от Румка стоял отряд имени Фурманова. Фурмановцы легко могли зайти в тыл немцам. «Надо обязательно связаться с ними!» Мальчик пополз к Орлику, но Бокалов остановил его:

— Вернись, Марат! Немедленно в укрытие!

— Дозвольте мне, товарищ комбриг,— вызвался второй связной.

Едва второй связной выехал из деревни, партизаны ударили по фашистам из всех пулеметов, желая огнем прикрыть смельчака. Однако и ему не суждено было преодолеть поле.

Горело уже десятка два хат. Едкий дым мешал Бокалову вести наблюдение за боем. Но ясно было: партизанам приходится несладко. Санитары подтащили к штабу и укрыли за его стенами человек восемь раненых.

Молодой партизан, разодрав зубами рукав телогрейки, силился перевязать раненую левую руку. Он взял правой рукой горсть снега, и снег сразу покраснел от крови. Парень жадно глотал красный снег. Ни кровинки не было в его лице. Полуоткрытыми глазами он напряженно смотрел в том направлении, куда ускакал второй связной. Марат снова пополз к Орлику.

— Скачи, хлопец! — Бокалов глянул мальчишке в глаза.— Скачи прямиком, так вернее будет. Мы тебя прикроем... Ну, давай руку... сынок...

К лицу Марата крепко прижалась колючая щека, сухие, жесткие губы.

Стреляя, командир то и дело поднимал голову, чтобы взглянуть на поле, по которому мчался конник. Всадника почти не было видно: он прижался к конской шее. Черные султаны взрывов поднимались то впереди, то позади коня. До леса оставались уже считанные метры, как вдруг Орлик споткнулся. Бокалов закрыл рукой глаза.

Но когда он снова взглянул, конь продолжал мчаться во весь дух, сланью нестись вперед. Рывок! Еще рывок!

И вдруг все закричали «ура»: Марат достиг леса. Отряд был спасен.

Вагоны катятся под откос

Всякий раз, когда уходили «на работу» подрывники, Марат провожал их завистливыми глазами. Давно мечтал он сходить со своим школьным учителем Михаилом Павловичем, главным минером, на «железку». Но Михаил Павлович и слышать об этом не хотел.

Марат решил попросить об этом Бокалова.

Николай Степанович ласково встретил Марата в своей землянке. С удовольствием оглядел его складную, подтянутую фигурку.

— Заходи, сынок! Давно же ты не бывал. А у меня для тебя веселые новости припасены. Да ты присядь, посиди!

Марат опустился на краешек скамьи.

— Ну, не стану тебя мучить, а доложу все сразу и коротко, по-военному...— Комбриг сел рядом с Маратом, положив руку ему на плечо.— Есть сообщение, что Ада, сестра твоя, жива. Здоровье ее идет на поправку. Московские хирурги протезы ей сделали — танцевать можно. Ну, ей-то, положим, танцевать еще рановато, а тебе не грех и сплясать гопака. К правительственнсй награде тебя, сынок, представили. Сегодня ночью отправили списки и все документы в Кремль.

Марат не промолвил ни слова. Взглянул на командира и зардеяся горячим румянцем.

В этот день Марат обошел всех своих друзей-товарищей. Поначалу сообщал о том, что нашлась Ада, а потом переходил к другой новости: есть, мол, точные сведения, будто в Москву на самолете послан большой список партизан. Орденами и медалями их наградят!

— На мою думку,— сказал дед Алесь, зализывая кончиком языка большую самокрутку,— и тебе бы, внучек, треба какую ни то награду... Худо-бедно, а медаль треба.

— А это уж командованию виднее.

Только поздно вечером, повстречав у штабной землянки своего учителя, Марат вспомнил, зачем ходил он к начальнику бригады.

— Да, брось ты канючить! — отмахнулся учитель.— Пристал, как репей. Пойдем к товарищу Бокалову. Что он решит...

Однако от Михаила Павловича зависело многое. Комбриг внимательно расспросил его, не слишком ли рискованная операция, не помешает ли подрывникам Марат, не возражает ли, наконец, сам Михаил Павлович, чтобы мальчик принял участие в диверсии.

И Марат на этот раз готов был расцеловать своего учителя: Михаил Павлович повернул разговор так, что Бокалов ответил:

— Что ж, я не возражаю.— И, обращаясь уже к Марату, сказал:— Так вот, сынок, передай своему командиру наше решение и собирайся.

Шли «партизанским шагом» — гуськом, ступая точно след в след.

* * *

Диверсионная группа состояла из девяти человек, не считая Марата. Тут был и Тимофей, краснощекий парень, с которым Марат познакомился в день своего прихода в отряд. Подрывник тоже узнал Марата и протянул ему свою твердую, мозолистую руку.

Шли, умело маскируясь и обходя вражеские посты и заставы. На второй день пути группа вышла к деревне Глубокий Лог, где была партизанская явка. Здесь необходимо было получить сведения у связного, который, разумеется, не подозревал, что в километре от деревни в кустах притаились партизаны.

Идти в Глубокий Лог днем слишком рискованно, а ждать до темноты — это значит потерять шесть часов. И вот Марат предложил: «Давайте схожу я». Снял шинель и, оставшись в телогрейке, вытащил из рюкзака лапти с онучами, изодранный треух. Все это Марат прихватил с собой «на всякий случай».

Переодевшись, мальчик отправился в тихую, безлюдную деревню. Партизаны не выпускали его из виду, готовые в любую минуту прийти на выручку. Но все обошлось хорошо. Через полчаса Марат вернулся к своим товарищам.

— Михаил Павлович, через Глубокий Лог давеча группа эсэсовцев проезжала. Человек сорок. Немцы в Васильевке теперь. На Мостищи идти нельзя: дорога охраняется полицаями. На Слободу дорога тоже закрыта: там засады.

Из его донесения подрывники поняли: шагать и шагать им теперь обходными путями.

Шли «партизанским шагом» — гуськом, на расстоянии двух — трех метров друг от друга, ступая точно след в след. Марату приходилось прыгать, чтобы угодить в след.

Апрельская ростепель затрудняла движение. Снег на дорогах уже был водянистый, хоть выжимай, а в лесу — зернистый и сыпучий, как песок.

На исходе второго дня в тишине, какая бывает лишь ранней весной, подрывники услышали далекий паровозный гудок. Марат не сумел сдержать своей радости. Тимофей, лежавший рядом с ним в лощинке, охладил его:

— Подожди еще радоваться-то.

У возвратившихся из разведки хлопцев были угрюмые лица.

— Проверить снаряжение! — приказал учитель.— Чтобы ни единого звука. Следуем дальше... Следите за моими сигналами!

Марат шагал за Тимофеем, стараясь даже не дышать. Время от времени в вечернее небо взлетали осветительные ракеты. И тогда хлопцы падали на том месте, где заставал их выстрел: в снег так в снег, в лужину так в лужину. В одном из вынужденных приземлений Марат повредил себе руку и от боли чуть не вскрикнул. Лежа на талом снегу, мальчик ясно услыхал метрах в десяти от себя немецкую речь.

Шум колес, паровозные гудки были слышны совсем-совсем близко. Снежно-ледяная корка, покрывавшая болото, прогибалась под ногами. Вот Тимофей, тащивший рюкзак со взрывчаткой, провалился по колено в вязкую торфяную жижу. Идя за ним, угодил в ледяную кашу и Марат. Тело свело судорогой, и сапоги наполнились колючей, ледяной водой.

Становилось все холодней. Лужи застывали, и лед громко хрустел под ногами. Мокрые ветви обмерзли. Когда партизаны отводили их рукой, они звенели. Как ни пытались хлопцы идти без шума, каждый шаг сопровождался хрустом и звоном.

Наконец партизаны увидели сноп огненных искр, валивших из трубы паровоза. Кто-то крепко стиснул локоть Марата. Это Михаил Павлович.

— Скоро уж! — шепнул на ухо учитель.

Хлопцы то исчезали в темноте, то выныривали, тяжело дыша. Тимофей передал Михаилу Павловичу что-то в руки и лег.

С запада донесся шум. Михаил Павлович насторожился.

— Так,— произнес он полушепотом, а Марату почудилось, будто учитель громко крикнул.— Так... Марат, держи-ка вот эту штуковинку.— Михаил Павлович протянул мальчику взрывную «машинку», от которой тянулся провод к заминированному полотну.— Когда скажу, крутнешь ручку.

Поезд шел на большой скорости, но Марату казалось, что он ползет черепахой. От волнения спирало дыхание в груди.

Из поддувала паровоза, освещая снег розоватым светом, сыпались угольки. Вот, судя по стуку колес, катятся вагоны, тяжело груженные платформы. Рявкнул гудок паровоза, и почти одновременно крикнул Михаил Павлович:

— Давай, Марат!

Мальчик несколько раз повернул рукоятку. Короткая вспышка взрыва озарила платформы и стоящие на них орудия. Гул пронесся по лесу.

Горячей воздушной волной Марата легонько толкнуло назад, но он снова подался вперед, не отрывая взгляда от железнодорожного полотна. Вагоны катились под откос, как консервные коробки, натыкаясь один на другой.

— Отходи!

Густой пар от взорванного паровоза накрыл всю округу. Когда подрывники взяли направление на свой лагерь, фашисты открыли беспорядочный огонь.

Радостное возбуждение не покидало Марата всю дорогу. «Не надо думать, что фашисты — кошки, а мы мыши и нам нужно от них спасаться. Мы хозяева, мы дома, а они воры! И им жутко на чужой земле, где каждый куст им враг...» Эти слова, прочитанные Маратом в одной партизанской листовке, вдруг всплыли в его памяти. И еще вспомнились ему мама, Ада...

«Сегодня я отомстил за них!» — думал Марат, легко шагая за Михаилом Павловичем.

Пятнадцатая весна

...Словно зеленым пухом обсыпаны деревья в лесу. На больших пораненных березах бледно-розовые потеки «кипящего» весеннего сока. В густом ельнике синеет подснежный колокольчик. Марат припоминает: когда-то, давным-давно, собирал он с сестренкой на проталинах в березовой роще вот такие же холодные подснежники.

Следуя на Орлике за Владимиром Ларионовым, мальчик строго придерживался дистанции «в две лошади». Владимир вполголоса напевает: «Если завтра война, если враг нападет...»

«Если завтра война»... Странными кажутся сейчас Марату эти слова.

...Тихо-тихо. Даже шелест птичьих крыльев слышен над головой. Вот налетел густой плавный ветер, раскачал верхушки деревьев и овеял лицо свежестью и ароматом весеннего цветения. Зарябили под ветром круглые лужицы с настоявшейся в них темной талой водой.

Прав был Ларионов, когда говорил: ходить скоро Марату опять в разведку. После возвращения с «железки» Бокалов подписал приказ о зачислении Марата Казея в разведку штаба бригады. Вспоминая об этом, Марат еще больше приосанился, крепче сжимая в руке повод.

Пахнет молодыми побегами, прошлогодней листвой. Хорошо бы снять автомат, отстегнуть от пояса тяжелые гранаты, скинуть шапку, лечь на землю и долго-долго смотреть в бездонное небо, по которому плывут на север белые караваны гусей! Хорошо!

Но Марат привык сдерживать себя. Он только расстегнул воротник гимнастерки да сдвинул на затылок кубанку, из-под которой выбились, зашевелились на ветру мягкие, льняные волосы.

Пока разведчики пробирались по заросшей нежной молодью просеке, заметно стемнело. Полился теплый дождь. Конники выехали на лесную опушку, и Ларионов умолк. Лицо его сделалось суровым, глаза превратились в узкие щелочки.

— Ну-ка глянь,— протянул он бинокль Марату,— у тебя глаза позорче.

В сгустившихся сумерках Марату удалось разглядеть лежавшую впереди деревеньку Хороменское. По слухам, фашистов в ней не было, но Ларионов все же решил дождаться полной темноты, чтобы незамеченными пробраться в село.

— Давай передохнем малость... Лошадей покормим.

Разведчикам необходимо было встретиться со связным Игнатом Фомичом, обладавшим редким нюхом по части раскрытия вражеских тайн, и передать ему свежие листовки.

Дождь расходился все больше. Разведчики спешились и укрылись под старой ольхой, хотя она почти не задерживала дождь. Теплыми мутными ручейками сбегает вода с их шапок. Владимир ежится.

— Прохладно все же в нашем лесном царстве. А? — Оглядывает мальчика.— Не озяб?

— Что вы! — Марат нежно провел ладонью по бортам новой, необмятой еще шинели.— Шинелька потеплее вашей стеганки будет.

Новую шинель Марату сшили сами партизаны и преподнесли к празднику Первомая.

Наконец Ларионов тихо сказал:

— Пора...

Деревушка словно вымерла: ни звука, ни огонька. Но разведчикам известно: тишина бывает обманчива. Они идут, всматриваясь до боли в глазах в темноту. Марат положил руку на гранату за поясом. Орлик тоже ступает осторожно, словно понимает, что он в разведке.

Огородами подошли к хатенке, ничем не выделявшейся среди десятка других серых, слепых хат.

Владимир трижды стукнул рукояткой плети по наличнику. Тишина. Слышно, как стекают с соломенной крыши дождевые струйки на землю. Вдруг Марат вздрагивает, хватается за автомат. Ясно слыхать: в огороде кто-то всхлипывает. Ларионов передает Марату повод своего коня и идет на плачущий голос. Но всхлипывания неожиданно прекратились...

— Черт знает что! — озадаченно пробормотал разведчик, вернувшись из огорода.— Все, кажется, обшарил...

Снова до слуха партизан донеслись вздохи и плач. Теперь через изгородь перелез Марат и пошел к старому дереву, откуда доносились звуки, но и он не обнаружил ничего подозрительного.

Ларионов постучал настойчивей в дверь хаты. В темном окне проплыл огонек свечи, и дверь отворилась.

— Не достучишься до тебя, Фомич,— вместо приветствия сказал партизан.

Старик закашлялся, прикрывая согнутой ладонью свечу.

— Думал, они, поганые! — ответил он.— Я решил было в лес податься...

Только теперь Владимир обратил внимание, что Фомич был в полушубке, валенках с галошами и овечьем треухе.

— Тебя-то я нонче не ждал... Да заходи в хату, чего мокнешь?

— Я не один... Послушай, Фомич, у тебя на грядках плачет кто-то.

— Да он, поди, у меня каждую ночь голосит... Привязывайте коней-то, зайдите в хату.

— Кто голосит? — одновременно спросили разведчики.

— Да, знамо, он, тополь. Кто ж еще? Присаживайтесь. Скидывайте одежду-то... Я посушу.

Партизаны сели на лавку, но раздеваться не стали, только шапки сняли.

— Под этим самым тополем немцы сына мово застрелили. И невестку Степаниду... И двух внучат... Царствие им небесное.

Фомич говорил медленно, после каждого слова делая паузу, точно что-то мешало ему дышать.

— Вот уж скоро год... И с того самого часу, как подымется ветер да польет дождь, дерево плачет живым, человечьим голосом.

Достав с печи полушубок, хозяин постелил его на лавку, поправил, помял руками. Принес цветастую подушку.

— Тополь-то старый, с дуплом... Ему, может, и сто лет будет. Пули прошли через людей, а потом пробили дерево, просверлили его насквозь... Теперича, как наберется в дупло дождевая вода и дунет ветер...— Фомич молча вытащил из печи чугунок, поставил его на стол.— Жаль, потчевать, хлопцы, вас нема чем. Бульба вот... Так я и говорю, как подует ветер, мой тополь и плачет, как человек... Может, оттого... Да поешьте уж, поешьте трошки. Вот солоница. А я пойду покудова коням что-нибудь брошу...

Ларионов вынул из чугунка пару нечищеных картофелин, положил одну перед Маратом, но мальчик не стал есть. Веки закрывались сами собой. Дрема так и клонила к пышно взбитой подушке. Заметив, что его дружок едва сидит, Владимир предложил:

— Приляг, Марат, сосни. А мы тут с Фомичом потолкуем.

Не раздеваясь, мальчишка, как сноп, повалился на сладко пахнувший овчиной и печеным хлебом хозяйский кожух.

Проснулся Марат от сильной тряски. Ларионов с Фомичом тормошили его:

— Вставай! Немцы!

Марат вскочил на ноги, нашарил автомат.

— На коней и к лесу! — командовал Владимир.— Держи прямо к бору! А я правее!

Низко пригнувшись к конской гриве, Марат смотрел только вперед, на зубчатую кромку леса, чуть вырисовывавшуюся в предрассветной мгле. Как далеко была сейчас эта живая зеленая броня партизан!

Вдогонку летели вражеские пули. Торопливо застрочил за спиной пулемет, и Орлик под Маратом вздыбился, рухнул на землю. Не чувствуя боли от падения, Марат побежал по полю к кустам. Они были совсем близко. «Только бы добежать!» Но пули, свистевшие вокруг, заставили его лечь. Оставшуюся сотню метров мальчик прополз.

За кустарником оказалась ложбинка. Марат сполз в нее. Прижавшись щекой к земле, он жадно дышал. Сердце бешено колотилось. Не отрывая глаз от поля, Марат вытащил из-за пояса обе гранаты, положил их перед собой.

Пелена тумана стала жиже, и в ней были видны серые фигуры. Враг! Еще несколько минут, и они будут здесь. Руки Марата вспотели, на лбу выступила испарина. Мальчику казалось, что гитлеровцы стоят на одном месте. А они между тем медленно и молча приближались к его укрытию.

В эти минуты Марат не думал о себе. Ему даже не пришло в голову, что он один, а гитлеровцев

Марат сжал в руке гранату...

много. Он видел перед собой врага и решил драться с ним. И еще он видел давно не паханное поле, и ольховый куст, и одинокую березку.

Всем своим существом мальчишка ощутил: и поле, и куст, и березка — все это его, родное! Марат оглядел рассыпавшуюся, но все же густую цепь идущих во весь рост немцев.

Фашисты приблизились настолько, что по их зеленым мундирам можно было определить, где солдаты, а где офицер. Офицер вышагивал чуть впереди. Марат долго целился в него. Руки его дрожали, и он никак не мог взять фашиста на мушку.

Марат надеялся, что вот сейчас подоспеет Ларионов и они вместе жахнут по фашистам. Он не знал, что Ларионов не успел доскакать до леса, что убит он вместе с конем посреди поля. Выпустив длинную очередь, Марат прислушался: «Нет, не слышно. Надо экономить патроны». Напуганные птицы взлетели над рощей, закричали тревожно.

А гитлеровцы продолжали идти равномерно, как заведенные. Они были уже совсем недалеко от сломанной березки...

Марат снова прицелился, взял на мушку офицера. «Спокойнее, спокойнее!» Автомат застрочил,

и фашисты ткнулись в землю. А когда поднялись, офицера среди них уже не было.

И снова Марат припал щекой к дрожащему автомату. Взмахнув руками, упал навзничь солдат, успевший добежать до березки.

Марат не отрывался от автомата, пока он внезапно не замолк: кончились патроны! Только теперь до сознания его дошло: «Хотят взять живым!»

Гитлеровцы обходят кустарник с двух сторон... Слышны хриплые голоса:

«Русс, сдавайся!»

Марат выждал и, когда фашисты подбежали совсем близко, швырнул в них гранату. Потом поднялся и шагнул навстречу врагу.

— Берите меня! Ну! Берите же! Скорее!

В руках он зажал вторую гранату, выдернув из нее предохранитель.

Чувствуя, что пуля может сразить его раньше, чем разорвется поднятая над головой граната, Марат ринулся к сгрудившимся гитлеровцам. Раздался взрыв!..

Враги долго не решались подступить к тому месту, где ничком недвижимо лежал Марат.

...На востоке дрогнула алая полоска зари, и по небу поползли острые лучи майского солнца.

Заключение

Прошумели весны. Прошли годы. Возле Станьковской школы, во дворе которой в годы оккупации немцы поставили виселицу, снова появилась легкая статуя пионерского горниста.

Однажды третьеклассники этой школы готовились к сбору, посвященному пионерам-героям, и в комнату к ним незаметно проскользнул мальчишка-второклассник. Он тихо стоял у порога и слушал стихи о Павлике Морозове — бесстрашном пионере из села Герасимовки.

Когда ребята стали собираться домой, мальчик шагнул им навстречу.

— Я тоже знаю...

— Что ты знаешь? — окружили его школьники.

— Про пионера одного. Жил недалеко от нас. Он тоже герой.

Говорил мальчик сбивчиво, путано, но пионеры почувствовали: он знает что-то очень важное...

— А может, ты все это выдумал? — недоверчиво спросили ребята у маленького гостя.

— Ничего я не выдумал. Папа мне рассказал...

— Тогда веди нас к своему папе!

Учитель Михаил Павлович, узнав, зачем пожаловали к нему пионеры, рассказал им о партизанском разведчике из их села:

— Морозным днем военного сорок второго года пришел к нам в отряд мальчик. Звали его так же, как и моего сынишку зовут, Маратом...

Услышав рассказ Михаила Павловича, пионеры решили узнать все о пионере-герое. Они собрали много материалов о нем. А скоро райком комсомола по просьбе пионеров присвоил отряду третьего «А» имя Марата Казея.

В дни празднования 40-летия Великого Октября лучшие пионеры отряда имени Марата Казея приехали в прекрасный возрожденный Минск. Сюда же съехались пионеры со всей Белоруссии. Многие из них были делегатами отрядов и дружин, носящих имя Марата Казея. С красными знаменами пришли ребята в Пионерский парк, чтобы заложить там памятник юному герою.

На торжество пришли и взрослые, боевые товарищи Марата. Они говорили пионерам:

— Когда шла война и когда нам бывало особенно трудно, мы думали о будущем. За это будущее мы сражались с врагами. Могилы тех, кто думал поработить нашу землю, заросли бурьяном. А борцам, освободившим ее, народ воздвигает памятники. Но самым замечательным памятником, ребята, будет ваш труд на этой земле, обагренной кровью советских людей. Любите и берегите родную землю! Украшайте ее! А если понадобится, то защищайте ее так, как защищал ее юный пионер Марат!

Памятник Марату Казею, который будет воздвигнут в Минске.

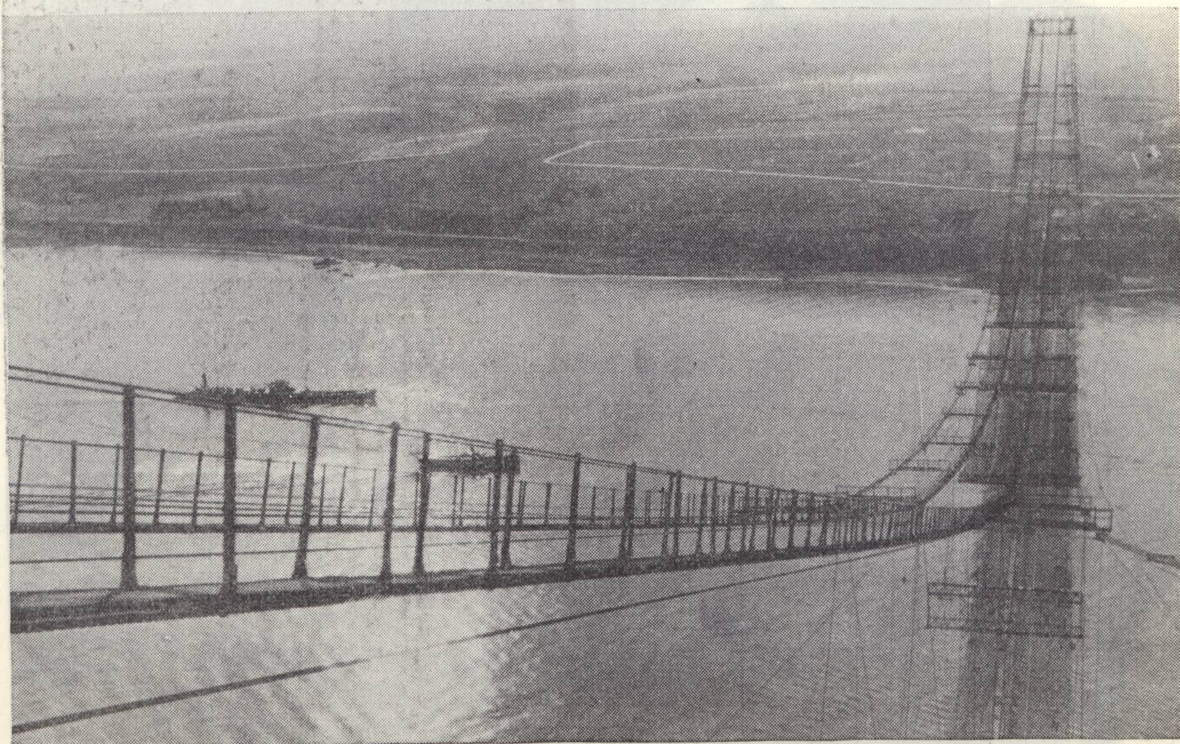
СТРАНА

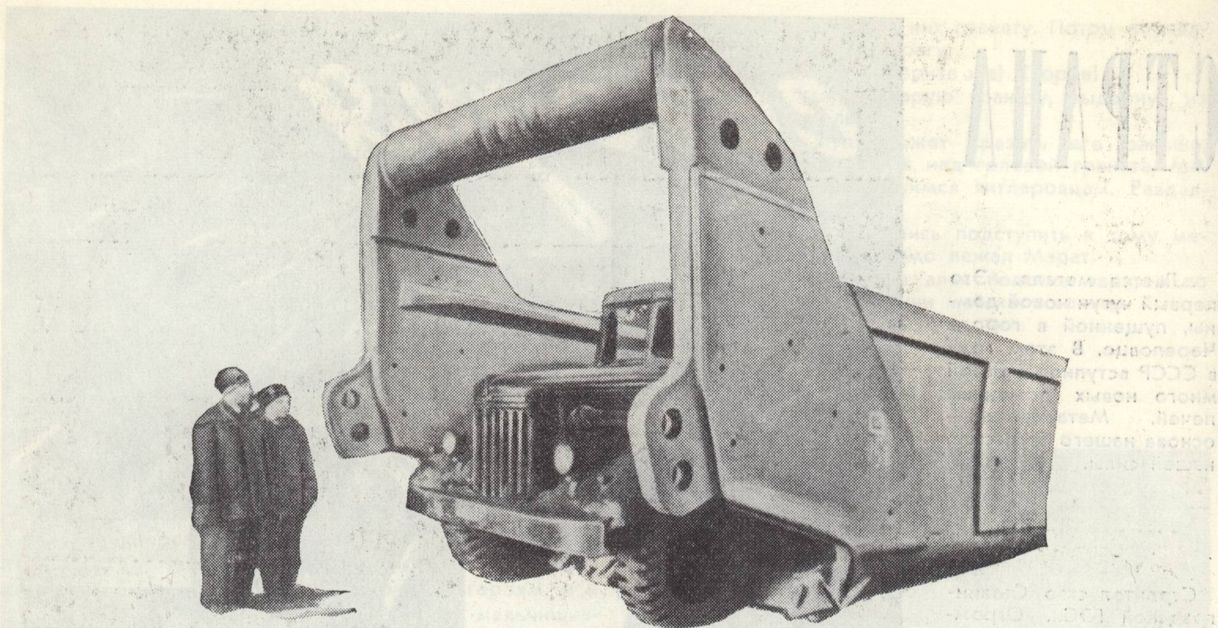

...Льется металл. Это первый чугун новой домны, пущенной в городе Череповце. В этом году в СССР вступило в строй много новых доменных печей. Металлургия — основа нашего богатства, нашей силы.

Строительство Сталинградской ГЭС... Огромный ажурный мост канатной дороги повис над Волгой. По дороге автоматически движутся вагонетки с грузами.

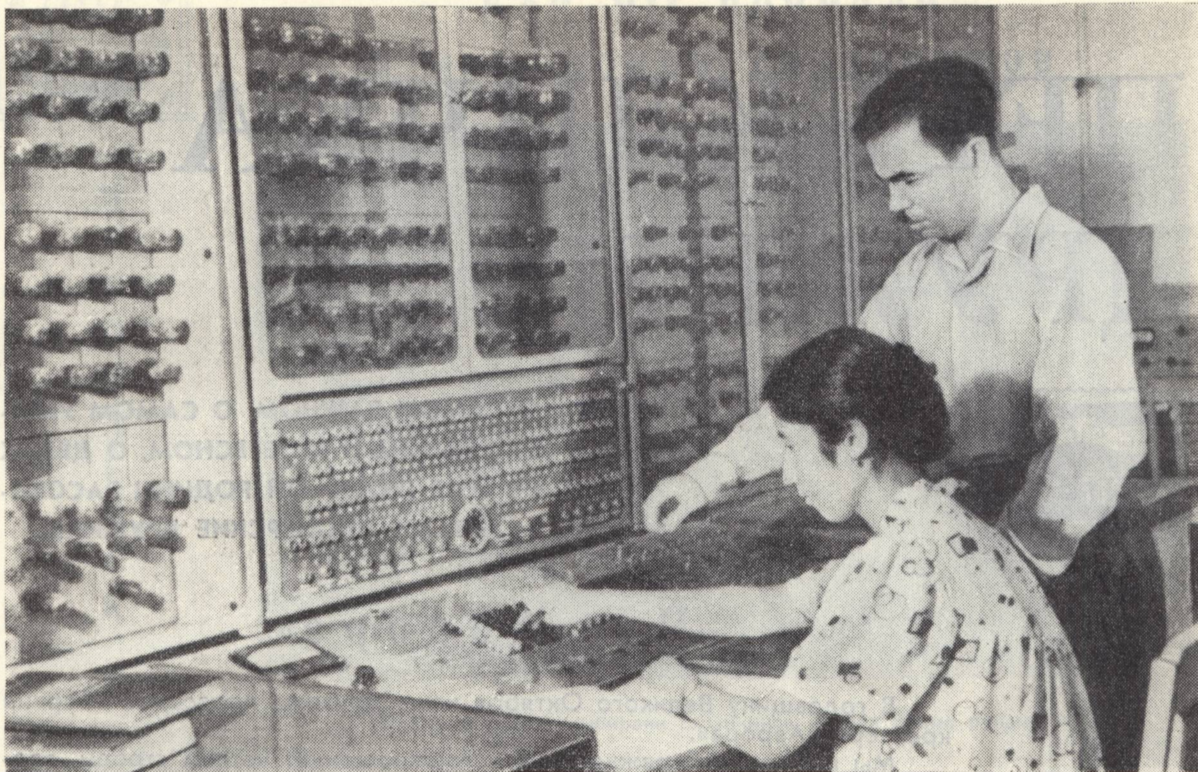
В этом месте сооружена теперь перемычка, перегородившая русло Волги.

В ковше нового шагающего экскаватора «ЭШ 25/100» свободно может поместиться самосвал «МАЗ». Такой «лопатой» легко передвигать горы!

В морозной якутской тайге геологи отыскали алмазы. Алмазы — самые твердые из всех веществ — вставят в коронки турбобуров, чтобы пробить дорогу к нефти, к залежам полезных руд, спрятанных в недрах земли.

Саломат Каримбердыева — сотрудник вычислительного центра Узбекской республиканской Академии наук. Она дает сложнейшие задания «электронному мозгу», и, повинуясь ей, «умная» счетная машина в секунду решает тысячи задач.

Сорок один год назад при слове «Азия» люди вспоминали пустыни, верблюжьи караваны, эпидемии страшных болезней, женщин с лицами, закрытыми черной сеткой паранджи... Вот она, сегодняшняя советская Азия,— цветущий край, где счастливо, свободно живут, учатся и трудятся люди! Край строителей, край ученых и поэтов.

Сегодня в вечернем небе виднеется яркая звездочка — спутник, космическая лаборатория, созданная руками советских людей. Значит, близок день, когда человек сам шагнет с родной планеты во вселенную! Так примерно будет выглядеть астронавт при полете в космос.

ПЕРЕКЛИЧКА ДРУЖИН

О САМОМ ВАЖНОМ, О САМОМ УВЛЕКАТЕЛЬНОМ И ИНТЕРЕСНОМ, О ДЕЛАХ ВО ИМЯ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ РАССКАЗЫВАЮТ ПИОНЕРСКИЕ ДРУЖИНЫ.

ЛЕНИНГРАД

На «Авроре»

В годовщину Великого Октября наша дружина проводила сбор на крейсере «Аврора».

Мы шли по набережной очень торжественно: четким строем, впереди — знаменосец, горнисты, барабанщик. На крейсере нас встретили нахимовцы и Тимофей Иванович Липатов, который в 1917 году был председателем судового комитета «Авроры».

Тимофей Иванович провел нас по всему крейсеру, рассказал, как по приказу Военно-революционного комитета команда «Авроры» привела крейсер к Николаевскому мосту (теперь мост лейтенанта Шмидта). А на другой день после этого, 25 октября 1917 года, в 21 час 42 минуты, с «Авроры» грянул первый залп по Зимнему дворцу.

Тимофей Иванович показал нам пушку, из которой стреляли по Зимнему дворцу.

Мы, конечно, не удержались, и каждый потрогал ее рукой. Мы подарили Тимофею Ивановичу макет «Авроры», который сделали сами. Потом вся дружина выстроилась на палубе, и мы торжественно приняли младших ребят в пионеры. И здесь, на знаменитом крейсере, повязали им пионерские галстуки.

Этот день мы не забудем никогда в жизни!

Галя Бутарева,
председатель совета дружины 195-й школы.

В праздничный вечер. Рисунок Саши Слепцова, Москва.

Как мы поймали 8 миллионов сазанчиков

НИКОЛАЕВСК

У берега ребята выбирали сазанчиков из ила прямо руками.

Мы живем на Волге, и все самое интересное в нашей жизни связано с этой могучей красавицей рекой. Вот, например, недавно мы спасали мальков сазана.

Сазан нерестится ранней весной во время разлива Волги. Рыба ищет для икринок место потеплее, помельче, в старой траве, у самого берега. А кончится половодье, и случается, что мальки не успевают уйти обратно в реку, живут в бесчисленных озерцах, которые остаются в пойме после спада весенней воды. Маленькие озера за лето высыхают. Малькам все труднее и труднее жить, и они зарываются в ил, чтобы не задохнуться... Тут-то и нужно вмешаться человеку.

В эти дни все взрослые были заняты на уборке урожая и наша помощь в колхозе имени Степана Разина, куда мы приехали, пришлась очень кстати.

...Наши разведчики обнаружили почти совсем высохшее озеро со множеством крохотных сазанчиков, и теперь мы шли к нему: медлить было нельзя. Владимир Ильич Золотарев, наш учитель, время от времени поторапливал тех, кто отставал.

Мы пробирались в густой траве, перепpавлялись через болотца, искали объезда для нашей лошади Маруськи, которая везла бредень, сачки, ведра.

— Смотрите, смотрите! — неожиданно крикнула Таня Абрамова.— Птиц видимо-невидимо!

Оказалось, что мы стоим у самого озера. Туча сварливых чаек взлетала и снова кидалась вниз. Неподвижно стоя в мелкой воде, важные цапли опускали длинные клювы и без конца вытаскивали мальков.

— Нашли себе закусочную! — рассерженно сказал Миша Побелянский и, не выдержав, швырнул в птиц комок земли.

Мы быстро размотали бредень. Двое ребят зашли с ним в воду. Пока они тянули его, распуганные чайки с недовольным криком носились прямо над нашими головами.

Бредень подтащили к берегу. Сазанчиков в нем оказалось очень мало.

— Опоздали! — коротко бросил наш руководитель.

Настроение у нас сразу упало.

Много часов бродили мы в этот день, отыскивая новые озера, богатые мальками.

День подходил к концу, как вдруг снова показалось в небе множество птиц. Это была верная примета.

Наперегонки побежали мы к воде.

Через несколько минут двое ребят неслышно вели бредень, а мы, стоя у берега по колено в грязи, выбирали из ила сазанчиков и пускали их в ведра с водой.

Крошечные рыбки заполнили бочку. Ребята прикрыли их сверху травой, чтобы не расплескать по дороге, и повезли спасенных мальков к Волге.

Несколько ребят занялись кольцеванием мальков. Обмеряли сазанчиков, взвешивали, прикрепляли капроновой ниткой к спинному плавнику легкую пластмассовую бирку с номером.

Пройдет несколько лет, и, когда взрослых, больших сазанов выловят, бирочки на их плавниках много расскажут ученым о жизни рыб.

Мы работали на озере до тех пор, пока не переловили всех мальков. А потом, порядком уставшие, перемазанные, мы отправились с последними спасенными сазанчиками к Волге и выпустили их в воду.

На поверхности реки остался один сазанчик. Он неподвижно лежал на боку, и течением его сносило все ниже и ниже.

— Погодите,— почему-то шепотом произнес Володя Коротков,— сейчас оживет в свежей водичке.

И вдруг сазанчик будто услышал этот шепот, шевельнулся, заработал хвостом и плавниками и быстро исчез в глубине.

— А знаете, ребята, что мы спасли около восьми миллионов мальков? — сказал наш руководитель.— Если из них уцелеет хотя бы четверть, представляете, сколько это будет рыбы!

Юра Гречко, Люся Шаховская,
краеведы Николаевской семилетней школы № 5, Сталинградская область.

Учимся работать

ПЕКИН

Весь китайский народ занят сейчас большой созидательной работой. Не хотят отставать от взрослых и пионеры, поэтому они спешат научиться какому-нибудь делу. Молодые рабочие охотно помогают в этом ребятам.

Веселые дорожки

ХУНЕДОАРА

У нас в Румынии сейчас много интересного в пионерских дружинах. Но мне понравился больше всего конкурс «Веселые дорожки». Это состязание тех, кто хочет узнать свой край, свою страну.

Состязались все школы Румынии. Вопросы объявлялись по радио и придумывались на местах, в дружинах.

В нашей Хунедоарской области заключительный тур состязания проходил торжественно, в кинотеатре имени Максима Горького. Там собралось много зрителей. Жюри сидело на сцене. Нас, участников состязания, тоже вызвали на сцену. В каждой команде (в финал вышли две команды) было по шесть человек. Жюри задавало вопросы, а мы отвечали. Говорил от команды кто-нибудь один, кого выбрали заранее. Если бы он чего-то не знал или не мог ответить быстро, тогда должны были говорить другие. В нашей команде право отвечать первым дали мне. Я должен был отвечать молниеносно, раньше противников. И поэтому я готовился к состязаниям очень тщательно целый месяц. Все ребята мне помогали и проверяли меня.

Тема была объявлена заранее: история, промышленность и география нашей области. Мы читали книги, ходили в походы, разговаривали с людьми, посещали музеи.

Мы побывали на знаменитом Хунедоарском металлургическом комбинате. Это гигант, крупнейший в нашей стране, и одно из самых больших предприятий Европы. Нам показали строящийся блюминг — он больше нашей школы! Во всяком случае, нам так показалось. Строить этот комбинат помогали ваши, советские инженеры. А работает там молодежь со всей Румынии.

И вот когда на состязании мне задали вопрос: «Назовите такие постройки в нашем городе, которые бы олицетворяли буржуазное прошлое страны, и такие, которые бы олицетворяли наше настоящее»,— я не задумался. Символ прошлого — это дворец господаря, а наше настоящее — то, что символизирует нашу новую, народную Румынию,— конечно же, Хунедоарский комбинат!

Мне очень понравилось это состязание не только потому, что победила наша школа, но потому, что для всех нас это были хоть и трудные, но действительно веселые, счастливые дорожки.

Гостоян Карл

Elöre!

ШОЛЬМАР

Больше всего, пожалуй, мы увлекаемся туризмом. Каждый год отправляемся путешествовать по красивейшим местам нашей родины. И не всегда уходим далеко от дома. Мы с огромным интересом изучаем историю родной деревни. Неподалеку от нас, на холме Матьяша, сохранились руины дворца короля Матьяша (XV век).

Наши юные историки нашли там водопровод эпохи турецкого владычества в Венгрии.

Наша пионерская дружина существует уже одиннадцать лет. Контрреволюционное восстание в октябре 1956 года не могло уничтожить ее. Мы спрятали в тайниках свои пионерские галстуки и знамена, а когда рабочие прогнали бандитов, принесли галстуки в школу.

Мы идем вперед по пути социализма. И наш девиз: Elöre! (Вперед!)

Пионеры Шольмарской школы.

Юные художники Шольмарской школы зарисовали, как проходили раскопки.

Привет от харцеров!

Б Ы Д Г О Щ

«Спутник! Запущен спутник! Советские ученые создали новое космическое тело»,— вот о чем мы больше всего думали и говорили в этом году.

Все наши харцеры увлеклись астрономией и астронавтикой, стали строить модели ракет. Харцерская газета «Свят млодых» («Мир молодых») объявила конкурс космонавтов.

Я тоже принял в нем участие, отвечал на вопросы, заданные газетой, и построил на конкурс модель спутника. Это была летающая модель, рассчитанная на пассажира. Мне очень хотелось отправить в полет какого-то своего разведчика, если уж я сам пока не могу лететь. Мы работали вдвоем с моим другом Эдвардом Хойнацким. Начертили сперва проект. Продумали топливо. Ведь именно вопрос топлива главный для каждой ракеты. У нас ракета была небольшая, поэтому мы взяли магнезию, дымовую шашку и горючую пленку. Очень важна также прочность корпуса ракеты. Надо сделать так, чтобы он не расплавился в быстром полете. Для этого устроили водяное охлаждение.

Придумали, как будет устроен спутник, камера для мухи (мы выбрали в разведчики именно муху: ведь ей легче всего выдержать полет). Устроили ей поилку и кормушку. Укрепили спутник внутри ракеты. Когда все было готово, мы ушли в глухую часть парка, где нет людей, и запустили свою ракету.

Все получилось не совсем так, как мы ожидали. Правда, ракета поднялась примерно на высоту седьмого этажа, и спутник вылетел из нее, но они слишком быстро упали. Я подбежал к спутнику. Наша разведчица-муха не пострадала, она сразу же улетела из камеры.

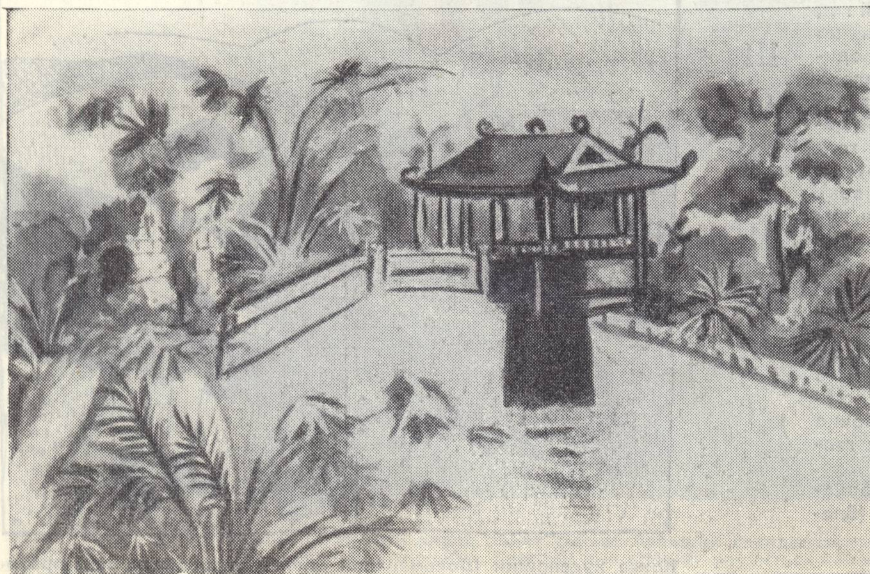
На конкурсе наша модель заняла шестое место. Участвовать в нем было очень интересно. Нас, победителей конкурса, послали в «Артек». Мне очень понравились этот лагерь и ребята в нем.

Марьян Бжезицкий

Подарок далеких друзей

Х А Н О Й

Этот рисунок прислали нам пионеры Вьетнама. Ребятам хотелось, чтобы он хоть немного помог вам представить себе их родину.

ЙОСИФОВО

Ребята не только выращивают цыплят: возле школы огромный сад и виноградник посажены пионерами. А в том, что урожай в этом году был неплохим, вы можете убедиться сами.

Наши цыплята

Весной этого года пионеры нашей деревни Йосифово взялись вырастить семьдесят цыплят. Мы кормили цыплят по часам, регулярно меняли воду. В клетке, где цыплята спят, каждый день стелили свежую траву, чтобы малышам мягче было спать. Цыплята быстро росли и скоро стали большими и красивыми курами.

Осенью мы решили подарить их кооперативному хозяйству. Пришли к бригадиру птицеводов Маре Гарановой и сказали:

— Примите наш подарок! Пусть они снесут вам много-много яиц, а вы дайте нам эти яйца весной. Тогда мы вам еще больше цыплят вырастим.

Бригадир очень обрадовалась. Потом она позвала всю бригаду и при всех поблагодарила нас.

Анна Митова

ЭРФУРТ

Мы тоже боремся за мир

Для нас, пионеров-тельманцев, самое главное — это жизнь нашей страны. В нашей Германии, разделенной на две части, сейчас очень сложная политическая обстановка. Мы внимательно следим за последними событиями, читаем газеты, слушаем радио. Мы верим, что войну, которую затевают люди, люди же могут и предотвратить. И мы хотим помочь этому. В нашей стране нужно проводить большую разъяснительную работу, чтобы убедить людей бороться за мир. Ведь совсем не все кидаются в огонь, даже если пожар угрожает их дому.

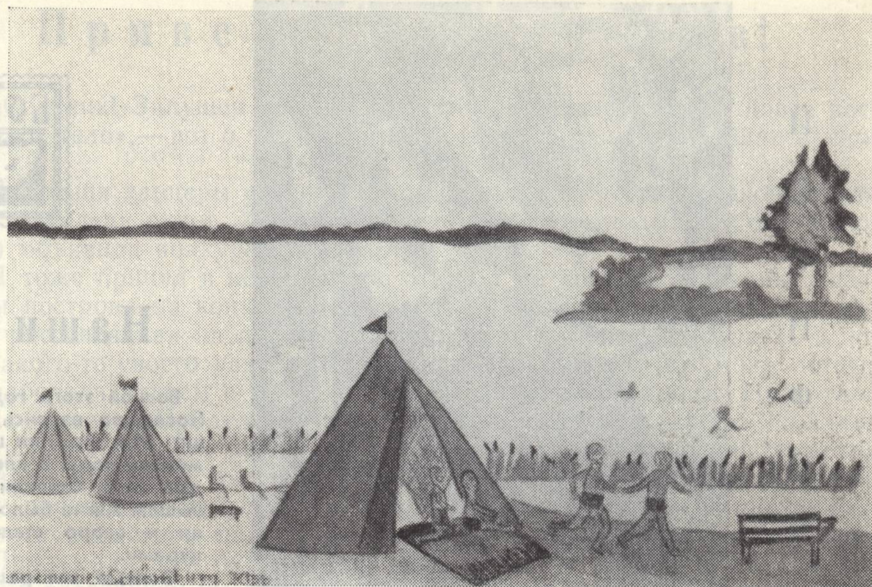
Многие у нас равнодушны. Они или не понимают, что война может произойти, или считают, что политика — дело государственных деятелей, простым людям нечего об этом заботиться.

Конечно, они очень удивляются, когда мы, ребята, заводим с ними разговоры о политике, о войне... Но в конце концов мы добиваемся того, что они признают: надо бороться за мир, бороться всем нам вместе. Капиталистам хотелось бы заразить своими идеями и людей в нашей демократической Германии.

Они забрасывают нам для этого комиксы — книги, в которых рассказывается об убийствах, грабежах... Начитавшись комиксов, подростки пытаются подражать гангстерам и становятся преступниками.

Нам, пионерам, очень важно убедить всех ребят в том, что комиксы — пустые, глупые и скверные книжонки, и заинтересовать их книгами настоящими. Ваши советские книги тут для нас самые лучшие помощники.

Мы очень любим книги «Васек Трубачев и его товарищи», «Молодая гвардия», «Тимур и его команда», «На берегу Севана», «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей»... Это и мои любимые книги. Они рассказывают о настоящих героях, о настоящих патриотах, о людях, которые любят людей и помогают им. Такими ведь и должны быть пионеры.

Наш пионерский лагерь.

Рисунок Анны-Марии Шомбург ученицы 5-го класса. ГДР.

Я рассказала вам очень немного о нашей работе. Расскажите вы о своей. Мы многому у вас учимся. Ваша пионерская организация служит для нас примером. А если вам еще что-то интересно в нашей жизни, пишите, мы охотно вам обо всем расскажем. Будьте готовы!

Илона Гердес

Даже геологи удивились

АНГАРСК

Нас было двадцать четыре человека.

От города Аршана по безлюдной, малоизведанной тайге наш отряд пробирался через Южные Саяны к реке Китой.

Дорога тяжелая. Путь нам преграждали огромные валуны, выброшенные Кынгаргой. По такой дороге больше двух — трех километров в час не пройдешь.

К концу второго дня мы преодолели последний, одиннадцатый водопад Кынгарги. Наутро, в двенадцать часов, начался подъем на перевал. Гребень за гребнем, подъем за подъемом — и вот к восьми часам вечера отряд на гребне Южных Саян. Сразу дохнуло холодом.

Ночевать здесь нельзя. Суровый северный склон перевала, по которому мы начали спуск, пересекается тремя ледниками. Всюду виднеются белые шапки снега. Пошел дождь со снегом. Стало темнеть. Идем очень осторожно. Обвязались веревкой.

Спустившись до середины склона, отряд разместился на отдых. Промокшие, усталые ребята плотным кольцом обступили костер, стараясь поскорее обсохнуть, согреться.

Утром снова в путь.

Исследуя среднее течение Федюшкиной реки, мы обнаружили залежи ценного минерала. Сколько было радости! Мы взяли образцы и составили подробную карту.

Наконец отряд вышел к реке Китой, зажатой с обеих сторон высокими горными хребтами. Как переправиться? Решили построить плот. Нам помогли охотники, которых мы встретили.

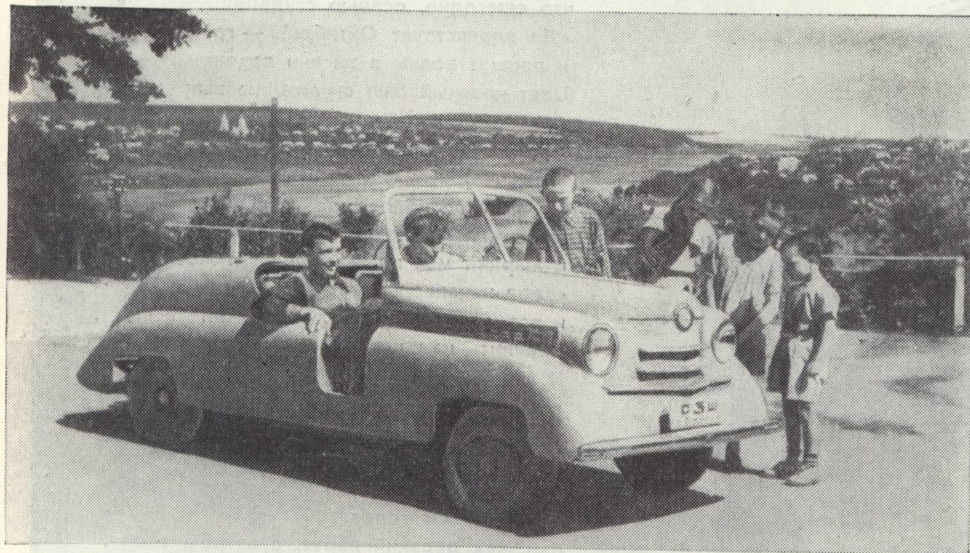
А на том берегу новая встреча — с геологами. Они приняли нас, как своих товарищей. Мы разместились в маленьком домике экспедиции. Согрелись, пообедали. Теперь можно было еще раз взглянуть на образцы пород, собранные во время поиска. Мы разложили минералы на столе и позвали геологов. Уж на что они бывалый народ, и то удивились нашему богатству.

И сказали, что это очень ценные находки!

...Домой мы вернулись на двадцатый день, оставив позади сто девяносто километров пути по горам, по тайге. Все образцы минералов немедленно отправили в Иркутское геологическое управление.

Тамара Татаркина, Саша Синельникова, Светлана Аксаментова, туристы средней школы № 17.

«Винничанка»

ВИННИЦА

Такую машину вам, наверное, еще не приходилось встречать на улицах. Ну, что ж! Это и не удивительно: она выпущена пока всего в одном-единственном экземпляре. Сконструировали и построили этот микролитражный автомобиль юные техники средней школы № 3 города Винницы, на Украине. Назвали свою машину ребята в честь родного города «Винничанкой». Машина прочна, удобна и обладает хорошими ходовыми качествами.

ЛОБАНОВСК

Друзья-пограничники

Вот уже не первый год мы дружим с комсомольцами одной пограничной части: ведем переписку, ездим друг к дружке в гости. Ну, и понятно, что все ребята у нас стараются хоть в чем-то походить на наших взрослых друзей.

Однажды наша дружина проводила игру «Бой за высоту». Мы долго к ней готовились. Ребята сами мастерили мишени, «пулеметы», «танки», «мины» и другое снаряжение. Разведчики учились сигналить, санитары прошли специальную подготовку у фельдшера на медпункте.

Наконец настал долгожданный день. Во дворе школы выстроились два «полка» во главе с командирами Жорой Мелентьевым и Володей Леготкиным.

— Смирно! — звучит команда. «Полкам» вручаются разноцветные флажки — знамена «полков», и «полки» строем направляются к исходной позиции штурма.

Наступление начал второй «полк». Штурм высоты был нелегким. Пришлось преодолеть ряд заграждений, пройти «заминированную полосу».

Во многом своей победой второй «полк» обязан минерам Мише Субботину и Коле Посохину. Под «огнем» противника (под сплошным потоком комьев липкого снега) снималось «проволочное заграждение». У Миши не оказалось нужных инструментов, и он зубами разорвал бечевку, которая условно изображала проволочные заграждения.

Нам всем так понравилась эта игра, что мы в нескольких письмах на заставу только о ней и писали. Пограничники похвалили, но спрашивают: «А как дела с учебой!»

Пришлось признаться, что не совсем хорошо. И решили мы тогда взять обязательства: не иметь двоек; крепить дружбу; каждому пионеру научиться стрелять.

Сейчас у нас значительно улучшились и успеваемость и дисциплина.

А недавно мы еще решили собрать всей дружиной металлолом на два трактора. Дадим этим тракторам имя «Пограничник».

Совет дружины
Лобановской школы

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОКТЯБРЬ!

ХУЛИО МАТЕУ

Рисунок Б. Игнатьева.

Преданье есть в Валенсии родной,
что ежегодно, осенью студеной,
«Да здравствует Октябрь!» — гремит прибой
и плещут волны в тысячи ладоней...
Цвет красный был строжайше запрещен,
был взят под подозренье всюду он.
На площадях — полиция, солдаты,
стоят шеренги, словно на смотру...
Но красное полотнище заката
так яростно плескалось на ветру,
и жаркий мак на свалках цвел жестоко,
сводя начальство местное с ума,
и всеми стеклами багровых окон
смеялись над полицией дома!
И в этот час на улице глухой
я вырвал знамя вдруг из-под рубахи,
и сразу вспыхнуло оно, как факел,
над сутолокой городской.
И, запылав,
над сотнями голов
оно, как дерзкий парус, с ветром споря,
по рекам узких улиц поплыло
к прибоем митингующему морю.
И море, выпрыгнувшее из дамб,
обрушилось на низкий берег, словно
могучее «Да здравствует Октябрь!»
вслед за людьми пророкотали волны.
С тех пор
преданье есть в стране родной,
что ежегодно, осенью студеной,
«Да здравствует Октябрь!» — гремит прибой
и плещут волны в тысячи ладоней.

Перевел Александр Янов.

СМОЛЬНЫЙ. 1917 ГОД. С. Гуецкий

ЖДУТ СИГНАЛА.

В. Серов

МЫ ЕДЕМ НА ДИКСОН

А. НЕКРАСОВ

ДВА КАПИТАНА

Пассажиров, едущих на Диксон, набралось на теплоходе больше двухсот человек. Кто возвращался из отпуска, кто впервые ехал туда на работу, кто в гости к родным, а кто, вроде меня, просто решил съездить на север, посмотреть, как там люди живут.

В Красноярске, откуда начинался рейс, мы запаслись путеводителями и, пока еще «Чкалов» стоял у причала, намечали, где что снять, где побывать, что посмотреть.

Я тоже сидел у себя в каюте и отмечал в книжке, где сойти на берег, что надо повидать, а что можно и пропустить...

Вдруг через щелочку в деревянной шторке заглянул в каюту солнечный лучик и выманил меня на палубу. Я вышел, зажмурился от нестерпимого блеска реки, и почему-то мне стало не по себе. Столько удивительного кругом, куда ни посмотришь — чудеса, а я забился в каюту и ставлю галочки в книжке: это интересно, это неинтересно... А вдруг самого-то интересного в книжке нет? Тогда как?

Вот написано в путеводителе, что непременно нужно осмотреть «Столбы». Это скалы такие, очень красивые. Там есть скала «Дед», говорят, похожа на старика. И будто бы этого деда не повидать нельзя.

Собирался и я ехать на «Столбы». А тут передумал.

Ну, увижу я каменного деда, рукой до него дотронусь и в книжке помечу: «Видел». А дальше что? Каменный дед не одну тысячу лет здесь стоит и молчит. И еще столько же простоит и слова не скажет.

А вон живой старик вышел на палубу, сел на солнышке, смотрит на Енисей. С этим и поговорить можно.

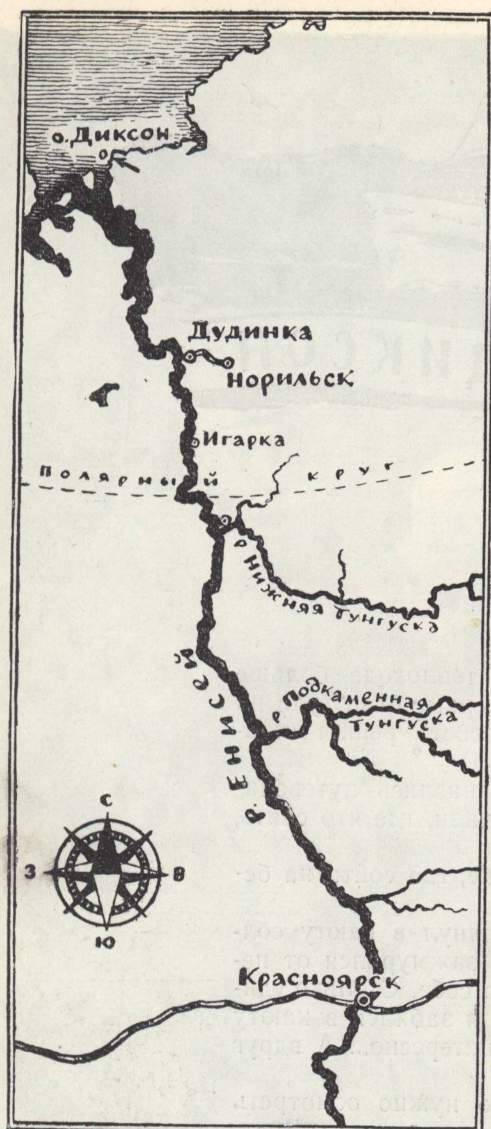
Старик, видимо, здешний, речник. Капитанская форма на нем, и уж он-то, наверное, знает, на что здесь посмотреть.

Он смотрел влево, в сторону порта. Там, на рейде, на самой середине реки, возле низкого песчаного островка, стояли на якорях груженые баржи и лихтеры. На них какие-то бочки лежали, ящики, паровые котлы. А на одной целый поезд — вагонов тридцать. Только не в затылок, а бок к боку, во фронт. И тут же, на правом фланге, как командир, стоял новенький, блестящий локомотив.

Я извинился и спросил:

— Куда же это поезд везут, не знаете? Или привезли?

— Нет, везут,— сказал старик.— В Дудинку повезут...

Я заглянул в книжку: далеко ли Дудинка и что там? А Дудинка, оказывается, на последней страничке. Это за Полярным кругом, за семидесятой параллелью. И там у меня отмечено: «Тундровая растительность... В музее хорошо сохранившаяся часть скелета мамонта... одежда шамана... собачьи и оленьи упряжки...»

И только я хотел расспросить у старика, зачем в тундру, к оленям, поезд везти, как на мостик вышел наш капитан Степан Иванович, поискал глазами и крикнул негромко:

— Василий Васильевич! Можно вас на минутку?

— Есть! — откликнулся старик, поднялся и по-молодому взбежал по трапу.

Я остался один на палубе. Посмотрел направо: там, точно великаны, брели на ту сторону Енисея быки нового, не построенного еще моста. На той стороне толпились дома, корпуса заводов, трубы... Между ними, как журавли на болоте, похаживали строительные краны, поднимали что-то, что-то бережно опускали. С коромыслами на плечах гуськом шагали вдаль опоры электропередачи...

— Смотрите, как наш город растет! — сказал кто-то за спиной у меня.

Я обернулся. Оказалось, наш второй штурман, совсем еще молодой паренек, комсомолец.

— Смотрю,— согласился я.— А вы, случаем, не знаете, что за старик сейчас на мостик пошел?

— Ну как не знать! — сказал штурман.— Старик замечательный, один из старейших речников Енисея, можно считать, ветеран здешних мест, капитан Ильинский.

— А на «Чкалове» он что делает?

— И на «Чкалове» капитаном.

— А Степан Иванович?

— И Степан Иванович — капитан! — засмеялся штурман.— У нас, как в книжке, два капитана. Степан Иванович — просто капитан, а Василий Васильевич — капитан-наставник. Непонятно? Ну, я вам так объясню. Вот вы с нами идете в рейс. Можно считать, весь наш край увидите. Встретитесь и со строителями, и с шахтерами, и с рыбаками, и с пастухами... И обратите внимание: почти сплошь у нас молодежь. Можно считать, молодежный край. Мы здесь и работники, мы здесь и хозяева, мы здесь, можно считать, главная сила! А у стариков, у них знания, закалка... Вот и поправляют нас, когда нужно, наставляют на путь, если, бывает, собьемся.

— А не обидно молодым-то? Тому же Степану Ивановичу не обидно?

— Чего же обижаться? Я бы не обиделся, например. Рейс сложный... А у Ильинского опыт... Степан Иванович, можно считать, пешком под стол ходил, а Ильинский уже Нижнюю Тунгуску обратал. Трудная река: пороги, камни, мели... Быстрина сумасшедшая, а он еще в двадцать седьмом году до самой Туры провел туда баржу «Дудинка».

— Кстати,— перебил я,— вон те вагоны, говорят, в Дудинку везут?
— Ну и что?
— Просто так... А зачем туда поезд?
— Приедете,— улыбнулся штурман,— увидите, зачем... Много чего увидите... Простите, я на вахте.— И он, козырнув, заторопился на мостик.

КАПИТАНСКАЯ ПРИВЫЧКА

На другой день мы познакомились с Василием Васильевичем. Вот как это было.

С утра наш теплоход шел полным ходом. Красноярск давно остался позади, и мост остался, и порт... Какие-то поселки показались и пропали, какие-то заводы... Они все реже и реже проплывали вдоль бортов, потом их совсем не стало, и мы вышли на просторную дорогу.

Зелеными стенами стояла тайга по берегам. Зелеными пятнами распластались поросшие тальником острова, поймы зеленым ковром стелились у ног зеленых сопок... И оттого, что столько зеленого было вокруг, вода тоже казалась зеленой. Только небо было голубым и глубоким, и на нем огненным шаром, чуть раскачиваясь, висело горячее солнце.

Потом как-то вдруг, словно тучи набежали, выросли по берегам мрачные коричневые скалы — «щеки». Сошлись, с двух сторон обступили могучую реку, и Енисей заторопился, словно поскорее решил пробежать это невеселое место.

Так узко стало впереди, что двум кораблям уже и разойтись негде. И даже немножко страшно показалось: войдем так, с полного хода, а вдруг оттуда, снизу, караван? Что тогда? Ведь течение там сумасшедшее...

Но тут слева на берегу показалась сигнальная мачта. На ней две фигуры висели, качаясь и поворачиваясь на ветру. Сверху — красный конус, под ним — черный цилиндр; это значило, что путь нам закрыт и нужно ждать.

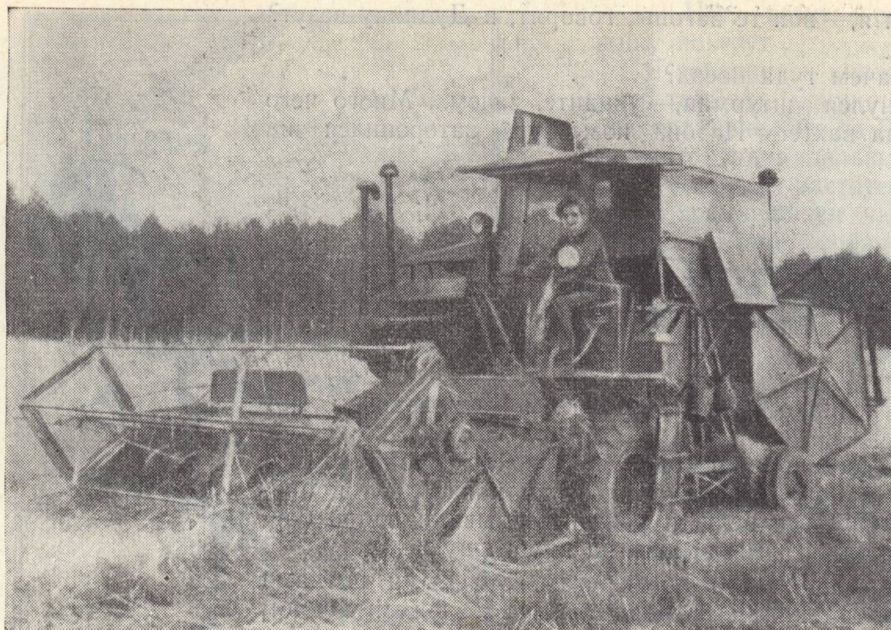
Теплоход заревел гудком и, пока еще было место, пошел на разворот. А эхо не повторило гудка, а подхватило его и стало швырять с берега на берег, и он долго еще метался между скалами, почти не утихая, как звук органной трубы.

Должно быть, на этот звук и вышел Василий Васильевич. Вышел, глянул кругом, прошел на корму и вскинул бинокль.

Впереди, как муравьи возле непомерно тяжелой ноши, суетились вокруг огромной, с верхом груженной баржи три крохотных катерочка. Перекликаясь тоненькими голосками, они так и этак подступались к барже. Иногда казалось, что не справиться им, что вот сейчас развернет баржу лагом, бросит поперек реки и заклинит, запрет эту узость.

Я с детства знал, что в тундре только и есть комары да мхи. Верно, и комаров там хватает и мхов немало, но там и люди живут и трудятся. Хорошие люди! И цветы там есть красивые...
На каждой пристани с букетами встречали нас и взрослые и ребята из заполярных сел, и каждая такая встреча и для них и для нас была праздником.

Передовой комбайнер колхоза «40 лет Октября», Енисейского района, Дмитрий Черепанов на самоходном комбайне.

ХЛЕ́БА, ЛЕ́СА,

вдоволь на Енисее. А ведь это только малая доля

Федор Платонович Лопаткин работает на Маклаковском лесозаводе. В свободное время он любит порыбачить и, как видите, небезуспешно. Но таким уловом никого не удивишь на Енисее: чего-чего, а рыбы в реке хватает!

РЫБЫ

богатств Красноярского края

Самый старший моряк на теплоходе капитан-наставник Василий Васильевич Ильинский, как хозяин гостю, показывает реку Вите Константинову. Но и Витя не новичок на Енисее, он вырос в Туруханске. Правда, он давно здесь не был. Витя учится в Нахимовском училище в Ленинграде, а сейчас едет в отпуск.

Но катерки одолели все же и течение и ветер, поставили баржу как нужно, потом два встали по бортам, точно под руки взяли ее, один уперся с кормы, и все втроем, весело посвистывая, дружно вывели из узости.

Мне показалось, что как-то по-особенному бьет вода из-под кормы одного из этих храбрых катерков. Я спросил Василия Васильевича, отчего это.

— Так ведь это же водомет,— сказал он.— У него ни винта, ни плиц — все равно как реактивный самолет. А тянет хорошо. По мелям лазить — лучше нет судна. Он когда один «корпусом» идет, хороший ход развивает.

— А откуда же здесь такие катерки? — спросил я.

— Как откуда? Наши, красноярские! Здесь придуманы, здесь и построены. А сейчас по всем рекам работают,— сказал Василий Васильевич.

Вот с этого и началась наша беседа, только пошла она не по тому фарватеру, в который я думал ее направить.

Мне хотелось как очевидца допросить Василия Васильевича о прошлом. Все-таки семьдесят с лишним лет человеку! На реке с незапамятных, можно сказать, времен, Амундсена и Нансена знал лично, встречал и провожал их здесь, на Енисее... Есть что вспомнить человеку!

А он все вперед забегал, все больше о том говорил, что здесь будет завтра, через десять лет, через пятьдесят... И говорил-то так, будто ему своими руками строить весь каскад гидростанций на Енисее. Будто ему самому ставить и домны на Ангаре и шинный завод в Красноярске. Будто вот сейчас сойдет на берег, возьмет электропилу и пойдет валить лес в тайге...

И потом всю дорогу, обгоняли мы караваны или встречали, все равно, если доводилось нам оказаться рядом, он каждый раз непременно говорил:

— Легковую машину везут. Чуете? Вон зеленая, под брезентом... А баржа-то вниз идет, за Полярный круг. Это понимать нужно. А еще десяток лет пройдет — по всему берегу проложим автомагистраль. Вот тогда приезжайте...

Или так:

— Посмотрите: баржонка с виду неважная, и груз невзрачный, а ему цены нет — графит! Сейчас вывозить его трудно. Ну, да научимся лет через пяток!.. Тогда развернем разработки.

Или так еще:

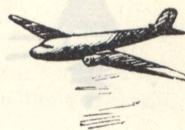
— Видите белую баржу? Это — горе наше, бензинка. Приходится жидкое топливо к нам завозить. Ну, да помяните мое слово, найдут

и у нас свою нефть! Край-то ведь еще и не исхожен толком. Быть этого не может, чтобы в таком краю да нефти не нашли!..

Вот так он о том, что будет, говорил, а я все тянул его в прошлое, к тому, что было. И наконец не выдержал Василий Васильевич:

— Ну, было! — сказал он почти сердито.— Мало ли что было! Дело прошлое! А коли вам интересно, я вам так скажу: при мне за всю навигацию по Енисею меньше грузов перевозили, чем теперь перевозят за сутки. Понятно вам? Вот что было. Так чего же об этом вспоминать?

Он помолчал, улыбнулся и сказал поласковее:

— Вы уж не обижайтесь: я больше полвека все вперед смотрю. Наше дело такое, капитанская привычка!

Тут по левому борту из-за поворота реки показался встречный буксир с «возом» — с баржами за кормой.

Василий Васильевич поднял бинокль, пробежал взглядом по баржам и сказал совсем уже мирно:

— Бывает, конечно, если так-то вот с «возом» идешь, другой раз и оглянешься... Ну, да мы-то, слава богу, «корпусом» — без «воза» — идем.

ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ

Как-то совсем незаметно въехали мы в край незаходящего солнца.

Первые ночи пути были по-летнему коротки, но это были настоящие ночи, с темными стенами берегов, с небом, усыпанным звездами, с разноцветными дорожками, бегущими по воде от бакенов и створных знаков.

Третья ночь пришла с опозданием. Но она пришла все-таки. Те, кто не спал в эту ночь, видели, как зашло солнце. Утром, перед его восходом, даже спутника видели: маленьким огненным мячиком он прокатился по краю неба и потерялся где-то в тайге.

А четвертая ночь так и не наступила. По времени давно пора было загораться и ходовым огням, и звездам, и бакенам. Но ни звезды, ни бакены не зажглись. На часах уже было утро. Солнце, большое и красное, спустилось совсем низко. Казалось, вот сейчас оно окунется в воду...

Но, должно быть, очень уж холодной была в то утро вода, солнце только коснулось ее самым краешком, съежилось от холода и пошло кверху.

И с тех пор на много дней мы забыли, что есть на свете темнота. Не видели огней на берегах и на реке, не видели звезд на небе. Думали, что и луну не увидим, но она в первую же светлую ночь поднялась из воды, круглая, почти прозрачная, как медуза, и медленно поплыла над горизонтом.

Не стало порядка на теплоходе. По ночам мы сидели друг у друга в гостях. До утра гуляли на палубе. Садились закусить и не знали, что это: завтрак или ужин? На часах — одиннадцать. А чего одиннадцать: утра или ночи? И спали кто когда, многие даже и не раздевались...

И все-таки это было очень хорошо, что стоял сплошной день. И на реке и на берегу все быстро менялось. И жаль было бы, если бы ночь отняла у нас то, что довелось увидеть.

Время спать как будто... «Спокойной ночи!» Разошлись по каютам. Если бы темно было, не решились бы больше беспокоить друг друга.

В поселке Воронцово мы побывали в доме Александры Ядне. Потом и она пришла к нам на «Чкалов». Вот она стоит вместе с колхозником Венеке Путана на палубе теплохода.

— ВИДИТЕ ЧУМ! —

говорит Александра Ядне, показывая на берег.

Сейчас не часто увидишь чум на берегах Енисея. А совсем недавно в таких жилищах и зимой и летом ютились ненцы, саха, нганасаны — коренные жители Таймыра.

А тут полчаса не прошло — стучат в дверь, а то и прямо в окно:

— Не спите?

— Нет, а что?

— Да ничего... Снег на берегу. Красиво!..

Выходишь. И правда красиво: на берегу в распадках у самой воды белые пятна снега. А вчера жарища была, и в ресторане за льдом стояла очередь...

Вот ко мне в окно постучали и сказали:

— Дудинка...

Я оделся. Вышел. Было свежо, но не холодно. Солнце ярко светило и грело немножко.

На берегах давно уже мы не видели леса. И здесь тоже где голые скалы, а больше трава вперемежку с цветами да низкие кустики вроде зеленых ежиков. Так на юге растет чай...

А впереди справа, точно молодой лесок, поднимались над берегом десятки портальных кранов. Там, отдуваясь паром, копер забивал сваи. Ярче солнца вспыхивали огоньки электросварки. У причалов и на рейде стояли баржи. Как жуки-водоплавы, ползали между ними кургузые рейдовые буксирчики — работяги «РБТ». И тут же, у самой воды, сердито покрикивая гудком, маневренный паровозик-старичок расталкивал по местам порожние платформы.

Мне вспомнилась оленья упряжка из путеводителя... Так я туда больше и не заглядывал с самого Красноярска. А теперь уже и заглядывать нечего: Дудинка-то на последней страничке...

Второй штурман с мостика заметил меня, улыбнулся и крикнул:

— Ну, поняли теперь, зачем поезда?

Улыбнулся и я в ответ, но промолчал. Увидеть-то я увидел, а зачем, еще не понял.

Потом мы поднялись по крутой деревянной лестнице и разбрелись по городу.

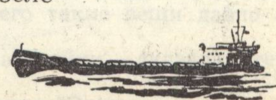
Интересный город! В других городах, когда строили их, заранее, наверное, думали: тут пройдет проспект, тут, на перекрестке, сделаем площадь. А когда Дудинка строилась и росла, все пришлось сделать так, как позволило место. А место неважное: тут крутой каменный лоб, тут овраг, тут болото и под ним вечная мерзлота. Вот и вышло, что улицы пришлось где пробивать в скале, где подмащивать на высоких столбах, где, как железную дорогу, вести по насыпи. И дома строились, как поудобнее да поскорее. И получилось, что один сюда смотрит, другой — туда, один на курьих ножках стоит над землей, другой закопался, и, чтобы войти в него, пришлось целую траншею прокапывать к двери.

В спешке строился город. Было тут когда-то село: церквушка, десятка два домиков. Отсюда в тундру уходили приказчики скупать у охотников пушнину. И вдруг сразу — порт, краны, причалы, склады, дорога... Тут не до красоты было, тут только бы успеть не сорвать, не задержать дело!

Сейчас в Дудинке взялись наводить порядок: спрямляют улицы, сносят лачуги, строят новые, четырехэтажные каменные дома. Это тоже нелегкое дело: на 14 метров вглубь, в мерзлоту, приходится класть фундаменты, а дома поднимать на высоких каменных сваях, иначе протает ледяная опора и провалится дом...

А красоту давно наводят сами жители заполярного порта. В редком окне не выращен маленький садик, редкий клочок земли не вскопан, не удобрен и не засажен. Давно ли лежал тут снег, а уже зеленые ростки тянутся к солнцу, и к осени, говорят, поспеет и капуста, и репа, и картошка...

Хорошо, что солнце тут не заходит почти все лето — работа идет день и ночь. И не хочется верить, что будет зима. Но

вон тянется с электростанции паровая труба. Посмотришь на нее, и мороз пробегает по спине: на ней толстая шуба из войлока, опилок, тряпок и гипса. Уж если труба так кутается, как же людям приходится кутаться, когда завьюжит, когда месяцами не будет солнца, когда мороз по-хозяйски разгуляется тут над тундрой, над рекой, над крышами?..

Удивительный город! В речном порту на высоком берегу стоит здание. Один угол у него словно мыши отгрызли. Мы спросили, что за беда.

— Льдом маленько царапнуло,— сказал нам начальник порта. А здание стоит высоко, семнадцать метров над рекой! Вот и попробуй оставь что-нибудь на берегу! Все нужно поднять, убрать, перегрузить до ледохода... А грузов — море! Котлы, какие-то машины-тяжеловесы, новые автомобили, станки, рельсы, балки, лес, тракторы...

— Зачем вам все это?

— Нам? Нам совсем не нужно,— засмеялся начальник порта.— Нам от этого одни хлопоты. Это все хозяйское.

— А хозяин кто?

— Хозяин — Норильск. Слышали, наверное?

Мы, конечно, слышали уже про Норильск — столицу Таймырского полуострова. Там будто бы асфальт на улицах и в школах цветники, там будто бы купаются в озере, там будто бы стоят заводы не меньше, чем в Донбассе, и многоэтажные дома. Мы столько слышали про этот город, что нам уже сказками стали казаться эти рассказы.

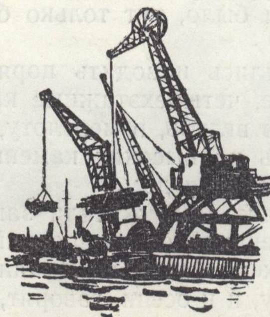
А теперь, когда мы своими глазами увидели не Норильск еще, а только норильские грузы, нам как-то реальнее представился этот город: и вправду большой должен быть городище, если столько всего туда нужно. И понятно стало, зачем сюда, в Дудинку, рекой везут поезда.

— И все через вас идет?

— Большая часть через нас. Мы, так сказать, норильские городские ворота. Но есть и еще калиточка,— засмеялся начальник порта.— Вон, видите, наш конкурент! — И он показал в небо, где, урча мотором, плыл над берегом тяжелый самолет...

Мы долго еще бродили по Дудинке. Были в школе колхозных кадров. Были на стройке. Побывали на электростанции. Даже в кино успели побывать. А мамонта и шамана мы так и не видели.

В полночь мы приехали на вокзал. Ярко светило солнце. Поезд отошел точно по расписанию. Шесть часов спустя мы уже были в Норильске. А о том, что мы там увидели, я расскажу в следующем номере «Пионера».

Теория относительности

Л. КОКИН

Рисунки Е. Ведерникова.

1

Кому нужен будильник, если его звоночек все равно не в состоянии разбудить и каждое утро с постели тебя поднимает бабушка, которая просыпается безо всякого будильника, потому что старики вообще спят мало? А когда единственный раз в жизни необходимо встать самому, и заводишь будильник на пять утра, и всю ночь, как дурак, прислушиваешься,— он не звонит. А утром оказывается, что бабушка перед ском надавила кнопочку, чтобы звонок не потревожил новосибирскую тетю Клашу, и ты не можешь даже громко возмутиться, потому что тетя Клаша спит посреди комнаты на раскладушке, хотя на ее часах уже без десяти одиннадцать.

А если разобраться, в том, что ты проспал, виновата как раз она, тетя Клаша.

Она приехала вчера под вечер и, ввалившись в дверь, прогудела:

— Ну и ну, от аэродрома до вас дальше, чем от нас до Москвы!

— Бабушки нету,— сообщил ей Юлик,— и мамы тоже.

— Ты меня не узнал? — удивилась она.— Я твоя новосибирская тетя.

— Я узнал, — сказал Юлик, — вы тетя Клаша. Раздевайтесь, пожалуйста, но бабушки и мамы нету дома.

— Не больно-то ты любезен, братец,— сказала тетя Клаша, снимая пальто.

Конечно, Юлик сразу узнал ее. Он прекрасно знал ее низкий голос по телефону, и лицо — по фотографиям, и почерк — по письмам, в которых частенько встречались непонятные слова. На вопросы, что они означают, мама отвечала: «У нас в Сибири так говорят».

По бабушкиным и маминым рассказам Сибирь казалась Юлику краем суровым, диковатым и таинственным. Еженедельные телефонные переговоры с тетей Клашей не нарушали этого представления, а, наоборот, укрепляли его, потому что по голосу тетю Клашу легко было принять за капитана ледокола или укротительницу медведей. И так странно было слышать от мамы это «у нас в Сибири»! Юлик всю жизнь прожил в Москве, а мама уехала из Сибири еще до его рождения, когда ей исполнилось восемнадцать лет.

Бабушкиного мужа, дедушку Петра, сослал в Сибирь царь. И бабушка, хоть и не княгиня, как «Русские женщины» Некрасова, поехала вместе с ним. Дедушка Петр был врач. В Сибири он лечил ссыльных и местных жителей: ненцев, которых тогда называли самоедами, хотя никто из них сам себя не ел, и эвенков, которых называли тунгусами. После революции дедушка Петр разъезжал на лошадях и оленях по тайге и тундре и умер на полуострове Ямал. Юлик никогда не видел дедушку, и даже мама плохо помнила его, но бабушка помнила и любила рассказывать, какой он был честный, прямой и справедливый. Юлик догадывался, что бабушке хочется, чтобы Юлик вырос похожим на дедушку, но сам Юлик был твердо убежден, что второго такого человека, как дедушка Петр, быть не может, и уж, конечно, Юлику никогда не стать таким человеком, о котором через тридцать лет после смерти будут помнить в Сибири. Разве дедушка Петр мог не сдержать слова и проспать из-за того только, что бабушка выключила будильник?

Умывшись с дороги, тетя Клаша открыла свой маленький чемоданчик и сказала:

— Тебе привет от Пети.

— Спасибо,— сказал Юлик.

Петя — сын тети Клаши. Он почти ровесник Юлику и тоже внук дедушки Петра. Петей в память дедушки назвали его, а не Юлика, потому что он родился на год раньше. Юлик никогда не виделся с ним, и писем они друг другу не пишут и даже по телефону не разговаривают, но мама всегда передает через тетю Клашу привет Пете от Юлика, хотя никто ее об этом не просит, а Петя передает привет Юлику.

— Ты уже совсем взрослый, ты не обидишься,— сказала тетя Клаша.— Уходя сегодня в школу, Петя просил передать тебе вот это.

И она протянула Юлику игрушечный автомобильчик. Юлик действительно не обиделся, а только от удивления онемел. Может, это у них в Сибири до седьмого класса забавляются детскими игрушками, лично его такие вещи давно не интересуют.

— А вот запасные батарейки,— сказала тетя Клаша.

— Зачем еще? — буркнул Юлик.

— Да ты пусти его, нажми вот здесь! — показала она.— Он ведь не обычный, а Петин.

Юлик нажал, куда она показывала, и автомобильчик покатился по полу, забавно объезжая ножки стульев и отворачивая от стен.

— Петя-то — изобретатель,— объяснила тетя Клаша, — моторчик поставил и фотоэлемент.

Потом пришли бабушка и мама, и начались объятия, и поцелуи, и охи, и ахи, и бабушка с мамой наперебой рассказывали про себя и про Юлика, а тетя Клаша — про Петю и Петиного папу, дядю Сережу, и про то, что они все теперь на самом деле близкие родственники, потому что от Новосибирска до Москвы стало ненамного дальше, чем от аэродрома до дому.

— Я ведь на «ТУ-104»! — Она присвистнула и, по-боксерски согнув руку в локте, только не сжав кулак, двинула ее под нос маме.

— Ты, Клаша, все такая же,— отшатнувшись, ласково сказала мама.

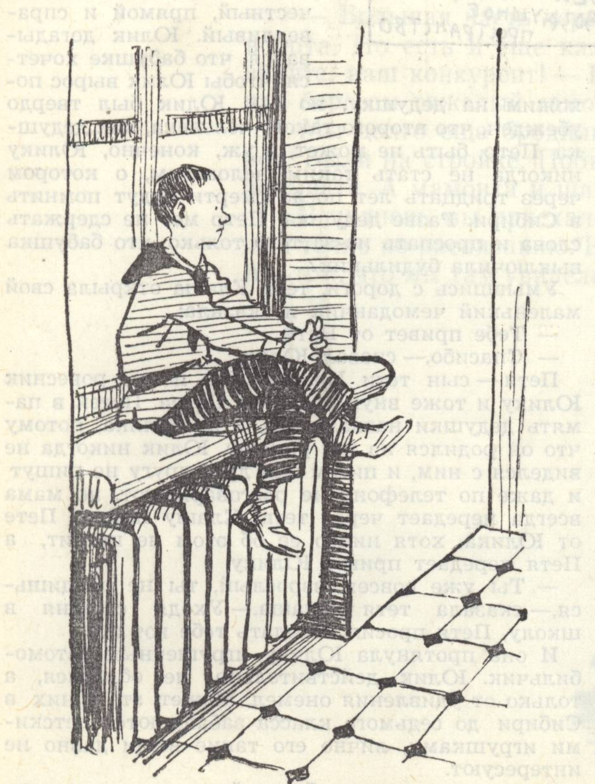
Бабушка накрыла на стол.

— Как хотите, но это все-таки поразительно! — восклицала тетя Клаша.— Завтракать в Новосибирске, обедать в Москве!

Потом пили чай, и она рассказывала, что солнце, как приклеенное, стояло всю дорогу на одном месте, потому что (тут она посмотрела на Юлика), потому что летели почти со скоростью вращения Земли.

— Понятно, Ежик? — спросила она его.

Но он слушал и молчал, и только когда тетя

Юлик уселся на подоконник и задумался.

Клаша сказала, что самолет шел на высоте десяти тысяч метров, спросил, волнуясь:

— А спутника видели?

— Не видели спутника,— огорчилась тетя Клаша.

— Жалко!

Вдруг она посмотрела на часы:

— Ну и ну! Время-то третий час... по-нашему!

— А ты переведи, переведи стрелки-то, сибирячка! — посоветовала бабушка.

— Завтра,— обещала тетя Клаша.

И все поднялись, а Юлик принялся расставлять для тети Клаши раскладушку, завел будильник на пять часов и лег.

Ему приснились залитые неподвижным солнцем нижние слои атмосферы, реактивные самолеты с горящими, как кошачьи глаза, фотоэлементами в крыльях.

— А вот запасные батарейки,— раздавался в эфире тети Клашин голос.— Привет тебе от спутника!

И он уже не слышал, как тетя Клаша легла и как вошла бабушка и выключила будильник.

2

На первом же уроке Юлику передали записку— вырванный из тетрадки листок, на котором нарисован человечек с крохотным тельцем и огромной головой. Без сомнения, карикатура изображала Юлика, потому что именно его дразнили головастиком. Глаза у головы были плотно закрыты, а череп вскрыт, и место, где полагалось бы находиться волосам, занял аккуратно вычерченный овал с маленьким кружочком на одной стороне. Подпись гласила: «Новый проект запуска спутника в безвоздушное пространство».

Юлик моментально определил, чья это работа. Он метнул пронзительный взгляд на Витьку Акимушкина и на Майку, но тут же их обоих заслонил живот математика Филиппа Семеновича по прозванию «Аксиома».

— Что у тебя в руке, Гаев? — спросил Аксиома.

— Как что? Карандаш! — удивился Юлик, вставая и лихорадочно сминая карикатуру.

— А там?

Юлик не успел запихнуть бумажку в рукав.

— Ничего,— сказал он.

— Дай сюда записочку!

Юлик не пошевельнулся. Скорей он проглотит карикатуру, чем отдаст.

Класс затих в ожидании.

— Выйди из класса! — приказал Аксиома.

В уборной Юлик уселся на подоконник и задумался. Сибирский Петька поставил на машину фотоэлемент, электрический глаз-автомат. Узнать бы, как он устроен. Надо спросить у Юриста: Юрист все знает. А интересно, у них в классе еще чья-нибудь тетя летала на «ТУ-104»? Если вылететь из Новосибирска в полдень и лететь со скоростью вращения Земли, в Москву прилетишь тоже в полдень. Выходит, время остановится? Разве может быть, чтобы время остановилось?

Но тут в уборную явился Витька Акимушкин собственной персоной. Значит, Аксиома и его не пощадил.

— А, ты здесь? — неизвестно зачем спросил он.

Юлик спрыгнул на пол и, как Витька, засунул руки в карманы.

— А что, нельзя?

— Досыпаешь?
— А тебе что?
— Да мне ничего... Соня!
— Что ты сказал? — угрожающе переспросил Юлик.
— Да ничего.
— Нет, ты повтори! — наступал Юлик на Витьку, которому был чуть повыше плеча.
— И повторю!
— Повтори!
— Соня!
— А ты, ты...— Юлик подбирал словечко пообидней. — Ты художник от слова «худо»! — И вдруг совсем по-другому спросил: — А вы... видели?

Поняв, о чем речь, Витька независимо плюнул в угол.

— Факт, видели!

Этого уже Юлик не мог перенести. Витька с Майкой видели, а он не видел! Он рванул руки из карманов и, согнув правую, как вчера тетя Клаша, приготовился двинуть Витьку под ребра, но... зазвенел звонок. Надо было бежать извиняться перед Аксиомой.

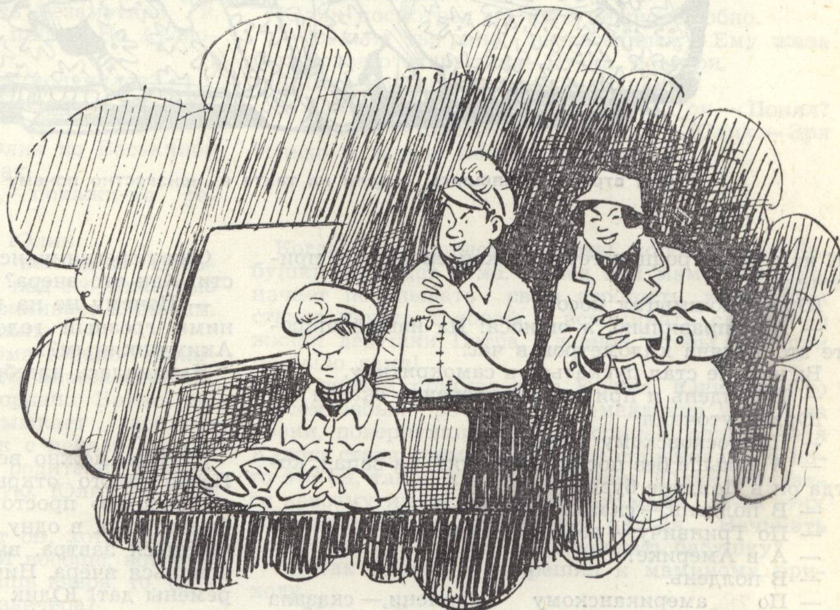
В начале второго урока Майка подняла руку, и Юлик сразу догадался, что она скажет.

— Валентина Прокофьевна,— сказала Майка,— а мы ходили смотреть спутника!

Валентину Прокофьевну, учительницу географии, Майкины слова не удивили, хотя к заданному уроку не имели никакого отношения. Она всегда выслушивала ребят, и ребята любили ее, и Юлик любил. Правда, на саму географию эта любовь распространилась только недавно. Но теперь Юлик часами просиживал над атласом, отыскивая на картах Веллингтон, Гонолулу, Корал-Харбор... Сообщение о движении спутника он мог повторить наизусть: Веллингтон — ноль семь часов двадцать девять минут, Гонолулу — ноль семь сорок семь, Могадор — ноль восемь семнадцать, Морсби, Форталеза, Онслоу, Токио, Шелтон, Пуэрто-Десеадо... Эти странные слова укладывались в голове сами, Юлик вовсе не старался их запомнить. Оставалось только мечтать, чтобы с теоремами и стихотворениями когда-нибудь произошло что-либо подобное.

— Спутника? — переспросила Майку Валентина Прокофьевна.— Расскажи, пожалуйста, очень интересно!

До сих пор это была их тайна. Втроем договорились они идти смотреть на спутника: Майка, Юлик и Витька Акимушкин. И предложил идти Юлик. А теперь выходит: Майка с Витькой видели, а он, Юлик, вместе со всем классом последним узнает об этом. Где же справедливость?! Глотая злые слезы, Юлик слушал, как Майка с Витькой вышли на середину Садовой, чтобы дома не загораживали им небо, как много было там народу, несмотря на ранний час, и как даже милиционер стоял, задрав голову. И все смотрели в бинокли, один Витька не смотрел, а Майка смотрела, но только у нее бинокль совсем маленький, театральный, перламутровый такой. А один дяденька вынес даже медную, зеленоватую от старости подзорную трубу. Потом он дал посмотреть в нее Майке, и она отчетливо разглядела бахрому на абажуре в окне шестого этажа. Прямо каждую бахроминку, и даже как она свита! Этот дяденька в свою трубу увидел спутника. Он заорал на всю Садовую: «Вижу! Вижу!»,— так что милиционер уже хотел свистнуть за нарушение порядка в ранний час, но раздумал, потому что ему тоже хотелось увидеть, а он не видел, и Майка в свой театральный биноклик не видела, и Витька, и даже кто смотрел в полевые бинокли, тоже не видели. Потому что, сказала Майка, им мешала облачность и временами — небольшие осадки. Так что, сказала Майка, следующий раз надо идти в Планетарий и смотреть там всем классом в телескоп, а не делать каких-то тайн. Тем более, добавила Майка, все равно Гаев проспал.

— Это я, твоя новосибирская тетя,— слышит Юлик робкий голос в ответ.

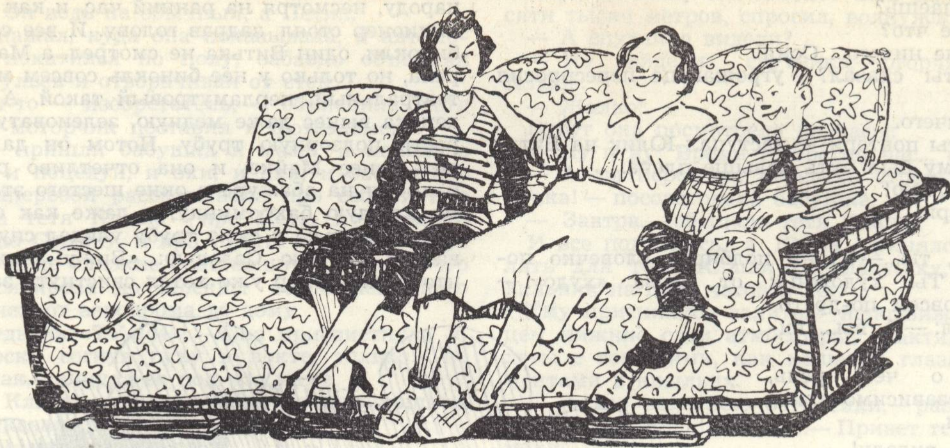
Но Юлик уже не злился. Когда он понял, что зеленая труба и абажур в окне — это все, что видела Майка, он сразу успокоился, и простил карикатуру, и даже пожалел Майку с Витькой, что они половину ночи зря толклись на Садовой.

На переменке он подошел к Витьке и сказал как ни в чем не бывало:

— А ну-ка, Акимушкин, реши задачку: если самолет вылетел из Новосибирска в полдень со скоростью вращения Земли, когда он в Москву прилетит?

Но Витька усомнился:

— А такие бывают самолеты?
— Реактивный, «ТУ-104»!
— Он не может! — в один голос с Витькой заявил Фимка Юрист и принялся объяснять, почему.
— Как это не может? — возмутился Юлик.—

Они втроем, обнявшись, сидели на тахте и неизвестно почему умирали со смеху.

К нам вчера родная тетя с такой скоростью прилетела!

Юрист пошмыгал носом.

— Ага, правильно, я ошибся! На нашей широте это тысяча километров в час.

Витька не стал пускаться в самокритику.

— В полдень и прилетит,— уверенно сказал он.

Юрист уточнил:

— По московскому времени.

— А дальше без посадки полетит на запад, когда он в Лондоне будет?

— В полдень,— сказал Витька.

— По Гринвичу,— добавил Юрист.

— А в Америке?

— В полдень.

— По американскому времени,— сказала Майка.

Но Юлик не унимался:

— А кругосветный совершит, когда он в Новосибирск вернется?

— В полдень,— твердил Витька,— как повсюду.

— Правильно! — быстро сказал Юлик.— В тот же день?

— Да-а...

Но как же тогда провожать и встречать?!

Витька поскреб затылок:

— Действительно, как?

— Получается, одновременно,— развел руками Юлик.

— По-твоему, самолет вернется в момент собственного вылета? — поразился Витька.

— Но время не может остановиться! — твердо сказал Юрист.

— В том-то и дело,— волновался Юлик,— в том-то и дело!

Юрист нахмурился, опять шмыгнул носом.

— Все очень просто,— наконец заявил он.— Это будет в полдень завтрашнего дня! Про линию перемены дат забыли?

Майка фыркнула:

— Не они первые! Из-за этой линии Магеллан тоже потерял день.

Еще чуть, и Юлик оттаскал бы ее за косы. Девчонкам вечно все смешно! Ну, забыли, подумаешь!.. Но тут новая мысль осенила его.

— Значит,— он даже зашептал от неожиданности,— значит, если полететь в обратную сторону, прилетишь... вчера?!

Они переглянулись между собой в растерянности. Как это вчера?

— Почему не на местах? — вдруг раздался над ними грозный голос Аксиомы.— Опять Гаев с Акимушкиным?!

Начиналась алгебра.

3

Неужто можно вернуться во вчерашний день? После такого открытия заниматься сложением «а плюс бэ» просто невыносимо. А что такого? Очень ясно: в одну сторону вылетаешь — возвращаешься завтра, вылетаешь в другую — возвращаешься вчера. Ничего не поделаешь, линия перемены дат! Юлик не Магеллан, он знает про ее существование. А что бы он делал, вернувшись вчера? Во-первых, конечно, проследил, чтобы бабушка не выключила будильник. Уж он бы разглядел спутника без всякой подзорной трубы, не то что Витька с Майкой! А во-вторых, он непременно поехал бы на аэродром встречать тетю Клашу. Во что бы то ни стало пробрался в самолет. Еще никогда в жизни он не был внутри самолета. Счастливая тетя Клаша, она, наверное, и в пилотскую кабину заглядывала! Юлик представил себя в пилотской кабине. Упершись ногами в перекладину, откинулся назад и, как штурвал, сжал руками крышку парты. «Р-р-р-р»,— ревут реактивные двигатели. Поворот штурвала, и могучая машина плавно разбегается по бетонной дорожке. Вот она уже в воздухе. «Отличный взлет!» — доносится в мегафон восхищенный возглас с земли. Прощальный круг над аэродромом, и самолет ложится на курс. Вдруг из пассажирского салона отворяется дверь. «Вы что, не знаете? — говорит Юлик, не оборачиваясь.— Посторонним вход категорически воспрещен!» «Это я, Юлик, твоя новосибирская тетя!» — слышит он робкий голос в ответ. Оборачивается и видит тетю Клашу. «Прости меня, Юлик,— говорит она,— если можешь оставить штурвал, выйди на минутку. С тобой мечтает познакомиться Петя...» «Петя? — говорит Юлик.— А-а, Петя, мой двоюродный брат и изобретатель! Ну что ж, сейчас выйду!» Он передает управление сидящему рядом второму пилоту. Но при чем тут Васька Будулев?.. Скосив глаза, Юлик за-

глядывает к Ваське в тетрадку: «Три а плюс два бэ минус а равняется...». Бедный Васька, сопит над примером и не подозревает, какое открытие совершается возле него!

Но тут сомнение охватывает Юлика. Ведь если, вылетев сегодня, прилетишь вчера, то, сделав вокруг Земли еще оборот, прилетишь, пожалуй, позавчера? Это уже чересчур! Посоветоваться бы с Юристом... Юлик поднимает голову и холодеет.

Пунцовый Юрист стоит перед Аксиомой с географическим атласом в руках. Еще один атлас держит сам Аксиома, а возле своей парты вытянулся, как мачта, Витька Акимушкин. Увлекшись, Юлик ничего не слыхал. Теперь он пригибается к парте, чтобы стать незаметней, и, схватив ручку, делает вид, что пишет. Но Аксиома уже обращается к нему:

— А у тебя, Гаев, какой ответ получился?

Юлик пихает в бок соседа Ваську, и тот отодвигает локоть.

— Два а плюс б,— читает Юлик по Васькиной тетрадке.— А плюс бэ в скобках.

— Верно,— говорит Аксиома,— покажи-ка решение!

— Я в уме,— быстро говорит Юлик.

Аксиома мерит его долгим взглядом. Неподвижный взгляд давит Юлика, под его тяжестью становится невмоготу, кровь приливает к щекам.

— Марш к завучу, бездельники!

Ничего, придет время, Аксиома горько пожалеет об этом... Юлик выходит из класса первым, с поднятой головой. Как Джордано Бруно. За ним верный друг Витька. Замыкает шествие убитый горем Юрист, отличник с первой парты.

От завуча добра не жди. Без родителей в школу не пустит. Юркнув в уборную, Юлик стукает Юриста между лопатками.

— Веселей, Фимка! — говорит он, хотя самому ему вовсе не так уж весело.— И вообще, вот что. Если, вылетев сегодня, прилетишь вчера, то, сделав еще оборот, прилетишь позавчера?

— Чего, чего?

— А вот чего. Вылетаю из Новосибирска в полдень. Лечу на восток. Со скоростью вращения Земли. В Беринговом море, на линии перемены дат, попадаю во вчерашний день... Потом еще круг, ясно?

Юрист пошмыгал носом.

— Не выйдет,— после короткого раздумья решил он.

— Это почему же?

— Потому что время не останавливается...

— Это еще доказать надо! — хорохорился Юлик.— Нет, ты докажи!

Атлас им был ни к чему, они уже знали карту наизусть. Подышав на оконное стекло, Юлик пальцем обозначил Новосибирск.

— Вылетаю в полдень,— сказал он.— Лечу на восток. Через десять часов попадаю во вчерашний день. В десять вечера вчерашнего дня. Ночью пролетаю Америку, утром попадаю в Европу... Но это будет уже сегодняшнее утро! — перебил он сам себя.— Значит, вернусь я все-таки в полдень сегодня, а не вчера?.. Но как же тогда провожать и встречать?! — Юлик окончательно запутался.

Витька молчал.

Теперь Юрист не спеша подышал на стекло и ткнул в него пальцем. Слова у него медленные, тягучие:

— Вылетаешь в полдень... Летишь на восток... Час проходит, два... Через три часа пролетаешь над местами, где шесть часов вечера, через шесть часов — над Беринговым морем. Здесь уже полночь. В Новосибирске только темнеет, а здесь уже наступает завтра.— И вдруг хлопнул себя по лбу.— А за линией перемены дат — сегодня. Сегодня, а не вчера. И после двенадцати часов полета — над Америкой у тебя будет снова полдень. А еще через шесть часов — над Атлантикой — снова полночь... И завтра в полдень ты вернешься в свой Новосибирск. Завтра! Понял? Время не останавливается. Просто за двадцать четыре часа полета у тебя два раза будет полдень и два раза полночь. Понял?! — И Юрист радостно засмеялся.

Юлик посмотрел на него недружелюбно.

— Больно ты рано развеселился.— Ему жаль было своего открытия.— Ну-ка, повтори.

Фимка повторил с удовольствием.

— Понял? — без конца спрашивал он.— Понял?

— Понял,— горестно вздохнул Юлик.— Зря только к завучу попали, ни за что.

4

Когда мама придет с работы, хорошо, если бабушки не будет дома. Перед ней мама, конечно, начнет показывать свою строгость, а бабушка станет качать головой и вспоминать случаи из жизни дедушки Петра. Главное, чтобы бабушки не было дома!

Но первой пришла тетя Клаша. Юлик как-то совсем забыл про нее. Он немедленно уселся за уроки, повернувшись к ней спиной, однако тетя Клаша стала тормошить его и спрашивать, в кого это он, такой хмурый ребенок. Юлик оставался невозмутимым. Скоро придет мама. Из-за этих родственников и поговорить нельзя... Начинать при тетке или лучше уж подождать бабушку?

Он так ничего и не решил к маминому приходу.

— Мама,— заявил он напрямик,— тебя вызывает завуч.

И он рассказал все, как было.

— Это — форменное безобразие! — рассердилась мама.— Попросить прощения и снова набедокурить! Чтобы по два раза в день выгоняли из класса! Вырастила я хулигана!

А тетя Клаша вдруг откинулась на тахту и засмеялась. Юлик вздрогнул от неожиданности, когда она засмеялась. Слушая маму, он внимательно рассматривал носки своих ботинок. Носки ободрались, и казалось, кожа на них шелушится. Было ясно, что мама успокоится не скоро. Но что тетя Клаша нашла здесь смешного, понять было трудно. Мама даже умолкла. А тетя Клаша не просто смеялась, она каталась по тахте от хохота. Юлик посмотрел на нее, и ему тоже стало ужасно смешно. Секунду он крепился, а потом не выдержал и повалился на тахту рядом с тетей Клашей. Мама смотрела на них, как на сумасшедших, но вдруг всплеснула руками и засмеялась вместе с ними.

Так они все втроем, обнявшись, сидели на тахте и неизвестно почему умирали со смеху. То есть маму рассмешили они с тетей Клашей, Юлика рассмешила тетя Клаша, но с чего вдруг закатилась она, Юлик не мог уразуметь, и ему сделалось даже чуточку не по себе оттого, что они вот так сидят и смеются втроем безо всякой причины, словно их щекочут.

Наконец, тетя Клаша утерла платочком слезы и села.

— Ну, Ломоносов-Лавуазье,— обратилась она к Юлику,— не удалось тебе удивить человечество? — И, напоследок всхлипнув, уже совсем серьезно сказала: — А ведь время все-таки можно перехитрить. Есть такая теория относительности, не слыхал?

Пятьдесят лет назад Эйнштейн («И о таком не слыхал?» — покачала тетя Клаша головой), Альберт Эйнштейн математически установил, что при гигантских, близких к скорости света скоростях время существенно замедляется. Он доказал это с помощью выкладок и формул, но даже ученые не сразу разобрались в них. Только недавно физики (тетя Клаша сказала: «Мы, физики») экспериментально подтвердили эту зависимость.

Из космоса врываются в земную атмосферу мельчайшие частицы, сталкиваются с атомными ядрами и выбивают из них вторичные частицы — мезоны. Мгновение — две миллионных доли секунды — существует мезон, но несется со скоростью света...

Мама, сидя на тахте, внимательно слушала, и Юлик подумал, что благодаря тете Клаше гроза миновала. «Мезон,— повторил он про себя,— мезон».

— Какой же путь успевает мезон пройти? — спросила тетя Клаша. И сама ответила: — Помножим время на скорость. Две миллионных на триста тысяч. Сколько получится?

— Шесть,— поразмыслив, сказал Юлик.— Наверно, шесть. Или шестьдесят.

— Шестьсот,— сказала тетя Клаша.— Эх ты, Ежик! Шестьсот метров, казалось бы, должен пролететь мезон, а на самом деле пролетает тридцать километров. И не потому, что мы с тобой считать не умеем, а потому, что при такой скорости время течет медленно-медленно. То, что для нас минута, для мезона только секунда.

Юлик неуверенно кивнул. Славная тетя Клаша! То, что для нас минута, для мезона секунда! Если бы было наоборот, хорошо было бы учиться на мезоне! Сорок пять секунд — урок, сорок пять секунд — урок...

Назавтра по пути в школу мама говорила ему:

— Конечно, тетя Клаша — научный сотрудник, но все-таки я не вижу ничего смешного в том, что ты плохо, очень плохо ведешь себя на уроках. И хотя я, возможно, меньше тети Клаши разбираюсь, а только без алгебры-геометрии не вывел бы этот самый ученый теории...— Мама вздохнула, помолчала и через несколько шагов добавила:— Относительности.

В этот день на алгебре Юлик старательно решал примеры и за весь урок не проронил словечка. Только в самом конце, когда начали закреплять материал, он поднял руку.

— Тебе что? — спросил Аксиома.

— Филипп Семенович,— сказал Юлик,— а что такое теория относительности?

Но Филипп Семенович и бровью не повел.

— Садись,— сказал он,— и не задавай вопросов, не относящихся к уроку!

На переменке ребята кинулись к Юлику.

— О чем это ты его спросил? Какая теория?

— Теория? Относительности,— небрежно отвечал Юлик.— Доказывает, что течение времени зависит от скорости.— И он повторил услышанное от тети Клаши.

И Витька Акимушкин, и Фимка Юрист слушали его, и Майка, слушая, сплетала и расплетала кончик косы и смотрела на него благосклонно.

— Это здорово! — сказала она.— При такой скорости я буду всю жизнь молодая!

КАНУН ПРАЗДНИКА.

А. Пахомов

В ШКОЛУ. А. Макаров

Рисунки А. Ливанова.

В САМОЛЕТЕ

Каюм ТАНГРЫКУЛИЕВ

Взревел самолет,
Оторвался —
И вот
Над Ашхабадом
В небе плывет.

Маленький мальчик
Прижался
К окошку.
Думает мальчик,
Что все понарошку:
Куда-то пропали
Большие дома,
Деревья
И мачты
На склоне холма.

А выросло много
Домов-невеличек,
Точно игрушечный
Город из спичек.

По крохотным улицам
Стайкой мышиной
Куда-то спешат
Заводные
Машины...

Мальчик
В окно самолета
Глядит.
Маленький мальчик
На папу сердит.

— Папа! — кричит он.—
Куда я лечу?
К этим игрушкам
Спуститься хочу!

Перевел с туркменского **Я. Аким.**

ЗАБЫВЧИВЫЙ

М. АЛИМБАЕВ

— Почему ты пальто свое не почистил?
— Мама, я позабыл.
— Почему не собрал ты краски и кисти?
— Мама, я позабыл.
— Почему не кормил ты сегодня собаку?
— Мама, я позабыл.
— Почему ты полез на улице в драку?
— Мама, я позабыл.
— Почему ты не вымыл свои галоши?
— Мама, я позабыл.
— Почему вообще ты такой нехороший?
— Мама, я позабыл.
— От тебя не дождешься другого ответа!
— Мама, а ты принесла мне конфету?
— Вот как,
Ты про нее не забыл?

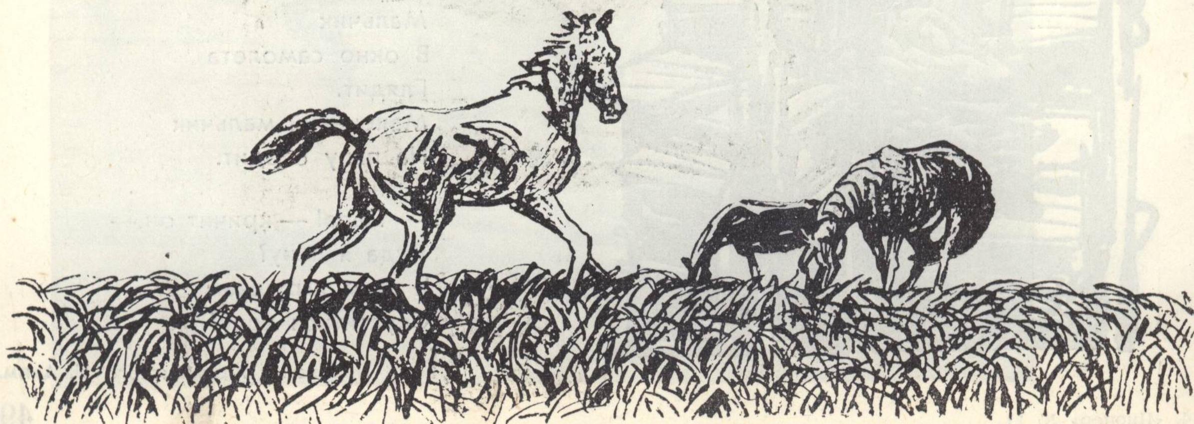
Перевел с казахского **А. Янов.**

ЖЕРЕБЕНОК

С. БЕГАЛИН

Ушки его — тростниковые стебли,
как перья филина, челка пушиста.
Он ни минуты не может медлить,
торопится все, озорной и быстрый.
Он очень устал и покрыт уже пылью,
но летит он
как будто на крыльях.
Куда же летит жеребенок крылатый
так, что колечками грива вьется,
да хвостик штыком,
да травы примяты,
да весело ветер вдогонку смеется?

Он просто играет, он мал еще очень,
и так ему нравятся зелень, и ветер,
и травы, и солнце,
и все на свете,
что день ему кажется
часа короче.
Откуда он взялся, такой хороший,
такой белоногий и светлокожий?
Может, он вышел из глади озерной,
может, принес ветерок его горный,
может, из пара и капель он соткан,
этот малыш, большелобый и кроткий?

Может, из глуби прозрачной колодцев,
может, из лютиков, желтых, как солнце?
Ты видишь, на влажных лугах видны
колхозные гордые скакуны?
Вон среди них кобылица степная,
красивая,
сразу ее узнаешь.
Уши ее — тростниковые стебли,
как перья филина, челка пушиста,
шею она выгибает, как лебедь,
кожей поблескивает шелковистой...
Похож на нее жеребенок хороший,
белоногий и светлокожий?
Похожи они, как две капли росы.
Конечно!
Ведь он ее маленький сын.

Перевел с казахского А. Янов.

НЕЖЕНКА

Ильяс МУСЛИМ

Тень Назыма еле зрима,
Тощ и бледен сам Назым...
Где Назым, где тень Назыма,
Мы никак не отличим.
Кот идет, летит ли птица,
Назымджан всего боится.
Если молния сверкнет,
Парня прошибает пот.
Хочется ему напиться, —
Он боится простудиться.
Яблок в рот он не берет,
Чтоб не заболел живот.
Где ребята?
Все на речке!
Где Назым?
Сидит у печки;
Не пойдет он никуда:
Ведь у речки
Не у печки —
Там холодная вода.
Все куда уходят?
В лес!
А Назым?
В кровать залез.
Лес, известно, не кровать:
Могут волки разорвать!
Зла на мальчика природа,
Щек не красит цветом алым.
Он худеет год от года.
Что нам делать с этим малым?
Любит он лежать в постели,
Двигается еле-еле.
«У меня, — кричит он, — в теле
Даже вены поржавели!»
Всем напомнить не мешает,
Есть пословица у нас:
«Сук скорее попадает
В слишком бережный глаз».

Перевел с узбекского Н. Гребнев.

В. ПАРИНИ,
кандидат химических наук

ЧУДЕСНЫЕ ЗЕРНА

Люди идут по пескам. Позади остаются неглубокие ямки-следы, впереди, до горизонта, невысокие холмы желто-серого песка. Ни деревца, ни кустика, ни клочка тени... В побелевшем, как будто вылинявшем от зноя небе повисло огромное солнце.

Как долог день! Уходят часы, а солнце все стоит над головой, и кажется, что оно неподвижно.

Люди идут молча, с трудом передвигая ноги. До ближайшего колодца еще двадцать пять километров. Двадцать пять километров по пескам — это целый день, долгий день!

Порывами налетает сухой ветер, обжигает лицо горячей пылью, от его дыхания трескаются губы и краснеют глаза. Но люди идут. Они знают: впереди колодец, вода...

Наконец добрались до колодца. Глубокий, огороженный сухими ветками; где-то в глубине его едва виднеется вода.

Путники торопливо вытаскивают ведро прозрачной, холодной воды. Черпают воду кружками, подносят к губам и... выплевывают. Воду невозможно пить, так она солона.

Уже спустилась ночь, но никто не думает об отдыхе. Снова в путь, к другому колодцу, маленькой точкой отмеченному на карте. Нужно дойти к нему за ночь, пока не встанет безжалостное солнце.

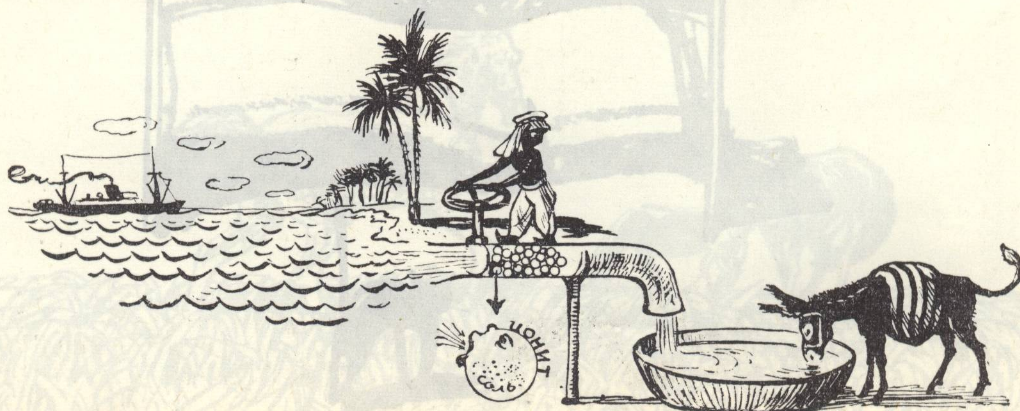
А что, если и в этом колодце окажется соленая вода?

Океан. Вода и небо. Огромные волны, как щепку, подбрасывают и заливают маленькую шлюпку, обдают брызгами сидящих в ней людей. Уже несколько дней носится по воле волн шлюпка с людьми, спасшимися после кораблекрушения.

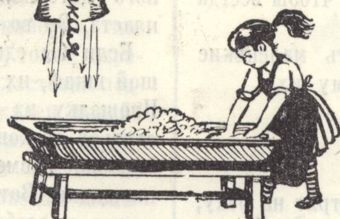
Кругом вода, а люди изнемогают от жажды. Они смачивают пересохшие губы океанской водой, и она испаряется, оставляя на них белый соленый налет.

Сколько дней еще предстоит им плыть, хватит ли сил?..

Спасет ли их высланный с берега самолет или другое судно, или они погибнут от жажды, окруженные водой?..

Неужели никак нельзя сделать соленую воду пресной? Конечно, можно! Есть аппараты, которые опресняют соленую воду. В городе Красноводске работает огромный опреснитель. Соленую морскую воду в опреснителях нагревают до кипения. Водяные пары проходят по трубкам, охлаждаются и снова превращаются в воду, теперь уже пресную.

Для опреснителя нужно много топлива. А где взять его в океане или в пустыне? Нужно придумать что-нибудь другое, чтобы быстро и просто получать питьевую воду из соленой.

Эту трудную задачу люди решали много сотен лет и решили ее совсем недавно. Ученые-химики создали новые вещества — их не найдешь в природе,— которые, как добрый волшебник, при любых условиях могут превратить соленую воду в пресную.

Что же это за «волшебные» вещества?

Вы, наверно, видели липкие капельки прозрачной золотистой смолы на сосне или елке? Иногда капли выступают на свежевыструганных досках, на полу или на табуретке. Это смолы естественные, древесные. А химики создали искусственные смолы, которые называются ионитами. Это твердые, мелкие, как крупинки пшена, зернышки белого, черного или золотистого цвета.

Как же опреснить воду ионитами? Очень просто. Достаточно во фляжку с соленой водой насыпать ионитовых зерен, и вскоре воду можно будет пить: соль и горечь исчезнут.

Ну, а если нужна не фляжка воды, а ведро или бочка? Если пресная вода нужна постоянно? И тут могут помочь иониты. У соленого колодца или на берегу моря нужно поставить специальные приборы и пропустить соленую воду по трубкам, наполненным ионитами. Медленно протекая по трубкам, вода отдаст ионитам свои соли и станет пресной, пригодной для питья.

В морской воде растворено множество различных веществ. В ней есть даже золото. Так почему же золото не добывают из морской воды?

Потому, что его там очень мало, слишком дорого обошлась бы его добыча.

Но есть иониты, которые могут задерживать и золото. Иониты, опресняющие соленую воду, поглощают все соли, а иониты-«золотодобытчики» выбирают только золото. Пропустив через иониты 250 тысяч кубических метров воды, можно получить целый килограмм золота!

Ионитами теперь пользуются в золотодобывающей промышленности, там они собирают гораздо больше золота.

А где еще могут быть полезны иониты?

Каждый день ты кладешь сахар в чай, посыпаешь сахарным песком кашу, и тебе хорошо известно, что сахар белый. Но таким он становится не сразу. На заводах сахар несколько раз очищают. И вот тут-то опять на помощь людям приходят волшебные зерна — иониты; они вбирают в себя все примеси, загрязняющие сахар.

Конечно, ты слышал, что бывает вода жесткая и мягкая. Хозяйки не любят жесткую воду: в ней плохо стирать белье, потому что почти не мылится мыло, трудно развариваются овощи, плохо заваривается чай. В жесткой воде неровно, пятнами окрашиваются ткани.

Жесткой делают воду растворенные в ней соли. Немного различных солей есть в глинах, песке и других горных породах, по которым текут реки или подземные воды. Вода растворяет соли и становится от этого жесткой. Если в воде совсем или почти нет солей, то такую воду называют мягкой. Самая мягкая — дождевая вода. Поэтому ее собирают для стирки, для мытья головы.

Чтобы убедиться, что в воде, которую мы пьем, есть соли, достаточно снять с чайника или самовара крышку и заглянуть внутрь: дно и стенки их покрыты сероватой плотной коркой — накипью. Накипь — это как раз те самые соли, которые были растворены в сырой воде.

Накипь образуется не только в чайниках и самоварах. Гораздо хуже то, что она толстым слоем нарастает на стенках пароходных, паровозных и других котлов.

Слой накипи сильно замедляет нагревание котлов, из-за нее приходится тратить много лишнего топлива. Накипь нужно удалить. Но это нелегко. Даже маленький чайник трудно очистить от плотно приставшей к его стенкам накипи.

А крохотные зернышки-иониты могут любую воду сделать такой же мягкой, как снеговая или дождевая вода. и тогда стенки котлов не покроются накипью.

Прежде чем наливать воду в котлы, ее надо пропустить через такие иониты, которые поглотят все соли. Можно и на кухне или в прачечной присоединить трубки с ионитами к водопроводу, чтобы всегда была мягкая вода.

Вот какую службу могут сослужить маленькие зернышки-иониты человеку, создавшему их!

СДЕЛАНО ИЗ ПЕНЫ

На мосту собралась толпа людей, смотрят на реку, руками размахивают, кричат...

А посередине реки плывет небольшая белая лодка. В ней сидят восемь загорелых юношей и раскачивают ее из стороны в сторону. Так раскачали лодку, что она бортами воду черпает.

— Утонете! Осторожнее! — кричат им с моста.

А парни в лодке, словно в насмешку, еще сильнее ее раскачивают. Двое ведрами черпают воду и в лодку льют. Больше половины набралось воды в лодке, вот уже до краев доходит, а лодка и не думает тонуть.

Удивительная лодка! Из чего она сделана? Не из пробки ли? Пробка примерно в пять раз легче воды. Пробковый спасательный круг сам не тонет и не дает потонуть человеку.

Попробуй-ка отрежь от бутылочной пробки кружок и пусти его в таз с водой. Ты увидишь, как он поплывет. Возьми несколько гвоздей, не очень, конечно, больших, и воткни их в пробку — она выдержит много гвоздей.

Пробка — это кора дуба, который растет в теплых странах. Пробки нужно много, а нарастает она медленно. С одного и того же дерева ее можно снимать не чаще одного раза в десять лет. Нет, из такого дорогого материала не станут делать лодки!

Непотопляемая чудо-лодка сделана из искусственного материала, созданного человеком, — из пенопласта. Он во много раз легче пробки.

Если бы сделать из пенопласта комод или большой шкаф, их можно было бы поднять одной рукой. Площадку из пенопласта, на которой может поместиться легковой автомобиль, легко столкнуть с автомобилем вместе в воду, и он поплывет на этой площадке. Вот удобно-то! Такой «плот» автомобиль может на себе притащить, его можно укрепить на крыше. На ночевке «плот» заменит матрац, а подъедешь к реке — и переправа готова: бери в руки шест или весла — и в добрый путь!..

Ученые сделали не один сорт пенопластов, а много. Есть пенопласты мягкие, которые растягиваются и прогибаются, как резина, есть твердые, как стекло. Одни из них выдерживают высокую температуру, их можно нагревать до 200—300°, а другие размягчаются, если положить их в горячую воду.

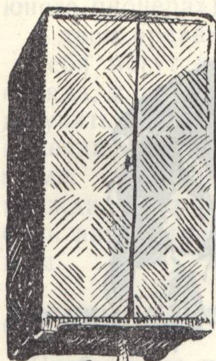
Все пенопласты необычайно легки. Есть пенопласты, которые почти в сто раз легче воды.

Пенопласты, как и иониты, изготовляются из искусственной смолы, правда, ее химический состав другой.

Если ты станешь взбивать в тарелке яичный белок, то довольно скоро он вспенится и сильно увеличится в объеме. Прозрачный зеленоватый белок, который тонкой пленкой растекался по тарелке, исчезнет, и тарелка наполнится белой, очень легкой пеной. Поставь взбитый белок в духовку; он покроется снаружи коричневатой корочкой. Разрезав корочку, ты увидишь, что пена высохла и сделалась твердой.

Так из белка, сбитого с сахаром, приготовляют легкое, воздушное пирожное безе, а из смолы, превращенной в легкую пену, делают пенопласт. Делают его по-разному. Можно, например, разогреть смолу и пустить в нее по трубке сильную струю воздуха или какого-нибудь другого газа. Смола превратится в пену, и этой пены будет очень много: ведь воздуха в ней в двадцать раз больше, чем смолы!

Потом пену охлаждают, она делается твердой, а пузырьки воздуха так и остаются в ней, захваченные в плен частицами смолы. Конечно, такой наполненный воздухом материал должен быть необычайно легким: ведь он почти целиком состоит из воздуха!

Теперь тебе, наверно, понятно, почему не тонет перегруженная пенопластовая лодка, налитая до краев водой?

Пенопласты — это дешевый материал, и их можно приготовить на заводах столько, сколько понадобится. А нужно их будет с каждым годом все больше и больше. Уж очень они удобны!

Пенопласты не только гораздо легче пробки, но и гораздо прочнее. Их можно резать, пилить, обтачивать. Они накрепко склеиваются с металлами, деревом и стеклом.

Легкие и прочные, пенопласты хороши при строительстве самолетов. Пенопласты не пропускают тепла и холода. Они очень пригодились арктическим судам, которые многие месяцы плавают в холодных морях. Из пенопластов, покрытых снаружи металлом, можно делать стенки пароходов, вагонов и автомашин-холодильников, в которых перевозят на большие расстояния мороженую рыбу, мясо, фрукты.

Из больших и легких пенопластовых кирпичей можно строить очень теплые дома. Воздух, наполняющий пенопластовые кирпичи, не пропустит в дом холода и не выпустит из дома тепло. Самолеты доставляют кирпичи из пенопласта на полярные станции. Там строят из них небольшие уютные и теплые домики. Раньше о человеке, который мечтает о невозможном, говорили, что он строит воздушные замки. Теперь не в мечтах, а на самом деле мы строим воздушные дома.

Видел ли ты когда-нибудь пенопласт? Наверное, у тебя есть башмаки или туфли на толстой, пружинящей подошве из микропористой резины. Хорошие башмаки, только подошва тяжеловата! Микропористая резина — тоже пенопласт, но пенопласт тяжелый, воздуха в нем мало.

Теперь научились делать гораздо более легкие пенопласты для подметок. Из новых, мягких пенопластов можно сделать толстую, пружинящую подошву; она будет почти невесомой и такой прочной, что хоть с утра до вечера в футбол играй — не собьется!

Скоро в нашей стране будет много прочной и легкой обуви и много других удобных и красивых предметов, сделанных из новых искусственных материалов — пенопластов.

Леонид АГЕЕВ

МИР

Любили в детстве мы играть —
чужие земли с бою брать...
Мы на земле чертили круг
и круг делили чинно,
вытаскивал мой лучший друг
нож чинный перочинный,
нацеливался и вонзал,
врезал в мое владенье,
мое владение кромсал
в недетском вдохновенье.
Был под ногами шар земной,
и друг мой враждовал со мной...
...Как было это все давно,
как это было рано!..
Отвоевав, мы шли в кино
смотреть чужие страны,
за миром, замерши, следить,
понятья не имея,
что это нам его делить
отточенной идеей.
Делить от звезд и до глубин,
на внуков не надеяться...
Делить...
И станет мир един:
ведь шар земной не делится.

Тебя называют юным ленинцем...

Сколько нового в пионерской жизни! У тебя есть свои законы — «Законы юного пионера», свой праздник — 19 мая, день рождения пионерской организации; в «пионерских ступенях» определено, чему ты должен научиться за пионерские годы.

Все это собрано и записано в **Положении о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.**

Всесоюзная пионерская организация имени В. И. Ленина — массовая детская коммунистическая организация. Она объединяет миллионы советских ребят для того, чтобы ты и твои товарищи с ранних лет готовились стать активными строителями коммунизма.

Вся работа пионерской организации строится так, как учил Ленин: в крепкой связи с жизнью, с трудом рабочих и крестьян, с общенародной борьбой за построение коммунизма в нашей стране. Ничего, что тебе еще мало лет. Ты пионер, ты тоже участвуешь в общественной жизни.

Пионерская организация работает под руководством Коммунистической партии Советского Союза. По поручению партии повседневной работой пионерской организации занимается Ленинский комсомол. Лучшие комсомольцы с заводов и фабрик, из институтов и техникумов приходят вожатыми в пионерские отряды, и работа пионеров становится увлекательней, полезней. Старайся быть таким же, как твои вожатые — комсомольцы. Будь трудолюбивым, смелым, не бойся никаких трудностей, готовь себя к вступлению в комсомол. Помни: юные пионеры — смена комсомола.

Как принимают в пионеры

В пионеры принимают школьников от 10 до 15 лет. Тот, кто хочет стать пионером, должен сказать об этом председателю совета отряда.

После того, как отряд проголосует за прием в пионеры, школьник в праздничной обстановке дает «Торжественное обещание юного пионера». С этого дня он носит красный пионерский галстук и пионерский значок. С этого дня на призыв «К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!» пионер отвечает: «Всегда готов!» — и отдает пионерский салют.

Пионерский салют

Ты видел, наверно, что бойцы и офицеры Советской Армии приветствуют друг друга, когда они встречаются.

Такой же порядок и у пионеров.

Запомни:

Пионер отдает салют при исполнении Гимна Советского Союза, гимнов союзных республик, партийного гимна «Интернационал».

Пионер салютует памятникам В. И. Ленина, борцам революции, героям гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Пионер приветствует салютом вожатых и пионеров.

Твои обязанности и права

Если ты вступил в пионерскую организацию, значит, у тебя есть перед ней обязанности. Ты должен выполнять «Торжествен-

ное обещание», «Законы юных пионеров», должен овладевать умениями и навыками, установленными для пионеров («Ступени юного пионера»).

А твои права?

Тебя могут избрать звеньевым, в совет отряда, в совет дружины. Когда ты решишь вступить в комсомол, тебе могут дать рекомендацию. Старайся сам, вместе с товарищами, придумывать интересные дела, не жди, пока тебе кто-то подскажет их, будь инициативным, настойчивым, энергичным.

Дружина — отряд — звено

Чтобы стать настоящим хозяином в своей организации, надо хорошо знать ее правила: где и как создаются пионерские дружины, отряды и звенья, как выбирают совет дружины и совет отряда, как дают рекомендацию для вступления в члены ВЛКСМ. Все это ты найдешь в «Положении».

Ты найдешь здесь много нового. Пионерский отряд, говорится в «Положении», работает не только в стенах школы. Отряд можно создать и во дворе, где ты живешь, при заводе, который шефствует над школой. Такой отряд тоже входит в состав пионерской дружины школы. В каком из отрядов тебе состоять: в классе или во дворе? Это ты решай сам, но только выбирай что-нибудь одно.

В отрядах старших пионеров можно создавать не только постоянные звенья, но и звенья для выполнения какого-то конкретного дела. Скажем, решил ваш совет отряда: надо радиофицировать школу. Кто выполнит это поручение? Всем техникам-умельцам стоит объединиться в специальное звено, которое будет работать до тех пор, пока не заговорят репродукторы школьного узла. Можно создать и звенья по интересам: звено юных техников, звено кролиководов, фотолюбителей. А отряды младших классов можно вовсе не делить на звенья.

Словом, тебе предоставляется большая свобода: выбирай, думай, добивайся своего.

Знамя твоей дружины

Ты не раз слышал торжественные слова вожатого:

— Дружина, к выносу красного пионерского знамени — смирно! Равнение на знамя! Красное пионерское знамя внести!

И замирает строй, и все взгляды устремлены туда, откуда под звуки горнов и барабанов появляется алое полотнище — красное пионерское знамя твоей дружины, символ чести и сплоченности юных пионеров, их беззаветной преданности нашей советской Родине, делу Коммунистической партии.

Честь знамени дружины зависит от каждого, кто стоит в строю. И ты береги и охраняй ее. Пусть ваше знамя всегда проносят с гордостью, пусть все уважают его.

Красное пионерское знамя есть и у районной, городской пионерской организации. По решению совета пионерской организации это знамя может передаваться на хранение в лучшие пионерские дружины. Ты, конечно, понимаешь: нужно совершить много больших, настоящих дел, чтобы завоевать это право.

Твоя смена

Не забудь, что теперь при пионерских дружинах созданы октябрятские группы. У октябрят есть свои правила, есть нагрудный значок — звездочка. С октябрятами очень много забот. Надо поиграть с ними, разучить новую песню, научить их делать простые полезные вещи; надо провести с ними беседу о пионерах. Ведь октябрята — твоя смена, будущие пионеры. Если ты учишься в 6-м, 7-м или 8-м классе, дружина, может быть, пошлет тебя вожатым в октябрятскую группу. Это, пожалуй, самое трудное и самое почетное поручение. Выполняй его добросовестно, с огоньком.

* * *

...Когда в нашей стране хотят сказать о человеке самое хорошее, говорят: «Он настоящий коммунист». За коммунизм борется весь советский народ, это — наше светлое будущее. Ты вступил в детскую коммунистическую организацию; ты носишь красный пионерский галстук; тебя называют юным ленинцем. Будь же достоин этой большой чести, старайся учиться и работать, жить и бороться так, чтобы, когда вырастешь, ты стал решительным, мужественным борцом за коммунизм, настоящим коммунистом.

Совершенно секретно

Что секретно и почему, я объясню потом. А сначала давай познакомимся.

Зовут меня Сима, фамилия — Соловьев. Сима Соловьев. Это совершенно несекретно. Я работаю в журнале «Пионер», только не корреспондентом, не художником, а вожатым. И, как всякий вожатый, я буду помогать ребятам в их пионерских делах, рассказывать о том, что видел и что знаю, отвечать на вопросы, ну, и, конечно, если надо, сердиться и ругать. Иначе какой же я буду вожатый?

Представляешь, сколько ребят в дружине «Пионера»? Если каждый журнал читает хотя бы один человек, и то получается 420 тысяч!

Вот задание всем друзьям «Пионера», всем, кто читает наш журнал: напишите о самом интересном, что происходит у вас в отряде, звене, дружине. Туда, где интереснее всего, приедет наш корреспондент посмотреть, поучиться и других научить. Если у вас в отряде зашел спор и ты не знаешь, кто прав, тоже напиши. Нарисовал в стенгазету удачную карикатуру — перерисуй и пришли. Пришли хороший снимок твоего отряда или звена за работой. Адрес известен: Москва, улица «Правды», «Пионер».

Но ведь бывают такие дела, о которых всем-всем рассказывать не хочется, а посоветоваться все же надо. Тогда сделай пометку на конверте: «Совершенно секретно». И никто, кроме нас двоих, об этом письме не узнает.

Тому, кто будет рассказывать о делах отряда, кто будет писать подробно и правдиво, мы выдадим удостоверение юнкора «Пионера».

А теперь начнем наш разговор. Сегодня мы обсудим с тобой, что сделать, чтобы в твоем отряде было интересно.

Сима СОЛОВЬЕВ

КАК У ВАС В ОТРЯДЕ?

Как в твоем отряде — интересно? Скучно? Ребята у вас боевые? Дружные?

Отложи на минутку журнал и попробуй ответить самому себе. Наверно, получится так:

— У-у, наш отряд замечательный! Лучший в школе!

Или: — Да какой у нас отряд? Одно название!

Или ты просто пожмешь плечами:

— Кто его знает, что у нас за отряд. Иногда интересно, иногда скучно...

Жаль, я не слышал, что ты ответил. Ведь советы «вообще» давать трудно, сам понимаешь. И все-таки мне хочется тебе помочь. Давай сделаем вот что: я расскажу о

том, что видел в разных школах, в которых побывал недавно, а ты уж сам сообрази, как это перенести в свой отряд.

ЧТО ВЫБРАТЬ?

В первой четверти не все отряды начали работать по ступенькам: готовились, примерялись... А теперь уже пора.

Но с чего начать? Какие требования выполнять в первую очередь? Можно, конечно, собрать совет отряда, взять газету, в которой напечатаны ступеньки, и отобрать несколько требований. А можно сделать интереснее.

Вот, например, в Чугуевской школе Харьковской области ребята провели игру-соревнование, в которой проверили, кто что умеет делать.

Эта игра напоминала эстафету с препятствиями. Только на каждом этапе ребят ожидал не барьер, который надо перепрыгнуть, а какое-нибудь задание: оказать первую медицинскую помощь, поставить палатку, разжечь костер и вскипятить воду, пробежать шестьдесят метров, прыгнуть в длину, пришить пуговицу, правильно уложить рюкзак. На одном этапе были разложены грибы и листья, и надо было назвать их. Руководили игрой пионеры 8-го класса. У них были повязки судей. Судьи отмечали в специальной путевке, справилось звено или нет. Знаешь, как смеялись ребята, когда одно звено полчаса промучилось с палаткой и в конце концов она рухнула на глазах у судей!

И сразу стало ясно, чему надо учиться в первую очередь, что ребята умеют, а что нет.

Вот что выбрали и включили в план работы отряда на первую четверть пионеры 7-го класса «Б» 84-й школы города Харькова. Они, конечно, не записывали план вот так, как здесь, слева да справа. Это сделано в журнале для того, чтобы показать, какие дела можно придумать по каждому требованию.

Требования ступеньки	Что решили сделать ребята
Знай, каким должен быть комсомолец.	*Провести сбор отряда: «Партия велела — комсомол ответил: «Есть!».*
Узнай о трудовых делах района, города, имена передовиков производства (это требование 2-й ступеньки, но семиклассники решили, что им тоже надо его выполнить).	*Организовать клуб интересных встреч. В этом клубе в течение года выступят: слесарь, шофер, пожарник, инженер. Собрания клуба будут проходить на заводе, аэродроме, в гараже.*
Умей рассказать младшим пионерам, октябрятам о праздниках Октябрьской революции, 1 Мая.	*Всем отрядом помочь третьему классу «А» подготовить утренник, посвященный 41-й годовщине Октября.*
Умей фотографировать.	*Создать в отряде фотокружок. Им будут руководить Володя Андреев и Толя Штонда.*
Вместе с дружиной помогай взрослым в уборке урожая, на стройке или в других видах общественного труда.	*Устроить несколько субботников на строительстве новой школы.*
Возьми шефство над деревьями и кустарниками своей улицы.	*Окопать все деревья на улице Байрона, которые ребята сами посадили.*
Сдай нормы на значок БГТО.	*Провести отрядную спартакиаду в честь 40-летия ВЛКСМ.*

В план работы отряда вошли и дела, о которых в ступеньках ничего не говорится. Семиклассники решили, например, продолжать переписку с болгарскими пионерами, всем отрядом посмотреть несколько фильмов. Одним словом, ребята занимались самыми разными делами: что-то узнали, чему-то научились, участвовали в общественно полезной работе; не забыли и про спорт. Это правильно. Нельзя же одну четверть только на экскурсии ходить, а другую — все мастерить да мастерить!

Я думаю, ребята выполнили свой план. Значит ли это, что теперь в личной книжке пионера можно, например, записать: «Историю комсомола знает»? Конечно, нет. Нужно еще немало сборов, экскурсий по памятным местам, надо прочитать много книг... Но первый шаг этими ребятами сделан.

А теперь скажи: разве все эти дела твоему отряду не под силу? Быть этого не может! Я уверен, что ты сумеешь придумать и предложить отряду еще и другие дела. Напиши, что ты предложил.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Что самое главное в работе отряда, дружины, звена во второй четверти?

Ты уже, наверно, знаешь: через два месяца открывается XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Вся страна готовится к нему. Рабочие на заводах стараются перевыполнить нормы. Колхозники вырастили в этом году огромный урожай и продают хлеб сверх плана. На всех предприятиях обсуждают наметки семилетнего плана развития народного хозяйства страны. Все готовят к съезду подарки, радуются съезду, потому что он приблизит советский народ к коммунизму.

Твой отряд, твоя дружина, конечно, не могут оставаться в стороне.

Что стоит сделать?

По работе каждого, даже небольшого завода можно представить себе, как быстро растет народное хозяйство. Если пойти на соседний завод или в колхоз, получится интересная экскурсия. Узнайте, какой там семилетний план; расспросите, какие новые машины появились за последнее время и какие скоро появятся. Можно попросить старого коммуниста-рабочего, чтобы он рассказал, как трудятся коммунисты и комсомольцы. Познакомьтесь с лучшими людьми завода, пригласите их в школу на сбор.

К открытию съезда вам тоже, наверно, захочется сделать что-нибудь полезное для школы, для города. Может быть, вы начнете строительство школьного гаража, крольчатника, здания для мастерской. Многие ребята становятся сейчас строителями, это вполне возможно! Проведите воскресник по сбору металлолома или макулатуры, да не один. Хорошо бы сделать подарки для ребят из детского сада: ведь у них в этот день тоже будет праздник.

27 января 1959 года старейший делегат XXI съезда Коммунистической партии откроет съезд. А где-то в школе, может быть, за тысячи километров от Москвы, в это самое время, минута в минуту, вспыхнет пионерский костер, или взовьется флаг зимней спартакиады в честь съезда, или начнется торжественный сбор пионерской дружины. Правда, здорово!

Продумайте, каким будет этот сбор. Наверно, на нем можно подвести итоги соревнования звеньев и отрядов.

Словом, надо сделать так, чтобы ребята вашего отряда тоже почувствовали себя участниками важнейшего события в стране, чтоб им на всю жизнь запомнились эти дни.

КТО НАУЧИТ?

Ступеньки требуют: умей... научись... сделай...

А некоторые ребята смотрят на свои неумелые руки и с тоской думают: а кто научит, кто покажет?

...Совет дружины 716-й школы Москвы решил по-настоящему заняться подготовкой пионеров-инструкторов.

Их учили родители, ребята из кружков при Доме пионеров, вожатые-производственники. Теперь все восьмиклассники — пионеры-инструкторы.

И вот по вторникам, ровно в пять часов, звенья отрядов пятых и шестых классов собираются в школе. У каждого свое задание, свое место. Идут пионерские курсы! Что творится в этот час в школе! Одно звено учится оказывать медицинскую помощь, другое — варит на кухне обед, третье — изучает морскую сигнализацию, пятое — вяжет, шестое — штопает чулки, седьмое — переплетает книги, восьмое — возится с фо-

тоаппаратом, девятое — учится заправлять киноаппарат «Украина». Видишь, сколько дел!

Занятия продолжаются ровно час. Только кулинары, бывает, задерживаются...

Через несколько занятий звено, которое сегодня под руководством медсестры перевязывает друг другу пальцы, принесет в школу свеклу, капусту и картошку и будет варить борщ.

И так все до одного пионеры дружины пройдут полный курс пионерских наук.

Я сказал председателю совета дружины Наташе Блок:

— Вам хорошо, вы еще в прошлом году инструкторов подготовили, а как же быть другим? Целый год ждать?

— А зачем? — ответила Наташа.— В соседней школе сделали так: организовали кружки для пионеров третьей ступени. И каждый, кто посещает их, через три — четыре занятия сам начинает вести курсы пионеров второй ступени. Он и учится и учит.

А ведь и вправду все это можно организовать, если не бояться трудностей! Подумай, посмотри: а что еще можно сделать, чтобы в отряде было интересно? Обязательно прочитай перекличку дружин, которая опубликована в этом номере журнала. Там рассказывается о многих настоящих делах.

ОТВЕТЫ — СОВЕТЫ

Каждый день в отдел «Будь готов!» приходят письма. Ребята рассказывают о своих делах, о том, как они учатся, играют, дружат. Они задают много вопросов: «Как быть старосте, если его не слушают!», «Что послать в подарок зарубежным друзьям!», «Как провести хороший сбор!»

Бывают такие вопросы, которые интересны многим ребятам. Вот мы и решили давать в журнале «Ответы — советы» для всех.

Володя Алиев из города Баку спрашивает: «У нас в дружине еще нет личных книжек пионера. Может, нам пока не начинать работать по ступенькам?»

Нет, Володя, дожидаться, пока будут отпечатаны личные книжки, ни в коем случае не нужно. Разве без них нельзя выполнять задания комсомола, перечисленные в ступеньках?

Ты можешь сказать: но ведь нужно как-то отмечать, чему научились ребята! В 425-й московской школе сделали вот что: в каждом отряде завели «Дневник интересных дел». Это простая тетрадка или альбомчик, куда ребята коротко записывают, что они сделали, чему научились и кто принимал участие в работе. Когда вручат личные книжки пионера, в них легко будет сделать записи. Тот, кто, например, сажал деревья, и они прижились, тот, значит, и научился их сажать...

А вот какой трудный вопрос задает Валя Забурдаева, пионерка 7-го класса «Б» 54-й школы города Саратова:

«От пионеров третьей ступени требуется уметь провести с октябрятами беседу, игру, зарядку. Как же это сделать, если в нашем отряде только четыре пионера работают вожатыми октябрят?»

Конечно, если только четыре пионера работают с малышами, трудно выполнить эти требования. Совсем другое дело, если целый отряд пионеров третьей ступени возьмет шефство над октябрятской группой. Тогда, например, беседу о 7 ноября могут провести одни пионеры, о празднике 1 Мая — другие; сегодня утреннюю зарядку проводит один пионер, а через неделю — другой. Если вы будете частыми гостями у октябрят, вы научитесь играть с ними, подружитесь. И тогда вам не страшно будет проводить беседу. Конечно, надо самому хорошо знать то, о чем ты собираешься рассказать...

Товарищу нужна помощь!

ВОТ КАКОЕ ПИСЬМО ПРИШЛО В «ПИОНЕР»

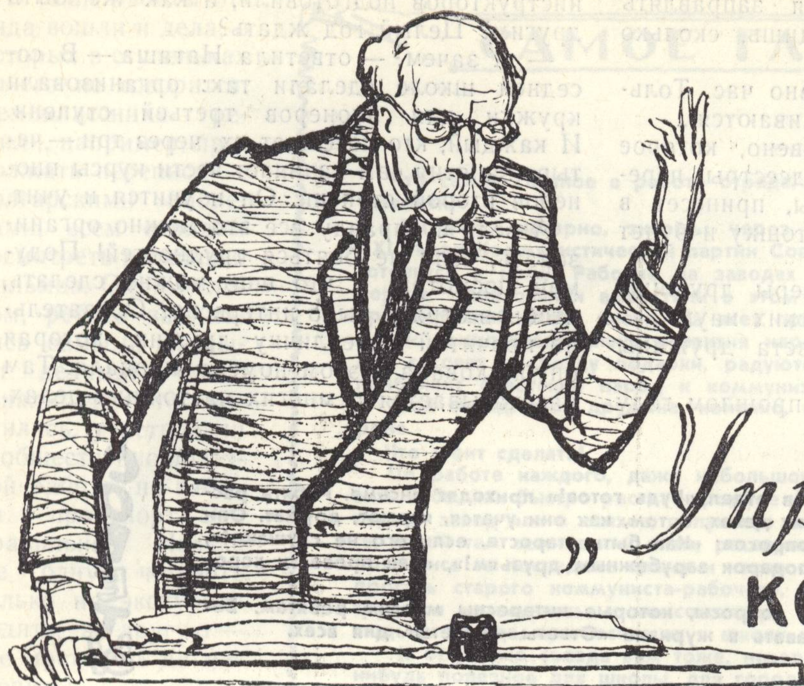
Дорогая редакция!

В этом году меня выбрали председателем Совета отряда. Раньше работа у нас шла плоховато. И я не знаю, как мне лучше вести работу, чтобы опередить другие отряды. Ведь меня выбрали в первый раз.

Пожалуйста, напишите мне о каком-нибудь хорошем отряде, чтобы я могла узнать, как мне лучше работать.

Лидия Крысанова, ученица 5-го класса школы № 13 г. Белорецка Башкирской АССР

Ребята! Товарищу нужна помощь! Кто ответит Лиде Крысановой? Ответы присылайте в редакцию «Пионера». Мы отберем лучшие и напечатаем их. Ведь не одна Лида Крысанова не знает, что ей делать!

„Управлять КОРАБЛЕМ необходимо...“

Мариан БРАНДЫС

Рисунки А. Билль.

I

В конце октября в Общеобразовательном лицее в Грабкове появился новый преподаватель латыни. Это был высокий, костлявый старик с большой, отливающей желтизной лысиной и солидной величины носом, на котором трепетали очки в проволочной оправе с отломанными дужками. Вид у учителя был усталый и неряшливый, и сам он отнюдь не принадлежал к тем благословенным счастливцам, которые своим обликом с первого взгляда возбуждают общую симпатию окружающих.

Первый, вводный урок латыни состоялся в восьмом классе, известном в школе своими спортивными достижениями и своим безобразным поведением. Восьмиклассники встретили нового учителя зловещей тишиной и ироническими взглядами.

После отъезда из Грабкова прежней учительницы латыни панны Шадковской грабковские «латинисты» наслаждались целый месяц блаженным отдыхом. Октябрь в этом году был на редкость хорош. Переливающийся всеми осенними красками мир грелся на солнце. Сухая, упругая земля настойчиво приглашала к игре в мяч.

Во время трех свободных уроков в неделю шумная орава «латинистов» буйствовала на школьной спортивной площадке, возбуждая мрачную зависть остальных товарищей. А теперь, по вине этого костлявого старикана, которого черт принес неизвестно откуда, блаженное время окончилось. Восьмиклассники не скрывали своего возмущения против вновь прибывшего. Уж если ему обязательно надо было осчастливить своей персоной грабковский лицей, он мог подождать по крайней мере до половины ноября, когда появится осенняя грязь.

Но нового латиниста, казалось, совершенно не интересовало настроение восьмиклассников. Быстрым, уверенным шагом прошествовал он от двери до кафедры, осмотрел подозрительно свой стул и небрежным жестом сбросил с него положенную учениками чертежную кнопку. Можно было сразу догадаться, что это опытный старик, хорошо осведомленный обо всех школьных «штучках».

После переклички учитель закрыл журнал

и без всяких предварительных разговоров подошел к доске. Старательно вытерев ее, он взял мел и начал медленно писать, каллиграфически выводя каждую букву.

Ученики вначале заинтересованно следили за резкими движениями его торчащих лопаток, но скоро им это надоело. Кто-то с задней парты пустил бумажную стрелу. Однако это не вызвало у учителя никакой реакции. Класс зашумел, и шум этот начал нарастать, как пена на закипающем молоке. Когда же учитель закашлялся сухим, астматическим кашлем, со всех сторон ему ответило дерзкое эхо.

— Кхе-кхе-кхе! — кашляли развеселившиеся восьмиклассники.— Кхе-кхе-кхе! Кхе-кхе-кхе!

Новый латинист, как бы не слыша, что делается за его спиной, спокойно продолжал писать. И только поставив последнюю точку, повернулся лицом к классу и резко крикнул:

— Silentium![1]

Никто и никогда еще не кричал на грабковских восьмиклассников по-латыни. Это было так неожиданно и поразительно, что класс замер от удивления.

Учитель спокойно вытер испачканные мелом руки, пробежал глазами каллиграфическую запись на доске и затем громко прочитал, выразительно акцентируя каждое слово:

— Vivere non est necesse. Navigare necesse est.

Он окинул взглядом класс и, безошибочно угадав лучшего ученика, показал пальцем на Лисковича:

— Переведи, если можешь.

Восьмой класс только начинал заниматься по-латыни. Но для Лисковича не существовало трудных вопросов. Он с достоинством встал, откашлялся и без запинки перевел:

— Vivere non est necesse значит: жить не обязательно. Navigare necesse est значит: управлять кораблем необходимо. Разумеется, это дословный перевод.

— Очень хорошо,— кивнул головой учитель.— Эти слова некогда произнес полководец Помпей. Вы слышали о Помпее?

— Не слышали, господин учитель! — нестройным хором отозвался класс.

Латинист сморщился так, как будто ему наступили на мозоль.

— Ясно, исторические личности вас не интересуют! Другое дело, если бы речь шла о каком-нибудь спортсмене. Помпей был римским полководцем, соперником Юлия Цезаря. Однажды флоту Помпея было приказано отвезти хлеб голодающему Риму: от получения этого хлеба зависела жизнь столицы. Но в это время на море бушевала буря, и моряки боялись тронуться в путь. Тогда Помпей, чтобы придать отваги людям, первый вбежал на корабль и, покрывая рев бури своим голосом, произнес слова, которые были вам только что переведены. Так он повел за собой судно.

Учитель выпрямился и выпятил свою узкую грудь так, как если бы он сам был Помпеем, перекричавшим рев бури. Плохо держащиеся очки запрыгали на его носу.

— Прошло две тысячи лет после этого исторического события. И две тысячи лет слова римского вождя сопутствуют людям. Вы найдете эти слова вырезанными на воротах старых портов. Они напоминают морякам всего света об их обязанности. Их переносный смысл обращен не только к морякам, он обращен к каждому человеку. Эти слова говорят о том, что в жизни самое важное — это трудиться, д е л а т ь. Navigare necesse est. Жизнь без труда, без обязанностей никчемна. Понимаете? Никчемна!— Последние слова учитель почти выкрикнул. Он не глядел на учеников. Казалось, что он обращается к кому-то, находящемуся вдалеке от класса. Он поднял кверху руку жестом римского трибуна. Толстые стекла его очков блестели грозно и гордо.

Класс слушал эту речь, слегла ошеломленный. Никто не понимал, чего хочет, собственно говоря, этот новый. Во всяком случае, зрелище было необычным и интересным.

В это время с задней парты кто-то громко закашлял, нагло передразнивая кашель учителя:

— Кхе-кхе-кхе! Кхе-кхе-кхе!

Настроение в одну минуту было вспугнуто. Подражание было настолько удачным, что весь класс безудержно расхохотался.

Учитель побледнел и слегка попятился, как человек, которого ударили в грудь. Его большие красные руки сжались в кулаки.

— Не стоит с вами разговаривать. Вы ведете себя, как стадо баранов!

— О-о-о! — зазвучало дерзко и грозно со всех сторон.— О-о-о!

— Silentium! — крикнул учитель.

Но теперь его окрик не вызвал такого впечатления, как в первый раз. Шум продолжал расти. Маленький и щупленький ученик по фамилии Тороньчик поднял кверху два пальца.

— Что тебе?

— Господин учитель,— спросил, невинно

[1] Silentium *(лат.)* — тишина, молчание.

усмехаясь, Тороньчик,— а что, Помпея — это была жена этого самого Помпея?

Снова раздался смех.

Учитель нервно сбросил очки. На его лысине выступили капельки пота. Усталыми глазами, окруженными покрасневшими веками, он так внимательно посмотрел в лицо Тороньчика, как будто хотел запомнить его на всю жизнь.

— Нет, Помпея[1] не была женой полководца Помпея,— ответил он,— но тебе, паяц, я запишу замечание в дневник за насмешки над учителем.

После урока к восьмиклассникам прибежали ученики старших классов, чтобы выведать все, что можно, о новом латинисте. Лискович, который пользовался у старших большим авторитетом, сделал рукой неопределенный жест.

— Как вам сказать? Он такой... Plusquamperfectum — фигура давно прошедшего времени.

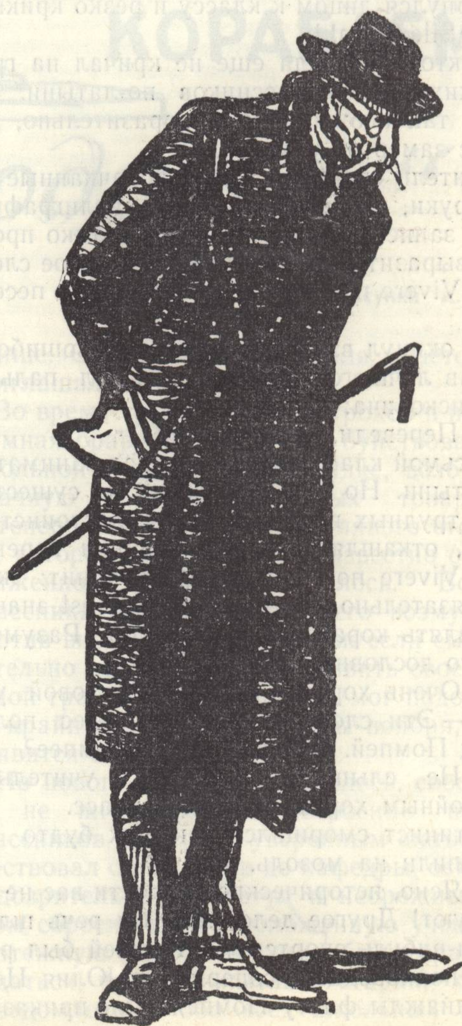
— Здорово сказано!— обрадовались старшеклассники.— У тебя атомная голова, Лисенок. Plusquamperfectum! Хе-хе-хе!

Через пятнадцать минут острота Лисковича облетела всю школу и была оценена по достоинству. Но так как «Plusquamperfectum» было слишком длинным прозвищем, тут же нашелся некий рационализатор, и латиниста окрестили попросту «Клоп»[2].

II

Отношения между новым латинистом и восьмиклассниками с самого начала сложились скверные, а с течением времени ухудшались все больше и больше. Возможно, если бы не было этого смешного инцидента в конце первого урока, дело пошло бы совершенно иначе. У старого учителя были свои достоинства, в которых ему трудно было отказать. Он прекрасно знал свой предмет, любил рассказывать различные любопытные истории из древних времен, и иногда ему действительно удавалось заинтересовать учеников. Но так как приговор на прозвище «Клоп» был вынесен ему сразу после первого урока, восьмиклассники со всей беспощадностью, присущей молодости, закрыли глаза на достоинства учителя и взяли под обстрел его недостатки. Надо признаться, что этих недостатков было немало. Новый латинист был мелочным педантом, легко впадал в гнев, учеников трактовал свысока и иронически и никогда не упускал случая высказаться по поводу пороков нынешней молодежи. Он любил также рассказывать восьмиклассникам о высоких моральных качествах древних римлян. Совершенно неожиданно он начинал говорить по-латыни и пытался заставить учеников писать четко и каллиграфически. Его астматический кашель просто провоцировал, заставляя передразнивать его, очки постоянно слетали с его носа, а тесемки, выглядывающие иногда из-под его потрепанных брюк, также не увеличивали его авторитет в глазах учеников.

В результате всего этого конфликт между восьмиклассниками и новым латинистом углублялся со дня на день. Чтобы как можно более испортить жизнь нелюбимому учителю, ребята пустили в ход целый арсенал

Латинист возвращался домой после педагогического совета.

---

[1] Помпея — древнеримский город. Был засыпан пеплом во время извержения Везувия в 79 году.

[2] Plusqua — по-польски означает «клоп».

различных мероприятий. На коротком пути от дверей до кафедры латиниста подстерегали постоянные опасности, начиная от гвоздей и кнопок и кончая столярным клеем.

Но новый учитель не был вовсе безоружным. Ситуация на уроках латыни напоминала собой позиционную войну. За каждым наступлением следовало успешное контрнаступление. Пока разбирали новый материал, ученики, чувствуя полную безопасность, шумели без ограничения. В тот момент, однако, когда учитель открывал журнал, чтобы приступить к опросу заданного урока, шум утихал, наступала тревожная тишина. В последние пятнадцать минут урока Клоп возвращал все позиции, утраченные в продолжение получаса.

В короткое время нелюбимый учитель добился того, чего напрасно добивалась кроткая панна Шадковская. В грабковском лицее латынь сделалась важным предметом, латынь надо было учить. За это Клопа возненавидели еще больше.

Иногда поведение старого учителя приводило в удивление всю школу.

Как-то вечером латинист, возвращаясь домой после педагогического совета, столкнулся на пешеходной дорожке с известной школьной красавицей панной Понк, прозванной «Лолабриджида» [1]. Панна Понк шла под руку с двумя студентами и, согласно своему обыкновению, сделала вид, что не заметила проходящего учителя. Но Клоп, презрев все условности, остановил Лолабриджиду и сделал ей выговор, невзирая на присутствие смущенных поклонников.

— Вы должны сидеть дома и учить латынь, а не бегать по улицам с парнями.

— Господин учитель,— выдавила из себя смертельно обиженная ученица,— да я уж давно приготовила все уроки!

— В таком случае надо помогать по-латыни подругам, которые послабее вас. И потом, где это видано, чтобы девушка так раскрашивала себе лицо, как клоун в цирке? Вы должны помнить, что вы еще ученица.

Лолабриджида рассказывала об этой встрече, вся трясясь от негодования.

— Представляете себе? Такое отношение к человеку во второй половине XX столетия в народной Польше!

Восьмиклассники, слушая панну Понк, прыскали со смеху, по-приятельски теребя устроенный на ее голове «конский хвост» и целиком разделяя ее негодование.

— Чихай на него, Лолабриджидка! Старый Клоп — это старый Клоп, и точка. Лисенок правильно сказал: Plusquamperfectum — фигура давно прошедшего времени.

Через некоторое время дело дошло до стычки между новым латинистом и учеником восьмого класса Вашневским. Вашневский, по прозвищу «Шатун», был неплохим правым защитником в школьной футбольной команде, но общее его развитие заставляло желать большего. Весь ум Шатуна уместился в его мускулистых ногах, и, несмотря на общие усилия всех грабковских педагогов, этот ум не хотел подниматься выше. Свою нелюбовь к науке и прорывы в воспитании Вашневский покрывал, не без успеха, усиленной общественной работой. Его участие в различных школьных мероприятиях и празднествах служило ему как бы щитом

Панна Понк сделала вид, что не заметила проходящего мимо учителя...

[1] Современная итальянская киноактриса.

против покушений тех учителей, которым приходила в голову несвоевременная мысль проконтролировать его успехи в той или иной области школьных наук.

Случай, о котором будет речь, произошел во время приготовлений к одному из таких праздников. Вызванный отвечать по-латыни ученик Вашневский встал со своего места с небывалой для него решительностью, смело посмотрел прямо в глаза учителю и с горделиво-независимым видом заявил:

— К сожалению, господин учитель, я не приготовился. Вчера я был целый день занят академическими делами, поэтому...

Латинист по своему обыкновению поправил очки на носу и пристально поглядел поблекшими глазами на стоящего возле парты ученика. Один миг он как будто над чем-то размышлял, затем взял в руки перо.

— Академия — это прекрасное старое слово, Вашневский. Ты должен знать это. В древности академии были школами мудрецов, нынче так называют университеты. Так или иначе, академии и академические дела существовали и существуют для того, чтобы помогать науке, а не для того, чтобы ей мешать. Понимаешь, Вашневский? Поэтому твоего оправдания я не могу принять.

— Господин учитель! — крикнул Вашневский, пораженный таким неожиданным оборотом.— Да ведь меня послала организация! Это было задание организации!

— Школьные организации существуют не для того, чтобы мешать занятиям. Садись. Неудовлетворительно.

И Клоп энергичным движением вписал в журнал против фамилии Вашневского огромную единицу.

После урока возбужденный Вашневский подошел к Лисковичу и конспиративно отвел его в угол класса.

— Что ты думаешь об этом типе?

— О Клопе? — спросил для уточнения Лискович.— Ну что ж: вроде он был прав, что влепил тебе единицу.

— Дело не в том, что случилось сегодня! — разозлился Вашневский.— Все его поведение, с самого начала... Как он относится к нашей организации... и вообще ко всему строю!

— А... вообще? — Лискович насмешливо прищурил глаза.— Вообще этот Клоп... Он старый агент империалистов. Его специально прислали сюда, чтобы он лепил тебе колы за латынь. Как-никак, это серьезные удары по всему лагерю демократии. Это тебя волнует, Шатун?

— Не валяй дурака, Лисенок! — сказал, стиснув зубы, бледный от злости Вашневский.— Смеяться можешь над собственной бабушкой! Заявляю тебе, что Клоп — это подозрительный тип... У меня есть доказательства.

— Доказательства? — фыркнул Лискович.— Очень любопытно, какие у тебя могут быть доказательства!

— Пожалуйста. Ты заметил, верно, что Клоп не разрешает никому относить ему на дом папки с классными работами?

В глазах Лисковича мелькнула заинтересованность. Дело об этих папках не раз комментировалось в восьмом классе, а также и в других классах. В грабковской школе с незапамятных времен было установлено, что после каждой классной работы дежурные помогали учителям относить домой тяжелые папки с тетрадями. Новый же латинист, несмотря на свой далеко не юный возраст, решительно воспротивился этому обычаю. Он брюзгливо отстранил дежурных, заявив, что ему не нужны носильщики, а тетради взял сам, хотя было видно, что нести тяжелую кипу представляло для него немало труда.

— Ну, заметил. Что же с того?

— А вот то, что Клоп сам таскает тетради вовсе не потому, что он такой уж демократ, а просто он не хочет, чтобы ученики знали, где он живет. Он по какой-то причине скрывается, понимаешь? Останься сегодня со мною после уроков, сам увидишь, как он старается, выйдя из школы, замести следы.

Лискович задумался. Было видно, что его «атомная» голова усиленно работает.

— Ладно,— решил он наконец.— Все, что ты говоришь,— чепуха, но проверить его можно. От этого еще никто не умирал.

III

В этот день после уроков Лискович и Вашневский первыми вышли из школы. Они не отправились, однако, как обычно, домой, а вместо этого быстро перебежали через дорогу и спрятались за стеной разрушенного дома. Отсюда легко можно было обозревать и школьный подъезд и остановку единственной трамвайной линии, соединяющей Грабков с другими соседними поселками.

Вскоре после того, как мальчики заняли свой наблюдательный пост, из школы посыпались ученики. Одни из них направились домой пешком, другие задержались на трамвайной остановке. Подъехал первый трамвай и забрал большое количество ожидавших. Из школьного подъезда вновь хлынул целый поток учащихся. Снова подъехал трам-

вай, и снова опустела трамвайная остановка. Затем из школы вместе с учениками начали выходить учителя. Первым вышел энергичный преподаватель физкультуры, за ним — немка с математиком, потом—остальные. После отправки четвертого трамвая интенсивность движения ослабла. Появилась еще одна запоздавшая группка самых медлительных, прошел в одиночестве еще какой-то старшеклассник. И школьные двери перестали открываться. На островке возле остановки и на всей улице стало тихо и пусто. Клопа все еще не было.

— А что я тебе говорил? — торжествовал Вашневский.

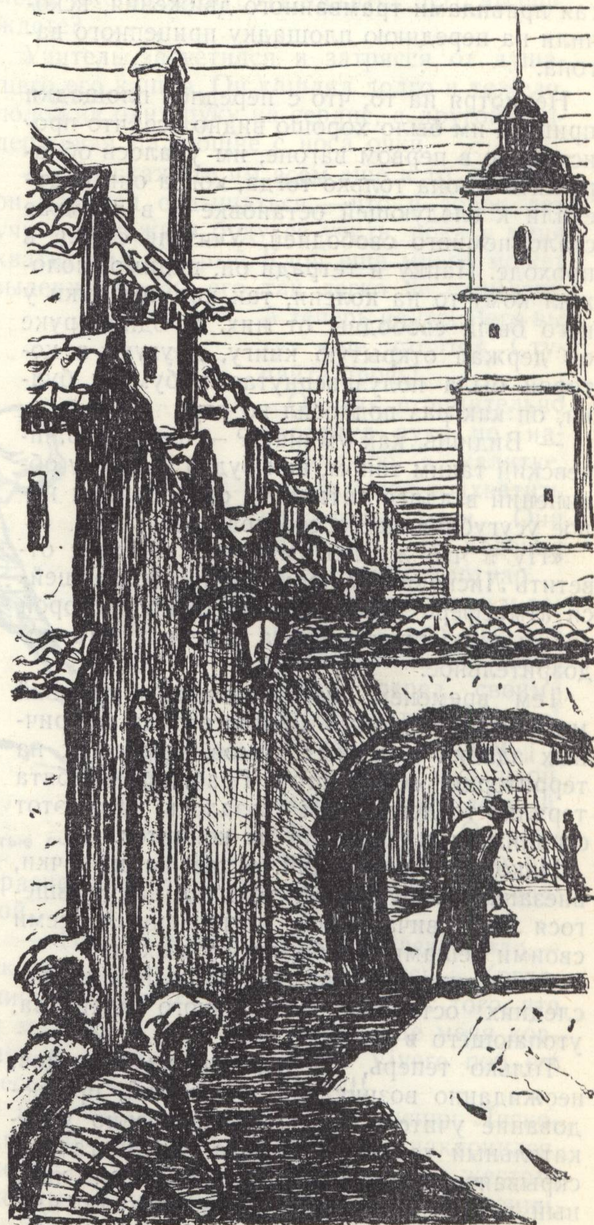
— Заткнись! — нетерпеливо зашикал на него Лискович. И его начинало охватывать то волнение, какое чувствует охотник в тот момент, когда должен появиться выслеживаемый зверь.

Прошло еще несколько долгих, томительных минут. Клоп вышел из школы последним. Он был, как всегда, нагружен набитой до отказа папкой и кипой тетрадей. Теперь, на улице, он казался мальчикам еще более старым, чем на уроках.

Лискович внутренне должен был отдать справедливость подозрениям Вашневского. Учитель вел себя очень странно. Он шел крадучись и часто неспокойно оглядывался, как бы желая удостовериться, что никто за ним не идет. У трамвайной остановки он задержался ненадолго. Было видно, что он колеблется, раздумывая, не сесть ли ему в трамвай. Затем, взглянув в сторону школьного здания, он сгорбился еще больше и двинулся дальше пешком.

— За ним по пятам! — скомандовал Вашневский.

На пустынной Школьной улице это было вовсе не так просто. Мальчики, перебегая из ворот в ворота, должны были проявлять чудеса ловкости и проворства, чтобы их не заметил беспрерывно оглядывающийся учитель. Им стало легче, когда они свернули со Школьной на оживленную Главную улицу. Теперь шляпа латиниста очень часто пропадала в толпе прохожих. Они настигли его только у следующей трамвайной остановки. Он стоял посреди толпы ожидающих трамвая, и мальчики едва на него не наткнулись. По счастью, на остановке было много народу, и им удалось скрыться за спинами каких-то высоких рабочих. Теперь оба мальчика уже не сомневались, что Клоп заметает за собой следы. Только тот, у кого совесть нечиста, мог пройти такое расстояние

Учитель сгорбился еще больше и двинулся дальше.

пешком, чтобы все-таки сесть в трамвай, остановка которого была у самой школы.

— Ну, прав я был или неправ? — шепнул Вашневский.

— Отцепись! — коротко ответил Лискович. Ему не хотелось показать Шатуну, что это дело интересует его все больше и больше.

Через минуту подошел трамвай. Клоп еще раз огляделся, затем решительно направился к первому вагону. Мальчики, пренебрегая правилами трамвайного движения, вскочили на переднюю площадку прицепного вагона.

Несмотря на то, что с передней площадки прицепа им было хорошо видно все, что происходило в первом вагоне, им удалось обнаружить Клопа только тогда, когда они подъехали к следующей остановке и в трамвае стало немного свободней. Учитель стоял в проходе. Папку и тетради он, видимо, положил кому-то на колени, так как обе руки у него были свободны от них. В одной руке он держал открытую книгу, другую, в которой была полузавернутая в бумагу булка, он как раз подносил ко рту.

— Видишь, как уминает? — шепнул Вашневский таким тоном, как будто к списку обвинений в адрес латиниста он добавлял новое усугубляющее обстоятельство.

«Ну и что ж, что уминает?» — хотел ответить Лискович, но промолчал. В создавшейся атмосфере даже простая булка, которой закусывал учитель, таила в себе что-то подозрительное.

Тем временем переполненный трамвай медленно ехал мимо длинного ряда фабричных зданий и жилых домов, выросших на территории «большого» Грабкова. Ребята теряли терпение, им казалось, что этот странный путь никогда не кончится.

Наконец Вашневский, встав на цыпочки, внезапно возбужденно толкнул задумавшегося Лисковича. Клоп, нагруженный всеми своими вещами, пробирался к выходу.

Они вышли из трамвая на одной из последних остановок загородного квартала, утопающего в зелени.

Только теперь, посреди деревьев, садов, неожиданно возникающих укрытий, преследование учителя приобрело особенно увлекательный характер. Ребята передвигались, скрываясь за живой изгородью, вперив хищный взгляд в сутулую спину учителя, идущего посреди улицы. Они чувствовали себя, как детективы из повестей Конан-Дойля и Уэллса. Даже сдержанный Лискович был теперь уверен, что принимает участие в каком-то необыкновенно важном мероприятии, имеющем отношение к особо важным государственным делам.

А не догадывающийся ни о чем Клоп шел спокойно своей дорогой, приостанавливаясь время от времени, чтобы поправить свою тяжелую ношу. Теперь он не предпринимал никаких мер предосторожности. Было ясно, что здесь он чувствовал себя в полной безопасности.

Пройдя несколько сот метров, учитель остановился перед одним очень нарядным домиком, открыл калитку и, не оглянувшись, вошел в палисадник.

Мальчики следили за ним настороженно из-за живой изгороди с противоположной стороны улицы до тех пор, пока он не исчез за дверью дома.

— Ничего себе стойлице! — свистнул с удивлением в голосе Вашневский.

Но Лискович, отличавшийся лучшим зрением и более быстрым соображением, нетерпеливым жестом руки утихомирил приятеля.

— Не глупи, Шатун! Он тут вовсе не живет. Это какое-то учреждение. Видишь? Там вывеска.

Действительно, по обеим сторонам двери краснели какие-то вывески. Но с того места, где находились юные наблюдатели, нельзя было и мечтать о том, чтобы прочитать, что было там написано.

— Учреждение? — удивился совершенно сбитый с толку Вашневский.— А что он теперь может делать в учреждении?

— Погадай на кофейной гуще, может быть, тогда узнаешь. Ничего другого не остается, только ждать, пока он выйдет. Не будет же он там ночевать! Где-то он должен жить.

Они ждали долгих пятнадцать минут, с точностью отсчитанных по часам. Они всматривались до боли в глазах в закрытые двери дома. Клоп не вышел.

— Ничего,— решился наконец Лискович.— Надо действовать иначе. Необходимо прочитать эти вывески и выяснить, что это за учреждение. Может быть, его вообще отсюда не выпустят.

Юные детективы вышли из-за живой изгороди и осторожно подошли к таинственной калитке. Но буквы на обеих вывесках были какими-то фантастическими, и даже на таком незначительном расстоянии нельзя было ничего прочитать. Дрожа от волнения, мальчики отперли калитку и юркнули в палисадник. Когда они подошли к домику вплотную, Лискович прочитал надпись: «Государ-

ственный Дом пенсионеров при Районном совете».

— Дом пенсионеров? — снова удивился Вашневский.— Первый раз слышу!

— Просто это — убежище для стариков, дурень,— сказал изменившимся голосом Лискович.— Но это невозможно! Он тут не может жить! — Внезапно, охваченный страхом, он схватил товарища за руку.— Послушай, Шатун, это какая-то глупая история. Давай-ка удерем отсюда!

Лискович наклонился и поднял с тротуара разбитые очки.

Но было уже поздно. Именно в этот момент отворилась дверь, и в ней показалась высокая, сутулая фигура Клопа.

Мальчики окаменели от ужаса. Почти не дыша, неспособные сделать хотя бы малейшее движение, они таращили глаза на латиниста.

Он выглядел совершенно иначе, чем четверть часа назад. На нем был длинный халат, а в руке вместо папки и тетрадей он нес большое ведро, какое обычно употребляют для мусора.

При виде учеников ведро выпало у него из рук и покатилось с шумом по бетонированной дорожке. Желтое лицо старого учителя внезапно покраснело от гнева.

— Что вы тут делаете?

— Господин учитель! — выдавил перепуганный Лискович.— Мы не... Я... Мы...

— Вы шпионили за мной! — воскликнул учитель.— Как это гадко с вашей стороны, как низко! Вы явились даже сюда... Хорошо... Бегите сейчас, расскажите всем приятелям, что я живу в Доме пенсионеров!.. Вы правы: я старый дурак, Клоп! Меня здесь кормят, дают пристанище, платят пенсию, а я, несмотря на это, лезу еще в школу, где меня уже не хотят! Ну, бегите! Чего вы еще ждете?

Учитель засуетился и затрясся от душащего его кашля. Он кашлял долго и тяжело, положив одну руку на сердце, а другой поддерживая падающие с носа очки.

— Но скажите им всем еще и то,— сумел он наконец отдышаться,— что я сорок лет учу молодежь и буду ее учить, пока у меня хватит сил. Старый Клоп еще много может выдержать! Вы его так легко не сломаете. А теперь идите! Чего вы тут еще стоите? Ступайте прочь!

Он так стремительно протянул руку по направлению к калитке, что не успел подхватить падающие очки. Они разбились от падения на бетонный тротуар.

Вместе с очками у латиниста упало все его возбуждение. Он стоял теперь перед своими преследователями, измученный кашлем и собственной вспышкой, старый, сгорбленный, беспомощный. Он дышал с трудом. Его покрасневшие глаза подернулись мутной влагой.

— Просто жить — этого человеку мало,— сказал он, как бы оправдываясь.— Когда-нибудь и вы это поймете. Что ж с того, что у меня есть место, где спать, где меня кормят и заботятся обо мне?.. Vivere non est necesse. Navigare necesse est!

При звуке знакомых слов ученик Лискович очнулся от оцепенения. Он наклонился, поднял с тротуара разбитые очки и жестом, полным смирения, как бы прося прощения, подал их старому учителю.

Перевод с польского Веры Ратнер.

Лаборатория «Юный химик»

Сегодня в журнале открывается химическая лаборатория. Работать в ней могут все наши читатели.

Конечно, вам не нужно для этого приезжать в редакцию. Проводить опыты, о которых вы прочтете тут, разгадывать химические загадки вы можете и в школе и дома собравшись у кого-либо из пионеров вашего звена.

Многие из вас, ребята, уже занимаются в химических кружках в школе или при Доме пионеров. Напишите нам о самом интересном, что было у вас.

ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ В ЛАБОРАТОРИИ

Десять пробирок

Спиртовка

Подставка для пробирок

Держалка

Три тонкостенных стаканчика

Колба

Стеклянная палочка

Кусок стекла или часовое стекло

Треножник и асбестовая сетка

Воронка

Фильтровальная бумага

Пузырьки и коробочки для реактивов

Вещества, которые понадобятся вам для опытов, вы достанете в аптеке, в школе или приготовите сами.

Трехцветная краска

Сварите несколько листьев красной капусты, отфильтруйте отвар и слейте его в пузырек (не забудьте наклеить на пузырек этикетку).

Налейте капустный сок в три тарелки. Возьмите три небольших белых лоскутка. Один смочите раствором алюминиевых квасцов, другой — раствором поташа или бельевой соды, а третий — раствором соляной кислоты. Первые два лоскутка просушите и приступайте к опыту.

Вот вы положили в каждую тарелку по лоскутку, и капустный сок в первой тарелке стал зеленым, во второй — пурпурным, в третьей — пунцово-красным.

Вы, наверно, догадались, отчего это произошло? Оттого, что лоскутки были протравлены разными веществами: солью, щелочью и кислотой.

Значит, капустный сок может быть индикатором: по изменению его цвета вы можете определить, какие свойства у того или иного вещества. Без индикатора не обойтись в лаборатории.

Запомните

Некоторые вещества, нужные для опытов, ядовиты, обращаться с ними надо осторожно и обязательно хранить в коробочках или в бутылках с притертой пробкой. На коробочки и бутылки обязательно наклейте пропарафиненные этикетки с надписью, что там лежит. Не подражайте тому любителю химии, который на изумленный вопрос приятеля: «Разве бывает голубая сода!» — отвечал: «Это медный купорос, я положил его в коробочку из-под соды, чтобы не забыть, что́ это такое».

Успешность ваших опытов зависит от того, чисто ли вымыта и высушена посуда и чистые ли у вас руки.

Украшения для елки

В своей лаборатории вы можете сделать красивые елочные игрушки из кристаллов. Вы, наверно, знаете, что кристаллы растут довольно медленно, поэтому начинать их выращивать надо сейчас, задолго до Нового года.

Приготовьте насыщенный раствор, то есть растворите в горячей воде как можно больше того вещества, кристаллы которого вы хотите получить. Подсыпайте его понемногу, все время помешивая раствор. Потом профильтруйте раствор в колбу или банку и закройте ее куском ваты.

Для приготовления раствора калийных квасцов надо 40 граммов квасцов растворить, нагревая, в 400 миллилитрах воды.

Когда раствор остынет до комнатной температуры, на дно колбы выпадут мелкие кристаллы квасцов. Возьмите один кристаллик пинцетом и перенесите его в банку с насыщенным раствором квасцов. Вскоре вы увидите: ваш кристаллик увеличивается, растет. Чтобы он рос равномерно и был правильной формы, его нужно время от времени переворачивать. А можно сделать иначе: положить на края банки лучинку, к середине ее подвесить кристаллик (смотри рисунок). К нитке кристаллик прикрепите воском. Через некоторое время у вас вырастет большой кристалл. Он украсит вашу елку.

Вместо кристалла к нитке можно подвесить проволочные рамки, веночки, корзиночки, звездочки, обмотав их перед погружением в насыщенный раствор шерстяной ниткой. Вскоре они обрастут мелкими кристаллами. После этого выньте их и высушите на воздухе.

Особенно красивы игрушки, обросшие фиолетовыми кристаллами хромовых квасцов, похожими на аметисты.

Для насыщенного раствора надо растворить 100 граммов хромовых квасцов в 200 миллилитрах теплой воды.

Вы можете покрыть кристаллами и большую звезду, которая укрепляется на вершине елки. Ее надо вырезать из фанеры и обтянуть байкой, бархатом или другой какой-либо материей с ворсом.

Из кристаллов можно сделать бусы. Для этого в сильно насыщенный раствор надо опустить несколько ворсистых ниток. Перед этим, для затравки, нитки надо положить в коробку с порошком квасцов или медного купороса. Кристаллы будут образовываться на крупинках, которые пристанут к ниткам. Бусы можно сделать разноцветными, поместив нитки в различные растворы.

Готовые кристаллы надо смазать вазелином и хранить их в картонной коробке, покрытой тонким слоем парафина.

И. Камардина

Помощник гидротехников

Проделайте такой опыт: на тонкое сито, вставленное в воронку, насыпьте слой земли и промойте ее несколько раз раствором поваренной соли. В вашей воронке образуется искусственный солончак.

А теперь попробуйте промыть солончаковую почву пресной водой. Что из этого получится!

Многие из вас, наверно, скажут: и без опыта ясно: вода растворит поваренную соль, уничтожит солончак. И они ошибутся. Сначала так и будет. Вода будет просачиваться сквозь почву довольно быстро: в минуту вытечет тридцать — пятьдесят капель. Но постепенно капель будет все меньше, и наконец вода совсем перестанет течь из воронки.

Проткните «солончак» посредине палочкой. В отверстие хлынет вода, но через несколько минут осолоненная земля затянет отверстие, и вода перестанет просачиваться.

Такой опыт провел академик А. Н. Соколовский для того, чтобы помочь Харьковскому горсовету спасти искусственное озеро в Харькове. Это озеро было вырыто в 1949 году. Весной озеро наполнилось водой. Глубина его достигала двух с половиной метров. Но к началу апреля вся вода ушла из озера. Тогда-то горсовет и обратился в Академию наук с просьбой спасти озеро.

Конечно, стенки и дно озера можно было покрыть глиной или облицевать бетоном или асфальтом. Но глина не полностью задерживает воду, а бетон и асфальт слишком дороги. Нужно было найти другой, более дешевый водонепроницаемый материал.

Академик А. Н. Соколовский предложил для борьбы с утечкой воды... соль.

Изучая свойства почв, он заметил, что солонцы не пропускают воды. Соль, заполняя поры почвы, делает ее водонепроницаемой.

«Если природные солончаки не пропускают воду,— думал ученый,— то почему нам не создать искусственный солончак!»

Сперва он ставил опыты в лаборатории, а затем проверил их на практике.

Опыт, который я советую провести вам, он усложнил тем, что пропускал воду сквозь солонец под большим давлением, равным весу столба воды в пять километров. И солончак все равно был непроницаем. Ни одной капли воды не просочилось.

Осенью 1949 года от сухой чаши озера отделили небольшой отсек и стенки его осолонцевали. Весною следующего года талые воды снова наполнили озеро, и вскоре вода снова ушла в землю. Сохранилась она лишь в осолонцованной части озера.

Так в Харькове родилось маленькое озеро, которое в шутку прозвали Пионерским: летом в нем купаются дети.

И в других местах теперь проводится солонцевание оросительных каналов и водоемов.

Так химики заставили поваренную соль, которая делает почву бесплодной, собирать воду для наших полей, повышать их плодородие.

Еще о поваренной соли

Ученые подсчитали запасы поваренной соли в современных морях и океанах и выяснили, что они достигают двадцати миллионов кубических километров. Если бы можно было извлечь всю соль, которая содержится в морской воде, то она покрыла бы поверхность всего земного шара слоем почти в сорок метров. А для того, чтобы перевезти всю соль, которая ежегодно добывается на всем земном шаре, потребовалось бы свыше двадцати пяти тысяч железнодорожных составов.

Соль нужна кожевникам, мыловарам, красильщикам, металлургам, нефтяникам, медикам. Но больше всего ее требуется химикам. Свыше трети всей соли перерабатывается в соду, соляную кислоту, хлор, щелочи, удобрения, химические реактивы.

Солью пользуются для тушения горящей сажи, для закалки стальных изделий. Она применяется при очистке нефти, для ускорения таяния льда на железных и шоссейных дорогах. Она нужна в табачном производстве для предохранения табака от пересыхания: соль притягивает влагу из воздуха.

Более 1 400 различных применений нашли ученые и инженеры для поваренной соли.

Б. Розен,
кандидат химических наук.

Рассказы-загадки

Однажды в химическом кружке 110-й московской школы был проведен необыкновенный вечер — вечер рассказов-загадок по химии. Некоторые из прочитанных на вечере рассказов были написаны ребятами. После того, как каждый рассказ прочитывался, все принимались отгадывать, какое вещество или какая химическая реакция в нем описывались. Вечер прошел очень оживленно и весело. Он принес большую пользу и тем, кто придумывал рассказы, и тем, кто отгадывал загадки.

Мы печатаем здесь один такой рассказ и надеемся получить от вас разгадку химической загадки, заключенной в нем.

Подарок горного владыки

Огонь походного костра померк, остались одни ярко раскаленные угли. Горные разведчики давно уже были в сборе. Заканчивая ужин, они обсуждали происшествия сегодняшнего дня. По обыкновению, не хватало лишь Рудознатца. Каждый из ребят в глубине души считал себя мастером своего дела, но с Рудознатцем никто из них тягаться не мог: то ли он видел минералы сквозь землю, то ли он чуял их запах, то ли сам сказочный Владыка гор нарочно подбрасывал чудесные камни на его пути. Как всегда, Рудознатец вынырнул неожиданно, словно из-под земли. Он потрясал зеленым непрозрачным камнем, и его лицо сияло торжеством.

— Знатная добыча! — закричал он.

Камень пошел из рук в руки.

— Что это такое? — недоумевали ребята.

— Это — одно из самых ценных сокровищ нашего седого Урала,—сказал Рудознатец.—Над такими камнями трудились мой отец, дед и прадед. Вы видели в городском музее драгоценную зеленую вазу? Это работа моего деда. А что это за вещество, сами догадайтесь. Ш-ш-ш...

«Ш-ш-ш» на языке разведчиков означало: «молчи и наблюдай». При этом возгласе каждый обязан, что́ бы он ни делал, обратиться в зрение и слух. Рудознатец бросил зеленый камень на угли.

— Ну! — произнес Рудознатец. «Ну» означало: «теперь рассказывай, что ты видишь».

Камень, упав на угли, сразу почернел.

— Должно быть, он обуглился,— сказал один из разведчиков, но Рудознатец строго прервал его:

— Отставить! Догадки потом (у разведчиков полагалось сначала изложить все наблюдения, а потом уже делать выводы).

— Мне показалось,— продолжал другой разведчик,—что, когда камень стал чернеть, от него словно бы разливалась невидимая жидкость, она гасила угли вокруг камня.

— Дальше?—коротко спросил Рудознатец.

— После того, как камень совсем почернел, он стал краснеть.

— Там, где он касался раскаленных углей,—сказал третий разведчик.

— Еще что?— спросил Рудознатец.

— Когда покрасневший камень обдавала свежая струя воздуха, он снова чернел.

— Так все и должно быть,— удовлетворенно сказал Рудознатец.— Ведь этот камень — это...

Подумайте и ответьте

Как называется минерал, найденный Рудознатцем?

Что́ произошло с минералом, когда он упал на раскаленные угли?

В какое черное вещество превратился минерал при нагревании?

Что это за «невидимая жидкость», гасившая угли?

Почему черное вещество краснело при соприкосновении с раскаленными углями?

Почему красное вещество при обдувании его струей воздуха снова чернело?

Песчаная дорога в лесу

Юл. СЕМЕНОВ

Рисунки Н. Гришина.

Разморенные жарой сосны поили воздух терпким ароматом хвои. Песчаная дорога была перехвачена корнями.

Экипаж резко встряхивало, потом колеса снова погружались в мягкий теплый песок.

До маленькой, затерявшейся в лесах усадьбы доктора Зененко, к которому ехал в гости художник Шишкин, оставалось несколько верст. Прищурив глаза, Шишкин смотрел в небо, высокое, от жары казавшееся желтым.

Колесо сломалось внезапно: когда переезжали через корень, треснул обод. Лошади стали. Возница, обойдя экипаж, покачал головой Потом, вспомнив что-то, сказал:

— Обождите, барин, я мигом. Тут Антип недалеко живет. Кузнец.

— Что же он делает в лесу? — удивился Шишкин.

— А кто его разберет! Чудной! Говорит, от леса к людям радость идет.

Возница вернулся с высоким, сухим мужиком. Они вместе сняли колесо, и кузнец, взвалив его на плечи, двинулся к себе, высоко поднимая длинные ноги и твердо ставя их в рыхлый песок.

Шишкин вылез из экипажа. Он достал из дорожной сумки маленький пейзаж, написанный на фанере: тропинка сада вся в зелени, в яркой, весенней и потому чересчур веселой.

— А скоро он колесо, починит?

— Да кто его знает!.. Может, и скоро.

Шишкин присел на корточки и взял в руки горсть песка. Понюхал. У него в последние годы это вошло в привычку. Шишкин уверял, что каждый цвет в природе имеет свой запах. Потом он достал краски и начал писать на обратной стороне дощечки: натягивать холст на подрамник не хотелось.

Белое небо. Тугая зелень хвои. Светло-желтый песок. Сначала Шишкин написал и переплетшиеся, сильные корни деревьев. Но, подумав, убрал их.

Кузнец вернулся через час и вместе с возницей начал прилаживать колесо.

— Ты, говорят, лесной человек? — спросил его Шишкин.

Кузнец промолчал.

— Так, что ли?

— Так.

А что в лесу живешь? Скучно же!..

— Чего же скучно? У меня работа. Да и лес округ, — нехотя ответил Антип. — Все, — сказал он вознице, поднимаясь с колен, — доедете. Теперь — напрочно.

Шишкин подошел к нему и показал только что законченный этюд.

— Нравится?

Антип взглянул на картину, и безбровое лицо его окаменело. Он протянул руку, и Шишкин передал ему дощечку, на которой была написана песчаная дорога в лесу. Антип вздохнул и прищурил глаза.

— И с другой стороны взгляни, — предложил ему Шишкин.

— Погоди, барин, я уж с этой.

Он долго рассматривал пейзаж, а потом так же обстоятельно оглядел дорогу, лес, небо.

— А корней почему нет?

— Без них лучше.

— Так нельзя,— сказал Антип.— Нешто можно, чтоб они были и — нету?

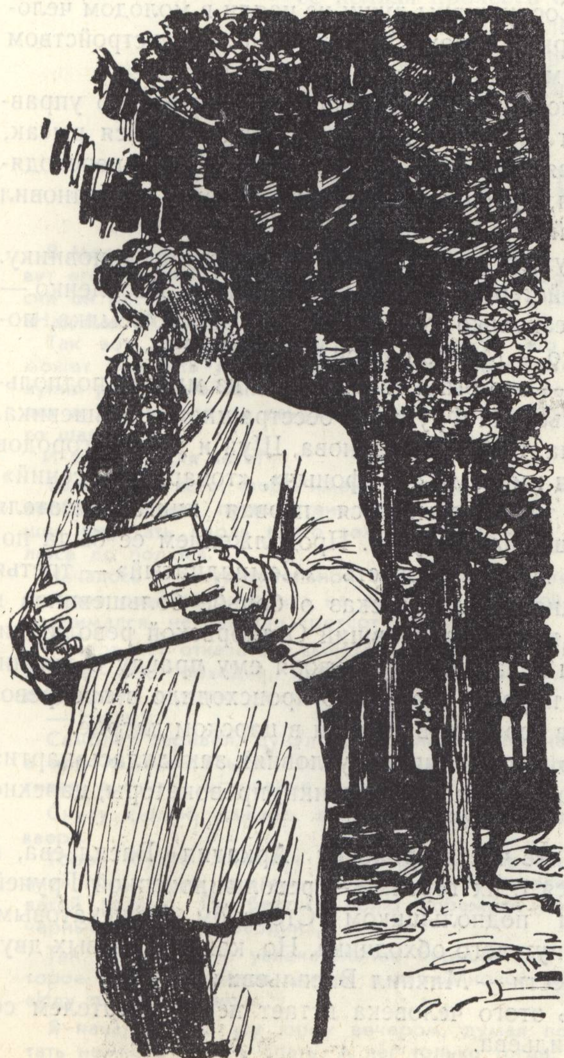
Шишкин хотел взять у него дощечку, но Антип перевернул и начал разглядывать обратную сторону.

— Тут-то, небось, все есть?

— Все.

— А эта все ж лучше,— сказал Антип, снова перевертывая дощечку.— Наши места, они самые хорошие. Только вот корней нет, к жалости.

Шишкин попросил у него пейзаж и по мягкой желтизне песка провел кистью несколько тонких узловатых линий. Они шли от сосен вниз, пересекая дорогу.

— Так?

Антип помолчал, вглядываясь, и радостно улыбнулся.

— Вот теперь так.

— Это мой тебе подарок,— сказал художник.

Антип опустил глаза и затоптался на месте. Тогда художник полез в карман и, достав несколько монет, протянул их кузнецу. Тот недоуменно посмотрел на Шишкина, пожал плечами и, не попрощавшись, пошел к лесу. Пройдя шагов десять, он обернулся:

— А за картину премного благодарны.

...Спустя несколько лет эту маленькую картину, висевшую в избе сына кузнеца, купил заезжий помещик Федулов за один рубль ассигнацией. Разглядывая покупку, он обнаружил с другой стороны яркий весенний пейзаж.

«Истинные дикари,— подумал Федулов.— Картину, и ту наоборот смотрят».

Он заказал в Нижнем Новгороде золоченый багет и повесил картину в своем кабинете. Смеясь, он рассказывал друзьям, как случайно нашел настоящего Шишкина.

— И заметьте, мазню какую-то с соснами они смотрели, а настоящего мастера русского,— в этом месте у Федулова всегда начинал звенеть голос,— настоящего мастера русского повернули лицом к бревнам деревенской избы!..

Недавно эта картина попала в фонды краеведческого музея. Еще с федуловских времен «Песчаная дорога в лесу» считалась обратной стороной и поэтому была заколочена планочками.

Один из работников музея, бородатый, вечно взлохмаченный старик Суровцев, спросил меня, близко заглядывая в глаза:

— Ну, а вам которая сторона больше нравится?

Я не знал, что ответить. Суровцев нахмурился, полез за кисетом, но, вспомнив, что курить в здании музея да еще в присутствии постороннего человека воспрещается, глубоко вздохнул и задумчиво сказал:

— Не знаю, кому как, а мне обратная сторона нравится больше. Может быть, оттого, что здешние места я особенно люблю, да и вообще любой настоящий лес. А истинный лес прикрас не любит, он строг, а потому великолепен.

Суровцев улыбнулся, большое лицо его сделалось светлым и добрым.

Он повернулся и пошел в свою комнату, шаркая ногами, обутыми в мягкие сапоги...

«Семнадцатый»

Это было в канун Октябрьской революции. В Чите, в городском управлении землеустройства, появился новый чиновник — Владимир Галактионович Василенко. Сослуживцы души не чаяли в молодом человеке, всегда подтянутом и приветливом. Заведующий землеустройством гордился своим подчиненным.

Жил Владимир Галактионович неподалеку от полицейского управления. Шел он однажды на службу и видит: разгорячившийся рысак, запряженный в сани, мчится прямо на стайку гимназисток, переходящих улицу. Не раздумывая, бросился Василенко к коню и остановил его. Все это видел полицмейстер Грузинов.

— Восхищен вашим мужеством,— сказал он молодому чиновнику.

И никто, даже полицмейстер, не знал, что позади у Василенко — два смертных приговора, несколько лет каторжных работ, ссылка, побег и что настоящее имя его — Михаил Васильевич Фрунзе.

«Владимир Василенко» — это была только одна из многих подпольных кличек Михаила Васильевича Фрунзе — бесстрашного большевика, ученика и соратника Ленина. Рабочим Иванова, Шуи и других городов России он был известен под именами «Трифоныч», «товарищ Арсений».

«Товарищ Арсений» — так и называется первая книга писателя Аркадия Васильева, посвященная Фрунзе. Продолжением ее была повесть «Смело, товарищи, в ногу...». Повесть «Семнадцатый» — третья часть трилогии. Это взволнованный рассказ о борьбе большевиков в период, непосредственно предшествовавший Октябрьской революции, о том, как они раскрывали глаза народу, говоря ему правду о жизни, о том, как росло сознание народа, о том, что происходило в предреволюционные годы в армии, в городах, в селах и в царском дворце.

Из книги ты узнаешь, в каких трудных условиях закалялась партия большевиков: со всех сторон окружали ее шпики, провокаторы, царские жандармы.

Тот, кто читал первые две части трилогии Аркадия Васильева, в этой книге вновь встретится с их героями — революционеркой Груней Савватеевой, бесстрашным подпольщиком Степаном Вожеватовым, скрывавшимся под видом путевого обходчика. Но, как и в первых двух книгах, главный герой повести — Михаил Васильевич Фрунзе.

Вся героическая жизнь этого человека встает перед читателем со страниц книг Аркадия Васильева.

В 1906 году Фрунзе нелегально приехал в столицу Швеции — Стокгольм: товарищи по партии выбрали его делегатом на IV съезд. Здесь он впервые встретился с Лениным.

Фрунзе много раз арестовывали за революционную деятельность. Несколько лет провел он во владимирской тюрьме, в ссылке. Дважды приговаривал его царский суд к смертной казни. Тогда в защиту Фрунзе выступили иваново-вознесенские рабочие. Их поддержали рабочие всей страны, и смертная казнь была заменена каторгой. Но и с каторги Фрунзе бежал, чтобы снова встать в строй борцов за народное дело.

После Февральской революции он возглавил революционное движение в Белоруссии, а в октябре 1917 года во главе отряда шуйских и ивановских ткачей участвовал в штурме Московского Кремля.

В гражданскую войну он командовал армиями, фронтами: Восточным, Туркестанским, Южным. Войска Фрунзе, в состав которых входила и легендарная Чапаевская дивизия, не знали поражений.

Книгу Аркадия Васильева «Семнадцатый» с особенным интересом прочтут те, кто читал первые две части трилогии. Но это не значит, что ее нельзя прочесть отдельно: повесть эта — вполне самостоятельное произведение. Она легко читается: в ней мало описаний, одно действие быстро сменяется другим, хочется узнать, что же дальше, что же дальше? Я прочел эту книжку залпом. Думаю, что она и тебе понравится.

Александр Тверской

ВДОЛЬ И ПОПЕРЕК

В Москве живет довольно отчаянный человек. Зовут его Николай Николаевич Михайлов. По профессии он писатель. Да ты, наверно, читал его книжку «Над картой Родины».

Так вот этому человеку днем сказали, что он может полететь на Северный полюс. Вечером он купил резиновые сапоги, а на рассвете сел в самолет и отправился на самую верхнюю точку земного шара.

И знаешь, для чего?

Только для того, чтобы именно оттуда начать свое необыкновенное путешествие. Потому, что он решил проехать вдоль всего земного шара — от полюса до полюса.

Началось это удивительное путешествие с того, что для разбега самолета на льдине, с которой он поднимался, не хватило трехсот метров.

«Пилот мог отказаться вылетать,— пишет Н. Н. Михайлов.— Но, походив, посмотрев, подумав, вдруг отшвырнул окурок:

— Ничего.

Самолет заревел, дунул тучей снега и помчался в лоб ледяной глыбе. Пока он мчался и подпрыгивал, я считал мгновения и пятился к хвосту.

Снизу сильно нажало в ноги: машина пошла вверх.

Торос будто чиркнул по подошве, проскользнул под самым крылом, сверкнул в глаза зеленоватой гранью. По белому полю побежали назад черные кляксы разводий...»

Так началось это увлекательное путешествие, которое Н. Н. Михайлов описал в своей новой книге «Иду по меридиану».

Я начал читать эту книгу вечером, думая почитать немного и лечь спать. А лег только тогда, когда перевернул последнюю страницу. Такой интересной, веселой, умной и увлекательной книги я не встречал уже давно.

Н. Н. Михайлов не только смелый путешественник, но и замечательный рассказчик. Он берет тебя за руку, тащит через весь земной шар, и ты видишь всюду самое интересное.

Прямо с борта самолета ты переносишься на палубу океанского корабля. Вместе с писателем подымаешься на Парфенон, гуляешь по Риму, ходишь по парижским улицам, мчишься на автомобиле по южному берегу Африки. Затаив дыхание, ты ждешь свирепого налета шторма на бурных сороковых широтах Атлантики или следишь, как у самого борта проходит ледяная громада айсберга, оторвавшегося от берегов Антарктиды. То ты знакомишься с забавными пингвинами, то участвуешь в опасной охоте на китов...

Прочтя эту книгу, я позвонил Николаю Николаевичу, чтобы поблагодарить его за все, что я узнал и перечувствовал. Но его уже не было в Москве.

Писатель отправился в новое путешествие. Теперь он решил объехать земной шар поперек — с востока на запад. Сейчас это путешествие завершено. Значит, скоро будет еще одна книжка.

Я уверен, что, прочитав книгу о первом путешествии Н. Н. Михайлова, ты, как и я, будешь с нетерпением ждать выхода второй.

А. Дорохов

Новый и толстый

О журнале «Уральский следопыт»

Веселый мальчишка в спортивных бутсах, с рюкзаком за плечами, шагает по обложке нового журнала — «Уральский следопыт».

Вместе с ним и мы совершим путешествие по страницам этого журнала, и перед нами откроется Урал — чудесный и богатый край.

Остановимся на минуту на сорок первой странице второго номера журнала. Строки очерка В. Федорова подводят нас к старинной, немного покосившейся дозорной башне Невьянского завода. Много легенд и сказов сложено об этой башне в народе. Немало в этих легендах фантастического, но есть и настоящая правда. Построил эту башню в начале XVIII века уральский заводчик Демидов, зачинатель российской металлургии, владелец множества чугунолитейных заводов-крепостей. В подвалах Невьянской башни, сырых, холодных и душных, погибли сотни крепостных рабочих, брошенных туда за малейшую попытку к бунту.

Журнал переносит нас и на пустынные берега реки Исети, покрытые густыми лесами. Здесь в 1723 году начал строиться новый российский город — столица Урала—Екатеринбург. Проходили годы, а «столица» эта так и оставалась грязным, захолустным городишком, для освещения которого хватало девяноста уличных фонарей.

Ведет журнал нас и по улицам старого Златоуста, откуда в 1774 году работные люди Косутарского завода уходили в отряды Пугачева.

Но не только прошлое открывает нам журнал. Он рассказывает и о сегодняшнем дне Урала. О Екатеринбурге, который давно уже стал Свердловском со множеством заводов, известных далеко за пределами нашей Родины, со школами и вузами, с научно-исследовательскими институтами; о новом Златоусте, ставшем крупным промышленным центром страны; о других городах Урала, в которых кипит наша, советская жизнь.

Немало замечательных людей отдали свою жизнь за то, чтобы Урал стал свободным и счастливым.

На фасаде свердловского здания городского Совета высечены их барельефы. Об этих замечательных людях говорит «Уральский следопыт» в разделе «Славные имена». Вот один из этих людей, Иван Михайлович Малышев. Семнадцатилетним юношей приехал Малышев учительствовать в уральское село Фоминское. Здесь началась его революционная деятельность. В гражданскую войну он храбро сражался с врагами. Весной 1918 года Малышев был назначен комиссаром Златоустовско-Челябинского фронта. Но короткой оказалась биография этого бесстрашного солдата революции. 22 июня 1918 года белогвардейцы зверски убили Малышева.

В разделе «Славные имена» интересно рассказано и о других коммунистах, героях гражданской войны: Владимире Азине, Антоне Валеке, о командарме Василии Блюхере, которому впервые в Советской стране была вручена высшая по тому времени награда — орден Красного Знамени.

И о труде наших современников — рабочих, краеведов, геоло-

гов, охотников, натуралистов — узнаем мы из журнала.

«Уральский следопыт» приоткрывает перед нами и технику будущего. Прочтите научно-фантастическую повесть В. Ковалева «Погоня под землей» — и вы познакомитесь с атомным землеходом, побываете в недрах земли. Много полезных советов юным натуралистам, геологам вы найдете на страницах журнала.

Еще до выхода в свет первого номера «Уральского следопыта» свердловские школьники пришли в редакцию и сказали, о чем они хотят прочитать в журнале. Одни говорили, что им хочется побольше узнать об атомной энергии и ее применении, другие просили чтобы печатались очерки о героях гражданской войны, третьим очень хотелось почитать о приключениях и путешествиях. А все вместе сказали: журнал должен быть веселым.

А что бы вы хотели почитать в журнале, ребята? Журнал ведь новый и толстый — он может о многом рассказать вам.

Светлана Русакова

КНИЖНАЯ ВИТРИНА

Книги-советчицы

Наверно, с тобой не раз так бывало: заинтересовался ты чем-либо, хочется тебе узнать о чем-нибудь подробнее, но ты не знаешь, где об этом можно прочитать.

Оказывается, есть книги, которые могут помочь тебе.

«Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и процветание Советской Родины»,— говорится в законах юных пионеров Советского Союза. Небольшая книжечка **«Этих дней не смолкнет слава»**, составленная С. Любимовой, познакомит тебя с хорошими книгами о Великой Октябрьской революции, о гражданской войне и о Владимире Ильиче Ленине.

Пионер любит природу. Если ты хочешь побольше узнать о животных, птицах и рыбах, живущих у нас и в тропических странах, о лесных и луговых растениях, о том, как люди заботливо выращивают растения, и о том, как путешествуют реки,— загляни в книжку, составленную О. Хузе и Л. Мейеровой, **«Книги о природе»**. Возможно, многие из них ты уже читал (там перечислены книги для ребят младшего возраста), но ты можешь посоветовать их младшим пионерам и октябрятам, своему братишке или сестренке. Ты можешь выбрать книгу для того, чтобы почитать ее младшим ребятам вслух.

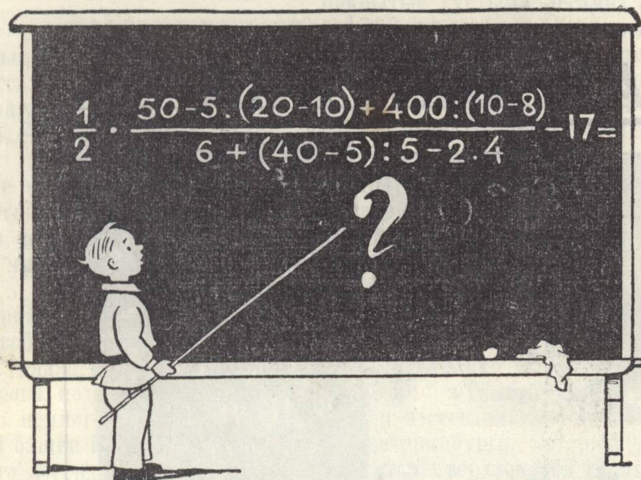
В книжке В. Пекелиса **«Прочти книги по технике!»** подобраны книги для старших ребят, любящих технику. Тут ты много интересного подберешь для себя.

Кроме книг-советчиц, которые мы назвали, ты найдешь в библиотеке небольшие листовки и закладки, в которых перечислены книги о комсомоле, о революции. Скоро в Детгизе выйдет новая книга-советчица — **«Сто интересных книг»**, составленная В. Гакиной и С. Любимовой. Ее название говорит само за себя. Почаще заглядывайте в эти книжки, ребята, они помогут вам выбрать книгу о том, что вас интересует.

ФАМИЛИЯ ВЕЛИКОГО МАТЕМАТИКА

Решив этот пример, напишите ответ не цифрами, а словом. Затем найдите слова следующих значений: 1. Часть света (9). 2. Знак препинания (4). 3. Остров в Средиземном море (4). 4. Мужское имя (6). В скобках указано количество букв в загаданном слове.

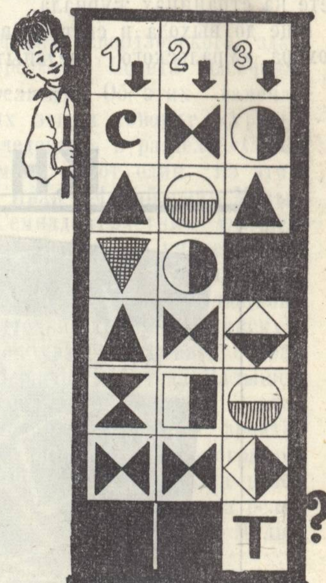
В каждом из найденных слов обязательно должны быть все те буквы, которые имеются в ответе на арифметический пример. Вычеркните их. Из оставшихся букв составьте фамилию замечательного русского математика.

Составил **М. Белых.**

ЗАДАЧА С ПОДСКАЗКОЙ

Фигурки в квадратиках означают буквы; одинаковые фигурки означают одинаковые буквы; сплошь зачерненные квадратики — промежутки между словами.

Заменив фигурки нужными буквами, прочитайте (сверху вниз, по колонкам) знакомую всем вам русскую народную пословицу.

А подсказка — это первая и последняя буква в тексте пословицы. Остальное расшифруйте сами.

Составил **А. Динин.**

ОТВЕТЫ
на задачи, помещенные в № 10

Пять вопросов-шуток

1. Подушка. 2. Только до середины, а дальше будет уже из леса. 3. Когда он погружен на платформу, прицепленную к поезду. 4. Имя. 5. Они прятались от солнца.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 09329. Подписано к печати 31/X 1958 г. Тираж 400 000 экз. Изд. № 1214. Зак. 2342.

Форм бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НЕВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

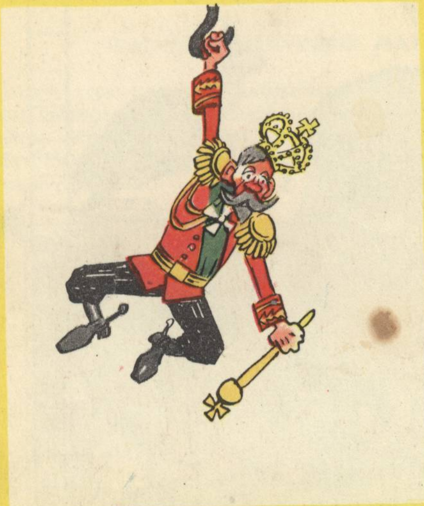
Вы видите, к чему привела рассеянность художника: он забыл запереть двери зоологического чайнворда, обитатели которого тотчас же разбежались. Помогите собрать беглецов и разместить их по своим местам в клетках чайнворда.

Н. Васильев

Цена 2 р. 50 к.

Слова, упраздненные Октябрем...

Порой и вспомнить трудно, что они означали. Вот какое толкование предложил художник **Е. ВЕДЕРНИКОВ.**

Самодержец.

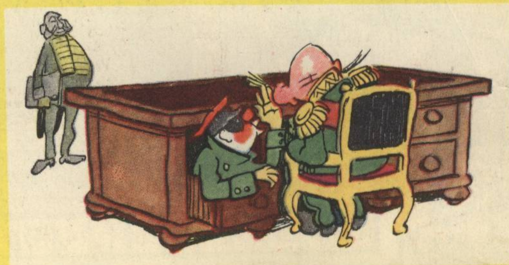
Столбовой дворянин.

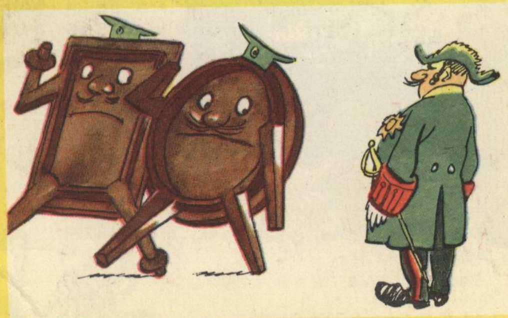
Его сиятельство светлейший князь.

Министр двора.

Тайный советник.

Столоначальник.

Камер-юнкер.